

ВРЕМЯ ИДМБ 59 1981

А. КЕСТЛЕР
Парапсихология в
свете новой физики

И. СУСЛОВ
Мои
автографы

В ЭТОМ НОМЕРЕ: ОТРЫВОК ИЗ
РОМАНА ФЕЛИКСА РОЗИНЕРА ●
РОТНЫЙ ПРИДУРОК ПОСЛЕ ВОЙ-
НЫ ● АМЕРИКАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
СЕГОДНЯ ● ТЕМНАЯ ТЕНЬ НАД
"СВЕТЛЫМ БУДУЩИМ" ● ТЕЛЕ-
КИНЕЗ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА
● МЕМУАРЫ ИЛЬИ СУСЛОВА ●
ПАЛИТРА БОРИСА ЗЕЛЕНОГО ●

Ф. РОЗИНЕР
Некто
Финкельмайер

А. ВЕРНИК
По головам, по чер-
ным перекрестам

Г. БЕН
Стремление
к истокам

Б. ЗЕЛЕНЬИЙ
Иерусалим глазами
художника

Л. ЛАРСКИЙ
Партия — наш
рулевой

В. З. РУБИНЗОН
Алия в зеркале
социологии

ВРЕМЯ И МЫ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Седьмой год издания

Выходит один раз в два месяца

59
1981 МАРТ-АПРЕЛЬ

НЬЮ - ЙОРК - ИЕРУСАЛИМ - ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" - 1981

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ФАИНА БААЗОВА	ЛЕВ НАВРОЗОВ
ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА	КАРЛ ПРОФФЕР
ЕГОШУА А. ГИЛЬБОА	АЛЕКСАНДР ПЯТИГОРСКИЙ
ИЛЬЯ ГОЛЬДЕНФЕЛЬД	ИЛЬЯ СУСЛОВ
МИХАИЛ КАЛИК	ДОРА ШТУРМАН /зам. гл. редактора/
ЛЕВ ЛАРСКИЙ	ЕФИМ ЭТКИНД

Израильское отделение журнала "Время и мы"
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отделения: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422/6,

Французское отделение журнала "Время и мы"
Заведующий отделением Ефим Эткинд.
Адрес отделения: 4 rue Paul Bert, 92150 SURESNES
FRANCE.

Представители журнала

АНГЛИЯ Александр Штромаас
Croft House, Top Plat 32 New Hey Road Rastrick, Brighouse
W Yorkshire HD6 3PZ ENGLAND

Западный Берлин Лотар Ролл
Lipschitzallee 24, 1000 Berlin 47, Т. 603 33 49

Канада Юрий Лурьи
306 Robson Hall Winnipeg, Manitoba Canada R3t 2N2
t (204) 474 9773

ФРГ Арий Вернер
Postfach 50 1968 5000 Koeln, 60 West Germany

OCR и вычитка - Давид Титиевский, ноябрь 2010 г.
Библиотека Александра Белоусенко

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Феликс РОЗИНЕР
Некто Финкельмайер. 5
Александр ТУЧКОВ
Операция "Соломон". 52
Фридрих ГОРЕНШТЕЙН
Разговор. 75

ПОЭЗИЯ

Александр ВЕРНИК
По головам, по черным перекрестам. 82
Татьяна ФИЛАНОВСКАЯ
Геометрия времени. 86

ПОЛИТИКА. ЭКОНОМИКА. СОЦИОЛОГИЯ

Леонид ТЫКОЦКИЙ
Темная ночь над "светлым будущим". 90
Г. НИЛОВ
Параложь советской системы. 113
Вольфганг Зеев РУБИН ЗОН
Алия в зеркале социологии. 148

ПИСАТЕЛЬ И МИР

Георгий БЕН
Стремление к истокам. 162

НАУКА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Артур КЕСТЛЕР
Парапсихология в свете новой физики. 174

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Лев ЛАРСКИЙ
Партия — наш рулевой. Из мемуаров ротного придурка 197
Илья СУСЛОВ
Мои автографы. 221

ЖИЗНЬ ВЫМЫСЛА

В начале марта 1971 года, а Литве, в небольшом городке Друскининкай, я стал было записывать небольшой рассказец — так, анекдот, крутившийся в голове уже два года. Написав пять страниц, я вдруг обнаружил, что в сознании моем помимо воли стали появляться все новые и новые люди, города и улицы, дома и квартиры, в которых вершились события и завязывались отношения, удивившие от рассказа все дальше и дальше... Я не совру, если скажу, что большая часть романа в несколько сот страниц промелькнула передо мной тогда в течение мгновений. Бросив писать, я стал бродить по укрытому снегом ночному парку, думая о Пушкине с его "магическим кристаллом", о Моцарте, который слышал свои симфонии сразу, как бы в единой "свертке", о Берлиозе, рассказавшем, как снилась ему несколько раз одна и та же музыка и как он не позволил себе записать ее, поскольку не имел на нее заказа и без надежд на заработок не мог отдаться большой работе. А я? Писать в стол рассказы, стихи, это куда ни шло, но роман, за который еще и могут привлечь при случае... Не дописать ли пару абзацев и тем все закончить?

Судьба романа решилась в Москве, в ту минуту, когда Татьяна, моя жена, сказала мне: "Пиши!" Под знаком этого благословения прошли четыре года. Едва я брался за роман, он начинал настойчиво диктовать себя, будто судьбы героев были уже однажды прожиты, и мне досталась роль их послушного историографа.

Тому было несколько подтверждений. Со мной как-то раз откровенничал директор одной из московских школ, и, заметив на моем лице странное выражение, он обиженно спросил: "Вы не верите?" Мог ли он знать, что фантастический эпизод из его биографии был мной сочинен всего лишь несколько дней назад!.. Об одной из вымышленных коллизий романа, в правдоподобии которой я был далеко не уверен, мне случилось прочитать в газетном фельетоне... Но самое непредвиденное началось, когда роман был закончен, и его стали читать знакомые и незнакомые: "Ну, кто в действительности эти /назывались персонажи/, мы, конечно, сразу догадались, а вот кто такой /имярек/?" И напрасно я заверял, что только у одного из моих героев /Леопольд/ существовал прямой прототип.

Все это было для меня наукой. Я понял, что сколько бы ни было фантазмагорично бытие, воображенное писателем, реальная жизнь посмеется над его тщеславными попытками превзойти ее и преподнесет ему и вовсе невообразимое. И еще. Похоже, автор поневоле хочет повторить выдуманную им судьбу. Было так, что я сделал однажды шаг, — будто кто-то подтолкнул меня в тот миг, — за которым стояла эта судьба. До сих пор не знаю, что именно спасло меня тогда. Но я знаю тех, и их много, близких моих друзей, и друзей мне мало знакомых, кто спасали роман от почти неминуемой гибели.

Им я обязан, что роман выходит в свет. Всем им, чьи имена не следует сегодня называть, я посвящаю его.

Феликс РОЗИНЕР

Феликс РОЗИНЕР

НЕКТО ФИНКЕЛЬМАЙЕР

Отрывок из романа

1

Есть люди, созданные для того, чтобы быть счастливыми. И все, что с ними ни случается, — все идет им впрок. Уж и стукнет такого человека судьба, стукнет крепко, ударит оземь, а он — вот уж, гляди, стоит на ногах, улыбается, словно бы всего лишь кувырок через голову сделал, на мягком ковре, на этой самой жизненной арене: "Алле — эп!" — словно бы весело вскрикнул и руки широко распахнул, весь мир призывая в зрители, и музыка гремит бравурно во славу его победы — во славу великого искусства жить. Но тут, испытывая как по программе, снова его ударит, да больнее, крепче, неожиданней, — а он опять, поди ж ты, как Ванька-встанька, стоит, и хотя еще покачивается покуда, но жив-здоров, и похоже, опять вхолостую его ударило. И много еще раз будет с ним в жизни такое, что не приведи Господь другому испытать, — но стоит он себе, на судьбу поплеывает, водку пьет, курит "Приму", жена от него детей рожает и аборт исправно делает, он же своего не упускает — со многими еще бабами путается, надоест с которой — бросит, а сызнова заохотится — новую и за-

ведет. Он и помрет удачно — в одночасье, как в старину говорили. Завидно, честное слово!

Другие же, — напротив: чем бы их ни баловали житейские обстоятельства — достатком ли денежным, любовью ли женской, другом хорошим, здоровьем отменным, — все не то, все не так, ничто не приносит душе покоя. Разве что временем недолгим отпустит немного...

Никольский это за собою знал. Никогда не умел он подумать о себе, что счастлив. И в лучшие свои времена — а бывало так, что он без оглядки отдавался новой работе, что любил женщину безумно, до лихорадочных огней на глазах, что кутил с лихой компанией не одну неделю, раскатывая на машинах по веселому грузинскому побережью, — и в эти лучшие свои времена чувствовал Никольский, как изнутри, из него же самого и внутрь себя же смотрит некое недреманное и печальное око, и мнится что-то, и тяготит горечью терпкой — привычной и сладостной даже... Отчего это в нем? "Такая твоя конституция, и — раз...ись!" — припечатывал он обычно, когда на него находило сие никчемное, бесполезное желание познать самого себя. Но когда случалось ему в какую-то муторную минуту ощутить вдруг с глубокою болью нестерпимую жалость к себе, объяснял он все так, что чего-то не нашел, или не нашел кого-то, что все сложилось не так, как надо было бы сначала всему сложиться, что окружающая его жизнь паскудно устроена — потому, помимо прочего, паскудно, что в ней просто-напросто не может выпасть тот единственный, нужный ему шанс, так как в этой сволочной жизни подобного шанса вовсе не существует, в чем Никольский всегда был уверен.

Такая-то минута и наступила для Никольского в очередной свой раз, и в очередной раз подумал он все это про себя — насчет сложилось — не сложилось и насчет шанса, которого не может быть. Подумал — и внезапно незнакомое что-то шевельнулось в нем... Леонид приостановился даже и голову приподнял, оглядываясь вокруг, точно постарался увидеть это незнакомое не в себе, а вовне, и объяснить в нем шевельнувшееся

событием случайным, звуком или движением, которые происходили где-нибудь неподалеку, вокруг него.

Был в эту минуту Никольский близко к окраинной Москве, у Песчаных улиц. Выйдя из метро, он прошел уже мимо ограды церкви, и заходящее солнце светило прямо в лицо. Он взглянул через плечо, назад, и увидел, как сияют золотом высокие кресты. В этих местах от пригородной старой застройки оставались, жили еще среди новых больших домов прилепленные к земле бревенчатые избушки с четырьмя окнами и остроскатные франтоватые дачи. А около них и кое-где среди уличного тротуара достаивали свой век редкие березы и сосны. Приостановившись на миг, посмотрел Никольский на тугую лоснящуюся белизной березовую кору, и выплыло из памяти такое, что не вспоминалось никогда: пришло к нему, как в далеком детстве, в войну, его дед деревенский, бывший поп, ножиком перочинным подрезывает кору, слезинки сока показываются в подрезе и сбегают по стволу вниз, а он, мальчишка, пьет и сытым становится и счастливым.

Вдалеке от центра московская весна не выглядела столь серой и унылой, какой она была в главной городской черте. Здесь сдвинутые к кустам и газонам сугробы не казались кучами бесформенного серого тряпья, обносками зимней природы, они до конца, до полного таяния, хранили белейшую пухлость, а лед на лужах обладал присущей ему натуральной прозрачностью. И из-под льда; и из-под сугробов вода прожурчалась уже дорожками и неслась куда-то, будто движимая неизбыточной и безудержной проснувшейся в ней надеждой. Простое и туманное слово это — н а д е ж д а — осветило сознание Леонида, сказало ему о том незнакомом, что зашевелилось в нем несколько мгновений назад... Но откуда же надежда? И на что ему надо надеяться? — Сбиваясь с ускользящих вопросов, добивался он у себя. И тогда столь же тихое, как н а д е ж д а, назвалось — произнеслось ему отчетливое и м я . Едва достигло оно сознания Никольского, он сжал губы и растянул их в неровной усмешке. От-

вечая своим мыслям, он даже покачал головой, словно влево и вправо отогнал все, что вдруг нахлынуло на него.

Вода-то пускай себе прожурчится, куда там ее несет. А э т о м у завладеть собой он не позволит.

И Никольский зашагал с обычной для него решительностью походки.

2

На расстоянии десяти минут ходьбы от метро, в стороне от широкой улицы, по которой уже лет восемь как пустились автобусы, был дом, который выглядел странновато в ряду себе же подобных старых, так называемых "частных" домов. Ни аскетической простоты бревенчатого избяного сруба, ни глуповатой легковесности дощато-дачной постройки нельзя было уловить при взгляде на этот дом. Имея вполне загородный вид, — с крылечком, верандой и балкончиком под мезонином, дом все же выглядел, как городской особняк стиля начала века. Правда, архитектурный стиль модерн пришел на московские улицы и переулки как утверждение новых возможностей бетона и стекла, позволивших вычерчивать на фасадах сложной формы кривые и дуги, делать широкие и тоже сложной формы и очертаний оконные и дверные проемы. Кирпичу же и дереву, если оно еще применялось, оставался, когда хотели выстроить нечто х у д о ж е - с т в е н н о е , — оставался древне-русский или, по более поздней терминологии, "псевдо-русский" стиль с башенками, кокошниками и наличниками... Верен в принципе этот историко-архитектурный анализ московских стилей начала века или нет, однако именно с такого анализа начинала хозяйка этого дома, когда, в ответ на удивление, а чаще недоумение своих вновь обретенных знакомых или случайных гостей, объясняла, в чем именно заключается оригинальность "Прибежища" — как звала она свой дом. Тем он и необычен, по ее словам, что старые материалы — кирпич и, главное, дерево стилистически использованы здесь так, что дали эффект модерна. Были применены, по словам еще отца нынешней хозяйки, какие-то наборные деревянные балки — он называл

их "равногуженными" брусьями, и вот эти-то балки позволили получить дуги и кривые точно так же, как если бы их сделали в бетоне. Но, конечно, все это в скромных размерах, поэтому домик выстроился небольшой, что, впрочем, даже к лучшему: к хозяйке, единственной нынешней владелице его, никого не пытались вселить, а ее не пытались выселить.

Действительно, за исключением нескольких подсобок — кухоньки и безоконных чуланчиков и каморочек, выходящих в путанный, какой-то коленчатый и суставчатый коридор, — дом представлял собой одну-единственную комнату с тремя высокими полукруглыми окнами по длинной стороне. Комната эта была весьма большой. По меркам московских особняков прошлого века она могла быть или скромной залой, где дворянское семейство собиралось по вечерам для музицирования, пасьянса и чтения вслух; или просторной обеденной, где неколебимо — широк и долог — стоял оплот сытого и медлительного бытия — стол. Но этот дом строился уже лет на пятнадцать позже того, как последние из ленивых московских полупомещиков — полугорожан сменились хваткими дельцами, которые сыновей своих поотдавали в инженеры-путейцы и в инженеры-строители, и вот один-то из них, совсем еще безусый юнец, едва окончив высшую школу, и принялся выдумывать и возводить себе этот дом. Удивительная, прямо сказать, затея для неженатого, вовсе неоперившегося молодого человека — в ранние-то годы возмечтать о собственном доме! Однако задумал он его не ради того, чтоб хорошо поместить оставленный покойным батюшкой капиталец и иметь прочный свой угол. Молодой человек — строитель по образованию и художественная натура по склонностям — хотел устроить для себя некое святилище искусств, приют возвышенных фантазий, средоточие божественных красот. Он увлекся живописью, иногда выставлял одну — две работы на какой-нибудь выставке, и вот, едва обретя самостоятельность, стал воплощать в реальность свою юношескую мечту: начать свою жизнь, а потом и прожить ее всю не среди банального мещанского уюта, а в доме, который прежде всего был

удобен для занятий искусством, располагал бы к артистическому времяпрепровождению. А что до бытовых удобств, то это дело второстепенное, не важное. Пылкий поклонник искусств, новоиспеченный инженер-строитель, исходя из своих идей, сам разработал планировку, красиво вычертил проект, и в старом "Ежегоднике Общества архитекторов", который и сейчас нынешняя хозяйка дома держит на видном месте, можно увидеть отличное фото с проекта и хвалебную статью об оригинальном замысле.

Затея с домом началась как раз за год до Мировой войны, а протянулось строительство через десять лет войны и разрух, да и заглохло в нэповские времена: окончен дом так и не был. Со двора — снаружи, по закоулкам и чуланчикам — внутри, — всюду можно было найти дощатые и фанерные латки, выгородки и временные заделки. В самом же главном и единственном помещении, которое мыслилось автором как прежде всего мастерская живописца и скульптора, а также и как музыкально-драматический салон /у одной из стен пол был уложен на ступень выше, и получилось что-то вроде небольшой эстрады/, — в этой комнате со временем тоже пришлось многое переменить по сравнению с первоначальным видом. Были сделаны антресоли — этим красивым словом называли грубо сколоченную из досок и подпертую столбами галерею, на которую поднимались по лестнице, сооруженной сбоку от двери. Поначалу галерея пересекала лишь три стены мастерской, не заходя на фасадную, во всю высоту которой шли окна с полуциркульными верхами; но потом и окна рассекли деревянным настилом — как раз по основаниям оконных дуг, — и тут уж соразмерность, пропорции и прочие подобные качества интерьера вовсе исчезли, однако впечатление странности его усилилось еще более. Там же, где находилось на полу возвышение, кусок площадки отгородили тяжелой мебельной тканью и тоже это отрезанное пространство назвали красиво — а л ь к о в о м . Понятно, перемены эти происходили не сразу, и шли на них вынужденно, поддаваясь тому самому житейскому, что входило в семью хозяина и чего он так хотел избежать, когда в молодые

годы думал о своем будущем. Да и жизнь совсем не так сложилась, как хотел он предполагать, а просто говоря — вовсе не сложилась. Он был "спецом" — царским еще инженером, и помыкали им, как хотели, и в двадцатые годы и в тридцатые, так что мотался он от одной стройки на другую — и все под контролем, под недоверием, под угрозой. Мотался один, без жены: ее он всегда оставлял в Москве, оберегая от жутких условий, в которых приходилось жить самому, и оберегая тем самым — что было едва ли не равнозначной причиной его одиноких кочевий, — оберегая дом. Жена его, бывшая курсистка, влюбившаяся в молодого инженера-идеалиста и в его живопись, еще до знакомства с ним была связана с социал-демократами, в революцию стала большевичкой и позже преподавала в Институте красной профессуры. Так что ее партийное лицо до поры до времени прикрывало буржуйскую личину мужа. Но 37-й год все привел к общему знаменателю: инженера забрали прямо со стройки на Урале, за женой спустя несколько месяцев пришли сюда, в этот дом. Но ей редко, в числе немногих, повезло: как раз тогда осудили ежовщину, кое-кого повыпустили и ее тоже, потому, прежде всего, что ей вот-вот пора было родить.

Раньше, когда разрушали весь мир до основания, а затем начинали строить наш, новый, — до ребенка ли было? Муж дома бывает — приездами, она — приходами: то лекции, то собрания, то шефское выступление перед рабочими. И записки на столе — прости, дорогой, не смогла встретить, люблю, целую, до скорой встречи, уезжаю сегодня в ночь, береги себя, позови управдома, попроси починить кран, а то течет, будь здорова, целую, — эти записки, брошенные при обыске обратно в старый портфель как явно не нужные, до сей поры еще что-то кричат вдогонку... А тогда — между этих записок — вскрикнула однажды и природа: пробила сквозь все, что заставляло ее молчать, — и вот в уже немолодой женщине, которая не успела, не умела даже подумать о своем материнстве, стал вызревать ребенок. Ребенок ее и спас. Отец же так и сгинул неизвестно где и когда, не

зная, что он отец, а может быть, если погиб сразу, и не был отцом ни минуты.

Дочку мама назвала Верой. От той Веры, что значится в святцах вместе с Надеждой, Любовью и матерью их Софьей, это имя отличалось тем, что дано было не во славу Божественной Веры, а в знак непоколебимой веры в Правоту и Мудрость Партии и Вождя, а заодно и в невиновность мужа, который, когда р а з б е р у т с я , вернется в дом, к жене и дочери.

Давно не было уже отца; не было уже Вождя; умерла не сколько лет назад мать; странный дом еще жил, и Вера, нынешняя единственная его владелица, переняв, наверное, в силу наследственности, от незнакомого ей отца чувствительность к изящным искусствам, литературе и музыке, по-прежнему хотела видеть свой дом Прибежищем Прекрасного... Действительно, старенькое пианино с постоянно открытой пожелтевшей клавиатурой; заплывшая парафином бронза подсвечников; небольшие мраморные и гипсовые скульптуры — от копии Кановы до головки Нефертити; десятка полтора картин в масле и эстампов — подарки явно не бес-талантных художников; этюд К. Коровина и акварель А. Бенуа; альбомы репродукций, свитки старых, покрытых ржавыми пятнами гравюр, кипы архитектурных журналов — все это стояло, висело, лежало, иногда падало и всегда попадалось на глаза тут и там в углах, на столиках, этажерках — и внизу, и на антресолях, и в чуланах, и даже на кухне.

Вера не хотела приводить свой дом в какой-то организованный вид и, пожалуй, была права: всякая упорядоченность лишила бы и Прибежище и его хозяйку той едва ли не основной черты, которая делает дом неотделимым от своих обитателей... К тому же, в доме с некоторых пор установился такой стиль жизни, при котором размеренность и порядок становились вообще невозможны: у Веры всегда бывали люди, приходили и уходили в любое время дня и ночи компаниями и поодиночке, нередко на антресолях кто-то оставался ночевать, а кто-то и застревал в доме на несколько дней. Все это были люди художественного толка, чем-то интересные, чем-то

неприятные, но так или иначе, атмосфера Прибежища создавалась ими.

Года три назад, однажды вечером, случайно, как и большинство из тех, кто попадал сюда впервые, появился у Веры в доме Никольский. Его привел знакомый, которому сказал один приятель, что в одном доме сегодня вечером будет что-то интересное. Что тогда было интересного, Никольский не помнил.

В те дни, три года назад, Никольский переживал смутные времена. Причину своего затяжного сумеречного состояния Никольский со всей очевидностью находил в длительном отсутствии у него женщины. Этой же причиной объяснял себе Никольский и то, почему у него столь быстро и бурно завязался роман с Верой. Но одно дело — почему роман завязался; другое — почему он тянулся несколько лет. Тут уж примитивные объяснения не годились. Никольскому было нипочем порвать с возлюбленной, когда он этого хотел, раз и навсегда. В чем — в чем, а с теми, кого приходилось оставлять, он вел себя честно: в минуту безудержной тоски по любовным играм не прибегал к попыткам возобновить старое, зная, как это тягостно для женщины, да и самому тошно. И бывало, не раз уже бывало, что и с этим нынешним его романом с Верой хотелось ему покончить, но Леонид всякий раз чувствовал, что уйти, наверное, не сможет. Вера — как он знал — оказалась из тех женщин, к которым Никольского особенно тянуло: нравились ему почему-то умные эти, резковатые в манерах и в чертах лица независимого толка женщины, тип которых столь распространен сейчас по нашим большим городам. Женщине уже под тридцать, обеспечивает она себя всем, зарплата и квартира у нее ничуть не хуже, чем у мужчины ее возраста, она уверена в себе и вовсе не собирается тебя ловить в брачные сети — кажется, о замужестве она и не помышляет. Никольский был не настолько глуп, чтобы не понимать, что, как и многих, его такие любовницы устраивали именно в силу их житейской независимости: влечение к той или иной особе было приятнее, когда не влекло за собой моральных неудобств. Что же до качеств женского ума,

то, как это ни парадоксально, Никольский ценил их тем выше, чем меньше был уверен в своих собственных умственных возможностях. Так уж у него получалось: он начинал ухаживать за какой-нибудь дурашкой-хохотушкой, когда у него все в жизни ладилось, когда голова была ясной, и он ощущал себя на многое способным. Стоило же почве под его ногами несколько заколебаться, как он в дополнение к любви простой начинал искать с женщиной обязательно умных разговоров, таких, чтоб можно было, подогретому близостью ее тела, выговариваться искренне, как на исповеди, вдохновенно и... красиво. Редкая женщина способна оказаться в такие минуты на высоте — не только по возможностям своего разума, но и по тактическому умению долго слушать, в меру соглашаться и в меру возражать своему возлюбленному.

Вера, признавал Никольский, оказывалась на высоте всегда. Много раз ловил он себя на том, как во время какой-то деловой склоки или по-мужски агрессивного спора с приятелем он вдруг, злорадно ухмыляясь, умолкал и хранил про себя разительные аргументы, чтоб не метать зря бисер перед свиньями, а зато потом, у Веры, выложить в остроумном монологе припасенные реплики. Он предвкушал, как понимающе будет она улыбаться, согласно кивать в ответ и, быстро схватывая суть, умными репликами подтверждать его правоту... Это было отрадно, тешило самолюбие, но и прямо говорило Никольскому, как часто он испытывает неуверенность в себе. И вот теперь Никольский, направляясь к Прибежищу и решительно отгоняя от себя беспокойное слово надежда, которое невесть откуда пришло и неизвестно отчего потревожило сознание, он успокаивающе, но и не без обычной самоиздевки, говорил себе, что — какого же черта? — у тебя есть Вера, и с ней все становится ясным и разумным всякий раз, едва задергивается альковная драпировка... И потом, кто тебе сказал, что три года — это много? Конечно, у тебя до сих пор такого не случалось, чтобы отношения с женщиной длились так долго, и даже брак — мир его светлой памяти! — продолжался, кажется, года полтора — или чуть меньше, забыл, — но ведь люди и по пять лет проводят с од-

ной и той же любовницей и некоторые даже не изменяют ни разу, что и вовсе удивительно... Надо бы, наверное, и ему приобрести какой-то опыт размеренной сексуальной жизни, в нашем меняющемся мире и этот опыт может пригодиться, особенно учитывая возраст, который тоже меняется не в лучшую сторону и как раз именно в сексуальной сфере не обещает в будущем ничего хорошего. Что ж, будем готовиться к худшему...

У Никольского был свой ключ от дома, но он позвонил у входа: после долгого отсутствия не хотелось вторгаться к Вере так, будто он тут полный хозяин. Открывая ему, она спросила:

— О, ты? Зачем же звонил?

— А кто тебя знает... — улыбался он.

— Ну-ну, без глупостей. Здравствуй!

Эдакая мимолетная демонстрация взаимного благородства: "Я не считаю тебя своей собственностью" — "Напротив, я полностью принадлежу тебе". Затем они целуются, Вера кладет ладонь ему на затылок и во время же поцелуя снимает с Леонида шляпу. Еще два-три коротких поцелуя мимо губ — в подбородок и в щеку — "Небритый", — говорит она с ласковой укорижной, и все последующее тут же отодвигается до более поздних и лучших времен.

— Ты знаешь, у меня сейчас ученица, — поспешно сообщает Вера. — Если хочешь, порыскай пока на кухне. А то подожди полчаса, и я займусь обедом, идет?

Никольский отправился на антресоли. Там всегда бывало неплохо улечься на продавленном кожаном диване, устроив голову на одном валике, а ноги положив на другой. Леонид улегся, небрежной рукой потянулся к каким-то растрепанным журналам, сложенным у перил прямо на полу, и сразу же почувствовал, что его одолевает сонливость. Снизу доносились мелодичные итальянские созвучия — голос Веры, более мягкий и высокий, чем всегда, и громко вторивший ее словам голос ученицы. Пожалуй, ученица могла бы не так рьяно стараться и произносить свои фразы малость потише, но, по видимому, певицы не умеют распоряжаться своими связка-

ми иначе, как включая их на полную мощность. Хуже всего будет, если ученица захочет петь. Все они, эти не очень юные особы, занимаются итальянским ради нескольких партий Верди и Россини, и им с самого начала не терпится войти в роль Галли Курчи, даром что здесь есть пианино, а Вера может аккомпанировать. А не мечтала ли Вера сама стать певицей? Почему она учила не французский и не английский? И потом, она действительно музыкальна... Надо спросить у нее, но зачем? Разве это имеет какое-нибудь значение? Хм, никогда не спрашивал, как складывались у Веры юность, студенческие годы; никогда не задумывался об этом...

Не задумался об этом Никольский и сейчас: журнал, терпко пахнувший пылью и пересушенной бумагой, опустился на лицо, итальянская речь потекла медлительно и томно, стало жарко дышать, и было в самый раз окунуться в воду и проплыть до того красного буйка, но вставать не хочется, а смотреть на лежащую рядом с ним на песке светловолосую женщину — больно от солнца, и как ее зовут, он не может припомнить, а она на своей полуоткрытой груди стягивает пальцами кофточку, но не может стянуть, потому что кофточки нет, а есть лишь купальник, и приходится прикрыть глаза и с сожалением отвернуться, чтобы ее не смущать, но он отвернуться не может, не может...

Никольский проснулся от боли в затекшей шее. Поблизости в плетеной качалке сидела Вера и с шутейской улыбкой поглядывала на него.

— Ушла твоя студентесса?

— Господи, да я уже обед успела сготовить, и все остыло!

— Черт, шею свихнул! — простонал Леонид и стал растирать у себя за ухом. Вера поднялась с кресла, присела рядом на диване и, все с той же улыбкой склоняясь над Леонидом, приняла в нем участие — прохладной рукой начала массировать ему шею. Внезапно Никольский обхватил Веру за талию, изловчился и одним движением устроил свою возлюбленную в той же позе, в которой только что пребывал сам... Последовавшая серия поцелуев была куда более страстной и продолжительной, чем в сцене у дверей.

— Ого... это, конечно, мило... — между поцелуями старалась Вера высказать свою точку зрения на происходящее, — но... тут... пылица... погоди... подушку бы дал принести!..

— Врешь!.. Не получишь подушки!.. Не потрудились мне притащить?.. Пускай и у тебя поноет шея!..

— Это уж садизм! — слабо запротестовала Вера, но Леонид от словесных шуток переходил уже к более увлекательному занятию...

Густой оранжевой краски лучи проходили горизонтально сквозь полукружия окон. Негативный силуэт перил печатался на рыжую стену. Лежащие на диване курили в две сигареты. И единственным, что менялось в этом театре теней, был дым — по стене, среди частокола перильных стоек вился он, плыл вверх, отражался от близкого потолка и вновь опускался, будто это был дым от жертвы, не угодной небесам, не принятой богами и потому возвращенный на землю...

Никольский не был доволен собой. Ну что, в самом деле, он распалился? К чему эта поспешность? Мог бы и вечера дожждаться... Но в глубине души он, конечно, знал, почему оказался нетерпелив: вечером, как обычно бывало, сюда набьют народ, и придется втихомолку злиться — ждать, когда к часу ночи разбредутся, наконец, последние из гостей, а потом еще увиливать от вопросов Веры, отчего это он был сегодня в плохом настроении... Итак, душа и тело его предпочли, по видимому, быть вечером в хорошем настроении. Он и теперь уже чувствовал не усталость, а бодрое возбуждение.

— Если ты думаешь, что заработала право оставить меня без обеда... — начал было Никольский, но Вера договорить не дала и закончила сама:

— ...то я жестоко ошибаюсь! Да я тоже голодна до безумия. Давай-ка побыстрее сматываться с этого жуткого дивана, я, наверное, вся буду в синяках!

— Не знаю, не знаю, — с развязным равнодушием отвечал Никольский, начиная раскопки в беспорядочной груде одежды. — Не знаю, мне было не очень жестко...

— Благодарю за комплимент, все вы, мужчины, эгоисты, сколько мы от вас терпим!

Продолжая в том же духе, они спустились вниз, и Вера принялась готовить к столу.

За обедом Никольскому пришла в голову неожиданная мысль, которую он минуту-другую обдумывал. Потом спросил:

— У тебя будет много народу вечером?

Вера пожала плечами.

— Представить не могу, кто забредет. А почему ты спрашиваешь? — настороженно спросила она. — Не хочешь, чтобы сегодня были люди?

Вера, конечно, знала, что гости ее частенько Леонида злили, хотя он никогда своего недовольства вслух не высказывал, да и вообще не считал нужным вмешиваться в ее дела.

— Вообще нет, почему же не хочу? — сказал он. — Наоборот, если будет не слишком шумно, я бы пригласил своего знакомого. Не уверен, правда, пойдет ли он. Он малость... застенчивый, что ли?

— Я с ним не знакома? — с некоторой ревностью спросила Вера. Она-то знакомила Леонида со всеми своими друзьями — безразлично, будь то мужчина или женщина.

— Угу, — дожевывая и глотая кусок жаркого, кивнул Никольский. — Не знакома. Я сам с ним впервые встретился в этой поездке. Он поэт.

— Поэт? — оживилась Вера. — А как его фамилия? Может быть, я его знаю, или, может, есть общие знакомые? Кто?

— Да нет же, не знаешь! — уже чуть-чуть заводясь от ее эмоциональной реакции, ответил Никольский, но сразу же остановил себя: заводиться не стоит, нехорошо, и он совсем не будет сегодня заводиться — весь вечер, каким ни будет этот сегодняшней вечер. С мирным терпением Никольский попытался объяснить:

— Он, понимаешь, как поэт почти никому не известен. Где-то работает и, конечно, не в писательском союзе. Человек очень талантливый, ну и, поверь, стихи у него...

— Ой, Леон, послушай, у меня идея! — внезапно перебила Вера, пораженная этой своей идеей. — Мне одна знакомая пара — знаешь, кандидаты? — все уши прожужжали про

какого-то поэта — он с ними на одной лестничной площадке, — "надо его к тебе привезти, надо привезти!" — Вот пусть и его тоже привезут, я им позвоню сейчас!

— Стоит ли? — Никольский отнесся к предложению Веры без энтузиазма. — Надо сперва узнать, захочет ли все-таки мой приятель идти сюда, в Прибежище.

— Какая разница? Один ли из них приедет, или оба, или не будет никого из двоих? Это же не проблема, всегда такие ситуации разрешаются сами собой, на месте, — убеждала Вера. У нее в устройстве такого рода встреч был немалый опыт, и Никольский не стал спорить. Он подумал только о том, нужно ли, приглашая Финкельмайера, сказать ему, что здесь может оказаться еще один поэт. Но, следуя за Верой, он тоже решил: когда все соберутся, видно будет.

Еще не было шести, и Никольский позвонил Финкельмайеру на работу.

— Арон Менделевич, это вы? — спросил он в трубку.

— Да, я, — ответил растерянный голос.

— Здравствуй, Никольский говорит.

— Кто? А, здравствуй! — так же растерянно, а затем неохотно сказал Финкельмайер.

— Ты, я смотрю, не очень-то рад моему звонку.

— Я? Разве? Нет, просто...

— Что?

— Да знаешь... Дорожное знакомство... Может не располагать... к продолжению, и я думал — не позвонишь. По крайней мере — так скоро.

— Старый идиот, замолчи, — ответил нежной грубостью Никольский, и последовала небольшая пауза, внутри которой от одного к другому совершала колебания некая волна неведомых пара- и телепатических частиц, как их там ни называя — флюиды, электро- или биотоки. — Давай-ка встретимся. Сегодня. И не ври, что у тебя занят вечер.

— Занят? Но это правда. Я сказал одному человеку, что, может быть, зайду к нему.

— Ты вот запиши адрес. А приятеля тащи с собой.

— Это Леопольд Михайлович. Я рассказывал.

— Отлично! Скажи своему Леопольду Михайловичу, что в доме, куда я вас приглашаю, отличная коллекция живописи и скульптуры. И вообще — прибежище искусства. Арон, я хочу тебя познакомить со своей дамой сердца. Ну, записываешь?

Финкельмайер пробормотал что-то невразумительное, но адрес и номер телефона записал, сказал, что заедет к Леопольду, а там — как тот решит.

— Леопольд, Леопольд... — стараясь что-то вспомнить, повторяла Вера. — Леопольд Михайлович?.. А он — кто, фамилию не знаешь?

— Кажется, искусствовед. Или в этом духе...

— Леопольд Михайлович?! — озарило Веру. — Он читает лекции в ЦДРИ! Это он? Ой, да послушай же, это чудо что за человек, я его хорошо помню! К нему же невозможно было попасть! — возбужденно всплескивала руками Вера. — Господи, и ты врал про какую-то коллекцию, я же со стыда проваляюсь!

Вера смотрела на Никольского, хлопала ресницами, качала головой и не скрывала, как она довольна, что Леопольд приглашен в Прибежище и, возможно, будет здесь сегодня.

3

Приблизительно часов с восьми то и дело кто-то звонил у дверей, кто-то звонил по телефону, Вера носилась от телефона к дверям, а от дверей — к кухне, откуда уже шел запах размолотого кофе. Никольский в этом всеобщем движении особого участия не принимал: в силу все того же своего убеждения, что ему не следует играть в Прибежище роль хозяина. Хотя наиболее близкие из Вериных друзей прекрасно знали о ее отношениях с Леонидом, считалось, что он здесь такой же гость, как все. Никольского это вполне устраивало, и внешняя независимость друг от друга, которую они демонстрировали на людях, то позволяла кому-то из них двоих пофлиртовать немного, так сказать, "на стороне", то, напротив, испытывать легкую ревность.

Заняться было нечем, и Никольский пока поддразнивал Верину подругу — добрую, безобидную Женю, которая к исходу третьего десятка лет оставалась по всем признакам ее поведения безнадежной девственницей. Никольский подсел к ней и заинтересовался ее новой юбкой. Женя порозовела, глаза ее стали блестящими, а голос приобрел звонкие интонации, — внимание мужчины, в какой бы форме оно не проявлялось, влияло на нее, как таблетка сильного средства для повышения жизнедеятельности всего организма.

— Слушайте, Женя, а это кожа, — говорил Никольский и в упор, пристальным взглядом рассматривал юбку значительно выше колен. — Это натуральная кожа или синтетика?

— Натуральная... ну что вы в самом деле? — с тихой укоризной лепетала Женя, улыбалась и заливалась румянцем еще краше.

— Замша, наверно? Что, очень модно сейчас? — как ни в чем не бывало продолжал Никольский. Он взял сигарету в рот, чтобы потрогать пальцами туго натянутую на полных бедрах юбку — убеждался, значит, что действительно замша, а не заменитель. От этого Женю пронизала мгновенная дрожь, словно ей стало холодно, и она тесно сдвинула колени.

— Заходите, заходите, знакомьтесь! — раздался голос Веры, и в комнате появились "кандидаты" — муж и жена, которые приходили сюда довольно часто и всегда вдвоем и кого иначе как по их совместной ученой кличке никто не называл. Коренастый, широкоскулый парень с уголовным чубом на лбу, тонкоротый и, несмотря на явное здоровье, несколько нервического толка, стоял рядом с кандидатами. Точнее было бы сказать, что кандидаты стояли рядом с ним, так как вид его обладал такой напористостью, что и неподвижный, он как будто работал локтями и уверенно раздвигал пространство вокруг себя, оттесняя все и вся на второй план.

— Это вы — поэт? — с некоторым изумлением спросила Вера.

— Поэт и прозаик. Две книги стихов и книга прозы, — снисходительно растягивая губы, заявил парень. — Сергей Пребылов. — Он протянул руку Вере, потом Никольскому. —

Сергей Пребылов, — с удовольствием повторил еще раз. Звучало у него "Сяргей Прябылов".

— Пря? — ляпнул вдруг Никольский.

— Чего? — вскинулся тот своим чубом.

— Как правильно: Пря-былов? — лез уже напропалую Никольский.

— Пре.

— Пре? Пре — не читал, извините, не встречалось, — сказал Никольский и, прижав ладонь к груди, протолкнулся мимо всех стоявших на кухню. Когда он там прикуривал от газовой горелки, вошла Вера. Она давилась от смеха и грозила кулачком:

— Невозможный тип, ну что ты всех задираешь?

— Самому пря-противно, пря-ня-пря-ятно, пря-падаю к вашим ногам, — изощрялся Никольский.

— Ты же не знаешь, может быть, у него хорошие стихи, а ты с ним так!..

— Пряд-полагаю, пря-восходные, моя пря-лестная! — продолжал Никольский свое.

Вера, не выдержав, заливаясь смехом, убежала. На кухонном столе уже скопилось несколько бутылок "Столичной" и разнокалиберных вин, принесенных гостями. От одной из водочных головок Никольский отодрал крышку и налил себе в кофейную чашечку. Он поискал глазами, чем бы закусить, но почувствовал, что ничего не хочет после недавнего обеда. Опрокинул водку и запил ее из той же чашечки водой из-под крана.

В открытую форточку со двора донеслись голоса, шаги и хруст снега на крыльце. Никольский ладонью прикрыл отражение лампы в стекле, посмотрел в окно. Двое, прежде чем войти, топали, тщательно сбивая с ног налипший снег.

— Арон, — крикнул Никольский в форточку. — Не звоните, открою!

Вошел Арон и сразу же наступил на дамские сапожки, споткнулся, и, выбирая безопасное место, продолжал наступать на что-то еще и вновь спотыкался. Вместе с верзилкой Финкельмайером появился среднего роста пожилой чело-

век в берете и в слишком легком для холодной еще погоды стареньком пальтишке. Никольский протянул руку:

— Добрый вечер, вы — я знаю от Арона — Леопольд Михайлович? Я — Леонид.

— Здравствуйте, Леонид. Спасибо, спасибо. Я справлюсь сам.

Под пальто у Леопольда был серенький шерстяной джемпер из весьма неплотного трикотажа, открытый, без воротника. Вынув расческу, Леопольд неторопливо пригладил редкие седоватые волосы и седоватые же усы тронул расческой, чтобы снять оттаявший снег. Поправил довольно помятую бабочку на шее — все это проделал, не взглянув в зеркало, равнодушно и между прочим, лишь уступая этой скучной необходимости — следить за собой. Особенно наглядно свидетельствовала о такой психологии своего владельца бабочка: вероятно, ее же Леопольд носил с фракком, когда служил официантом в ресторане; а теперь та же несколько экстравагантная деталь современного мужского туалета выглядела вполне естественной у лектора-искусствоведа. Но заменить бабочку новой Леопольд, видимо, и не подумал.

Стащил, наконец, с себя и повесил пальто Финкельмайер. Никольский заговорщицки подмигнул, завел пришедших в кухню и из начатой им только что бутылки налил всем троим в те же кофейные чашечки.

— Ваше здоровье!

— Спасибо. За знакомство. За вас и за Арона, — сказал Леопольд; они выпили, и Никольский придвинул тарелку с нарезанным сыром.

— Любопытное сооружение этот дом, — после краткого молчания произнес Леопольд. — Как я мог понять, мы зашли не с фасада; но и с тыльной стороны, даже сейчас, в темноте, видно, что строил архитектор оригинального ума.

— Так и есть, — кивнул Никольский и усмехнулся: — Вот увидите, хозяйка прочтет вам лекцию.

Леопольд вопросительно поднял брови. Никольский, однако, ответить не успел. В кухню как раз входила Вера с язвительной фразой на устах:

— Так я и знала, что ты в одиночку здесь пробавля!.. Ой, простите!

— Как видишь, не в одиночку. Позвольте представить: Леопольд Михайлович и Арон, — наша хозяйка...

— Меня зовут Вера.

У Леопольда был вид провинившегося мальчишки, но руку Вере он поцеловал с изысканной галантностью.

— Уж не вините нас строго, хозяйюшка, это мы по-гимназически... Но папиросы в рукаве не прячем! — вдруг с горячностью сказал он и для пущей убедительности выпучил глаза, отчего и вправду стал похож на переростка-обалдуя со школьной Камчатки.

Вера всплеснула руками, все рассмеялись, даже не проронивший ни слова Финкельмайер тихо заулыбался, с любовью посмотрев на Леопольда.

— А мы с вами... то есть я вас давно знаю! Я ходила на ваши лекции! — с гордостью сообщила Вера. Она так и сияла.

— Честное слово? — чуть-чуть не всерьез спросил Леопольд.

— Правда-правда! Из всего цикла, ну, одну или две пропустила, не больше.

— Не может этого быть. — Леопольд изобразил притворное недоверие. — Чтобы такая очаровательная молодая женщина вместо вечернего рандеву шла на скучнейшую лекцию? — Нет, нет, не поверю!

Леопольд брал шутливый и потому удачный тон.

— Я вам докажу! — не отступала Вера.

— Вот как?

— Стенограммы! Я стенографировала ваши лекции. И у меня они все расшифрованы, перепечатаны, я их даже в переплет отдавала. Теперь поверите?

Никольский на миг увидел, какие светлые у Леопольда глаза. Леопольд наклонился, взял и снова поцеловал Верины руки — одну и потом другую:

— Спасибо. Никогда не думал, что кто-нибудь... Я в самом деле очень тронут.

Отправились в комнату. Ни много, ни мало, а собралось полтора десятка человек, — достаточно для того, чтоб воцари-

лись уже неразбериха, шум и сигаретный дым во всех углах. Двоих, помимо поэта Пребылова, Никольский здесь видел впервые. Так, Лиля — яркая брюнетка, бывшая Верина ученица, привела с собой какого-то неопределенного мужичка — невысокого и лысоватого, — ну точь-в-точь оперный тенорок Хозе рядом со своей темпераментной Карменситой; Славик с телестудии /то ли была у них с Верой любовь, то ли Славик на нее рассчитывал — Никольский подозревал что-то в этом духе/ привел красиво-кукольную девку — из тех, что обычно дура-дурой, но умно молчат, пристально шурятся, жадно курят и высоко одну на другую закладывают голые коленки. Неприметно, как всегда, устроился в узком простеночке совсем молоденький мальчик Толик — кажется, студент, который обычно часами что-то рисовал в листках блокнота, слушал, улыбался, а когда пили, трогательно просил "только немного сухого..." Над ним за это посмеивались, но за это же его любили. И еще два завсегдатая Прибежища, бывавшие тут еще в давние времена, задолго до остальных, стояли посреди комнаты и уже полчаса громко занимали себя безнадежным спором о переустройстве сельского хозяйства — это переводчик Боря Хавкин, однокашник Веры, и Константин Васильевич, иначе "дядя Костя — бобыль", как он нередко со смешком отрекомендовывал себя, — живший поблизости сосед, который в незапамятные века дружил еще со старыми хозяевами.

За еду, за водку и вино принялись еще не скоро: Вера как стала водить Леопольда по дому, сразу же увлеклась, Леопольд ее внимательно слушал и сам очень живо говорил, укаывая на то, на другое — хозяйке поэтому было недосуг заниматься столом. Ее обязанность приняла на себя Женя, и когда, наконец, спиртное и закуски призывно засветились и заблагоухали, народ потянулся к ним. Свобода манер и нравов, которая царила здесь всегда и составляла одну из привлекательнейших черт Прибежища, позволяла взяться за еду, не дожидаясь всех и даже самой хозяйки. Один только новичок поэт, к чести своей, попробовал изобразить себя культурным: "Дисциплинка, дисциплинка! — милицейским голосом возгла-

сил Пребылов. — Опоздаешь на первую, не получишь и вторую!" И тут же, оградившись от условностей этим сомнительно-народным выражением, накинулся не опоздать. Первым минутам застолья сопутствовали обычные в таких случаях суета и нервозность, когда проголодавшиеся заняты лишь тарелкой, жаждущие выпить — стаканом, и любителям поговорить еще нет удобного момента, чтобы развернуться. Но вот уже Славик рассказывает про знаменитый фильм, который хотя и удалось отснять, но, конечно же, не выпустят на экраны. Удовлетворяет Славик и любопытство Лили, спросившей насчет космонавта и артистки — правда ли то, что говорят? Славик подтверждает, что да, правда, у него в том же театре есть приятель, и вот от него-то Славик узнал, то есть почти что из первых рук. Но что? Что же? — потребовали объяснить непосвященные. "Сначала давайте еще выпьем", — солидно произнес Славик, и когда выпили, стал излагать сенсацию всю как есть, с подробностями.

— Пусть они застрелятся со своим космонавтом, — сказал Никольский. Поблизости, на том конце стола, где обосновались они с Финкельмайером, сидели еще Толик и дядя Костя, чуть дальше о чем-то оживленно беседовали Вера и Леопольд, — в общем, люди свои, и Никольский не настроен был стесняться. — Ну-ка, Толик, — продолжал он, — ответишь мне на один вопрос?

— Я же так н-не знаю, — со смущенной улыбкой отвечал Толик, чувствуя, что от Никольского последует неожиданное. — О чем?..

— Вот ты художник. А скажи, этот Славка у себя на работе стукач или нет?

Толик обиделся:

— При чем здесь художник? Никакого отношения!..

— Вот тебе и раз! А психология? Толик, надо людей изучать! — назидательно сказал Никольский и обратился к дяде Косте:

— А по вашему? Как вам подсказывает ваш жизненный опыт?

Дядя Костя поверх очков пригляделся на дальний угол стола.

— В чем же дело? — рассудительно заговорил он. — Стукач он или нет, не знаю, но — может. Потенциально.

— О! То-то и оно! — возликовал Никольский. — Понял, Толик? "По-тен-циально!" В этом суть и корень зол! Верка, ты зачем зовешь потенциальных?! — возгласил он.

— А? — донеслось от Веры. Она обернулась к ним, но при общем хохоте махнула рукой и продолжила беседовать с Леопольдом.

Финкельмайер был задумчив, рассеянная улыбка блуждала по его лицу. Казалось, он пребывает в ином пространстве, и там идет жизнь иная, нежели здесь, рядом с ним, и ее-то, невидимую далекую жизнь, он слушает беспрестанно. Он ел и пил с машинальностью послушного или больного ребенка, у которого и нет аппетита, но и нет сил противиться настояниям взрослых покушать то и покушать это... Никольский попытался было опекать Арона, потом надолго оставил его в покое, но в конце концов не выдержал.

— Арон... Арон, очнись! Ну что, тошно здесь? Мы в любой момент можем смыться — от стола или из дому. Хочешь?

Финкельмайер стряхнул с себя оцепенение не сразу, потом заулыбался широко.

— Нет, нет, зачем же? Мы хорошо сидим. И почему тошно? Почему — здесь? Если тошно — то почему здесь, а если здесь — то почему тошно? — Вдруг он принялся паясничать, и это было настолько неожиданно, что Никольскому стало немного не по себе. — Ты думал, что мне так плохо? — весело продолжал Финкельмайер. — А мне, оказывается, так плохо!

— Ну ладно, ладно, успокойся! А еще рюмочка тебе на пользу?

— На пользу!

— Вот и нальем. Давай-ка мы вспомним Дануту. Пусть она будет здорова. Она хорошая.

— Ты, Леня, сатана: я только что думал о ней.

Они выпили свои рюмки.

— Не удивительно, — сказал Никольский.

— Что?

— Что ты о ней думал. Но почему у тебя была при этом похоронная рожа, — вот что непонятно.

— И мне тоже. Своя душа — потемки.

— Ох, правду говоришь!..

Разговоры за длинным столом перешли уже в тот беспрерывный нестройный гул, когда удастся расслышать лишь слова ближайшего соседа. Никто и не претендовал на общее внимание, пока Вера, постучав ножом о пустую бутылку, не потребовала тишины.

— Кто тут хозяйка, я или нет? — строго прикрикнула она на Борю Хавкина, который не успел о чем-то доспорить с кандидатами. — Ну и молчи. Хотя бы из уважения! Так вот, — приступила она к основному. — По крайней мере три человека из тех, с кем мы сегодня познакомимся, должны в честь этого знаменательного события э... так сказать, принести себя в жертву! — Недоуменный шум и на его фоне чей-то возглас "какой ужас!" были реакцией на ее слова. — Дослушайте, дослушайте! Что я предлагаю? Чтобы Сергей и Арон — как мы знаем, поэты, почитали нам из своих стихов; а Леопольд Михайлович чтонибудь пусть расскажет — ну, о чем он захочет. И если они согласятся — это будет — я бы сказала, это будет в духе славных традиций Прибежища. Ну как?

Кандидаты стали оголтело аплодировать, к ним присоединились с возгласами восторга Женя и Лиля со своим Хозе.

— Впервые слышу о таких традициях, — кисло сказал Никольский. Он с тоской подумал, как неудачно влип Арон. — Уж не о традициях тут надо говорить, а о новаторстве.

— Не все ли равно? Если традиции нет, ее надо выдумать! — воскликнул Боря Хавкин. — Вот как, например, женились раньше? Шли в церковь. А теперь традиция — жених по талону идет себе штаны купить, а невеста...

— Замолчи! — прервала его Вера.

— ...ночную рубашку, — договорил Борис.

— Короче говоря, кто за новую традицию, то есть за мое предложение?! — бойко продолжала Вера, и хотя едва ли половина присутствующих подняли руки, провозгласила: — Принято единогласно!

— Социалистическая демократия в действии, — изрек Никольский. — Тебе бы на общественную работу, в партком, местком и комитет комсомола.

— Кто первый? — не обращая на него внимания, спросила Вера и тут же переменяла тон, так что в голосе ее теперь звучало искреннее желание сделать этот вечер интересным: — Пожалуйста, Леопольд Михайлович, согласитесь! Арон, вы будете? Я вас очень прошу.

Финкельмайер затравленно озирался, Леопольд развел руками. Вера, чувствуя, что ситуация вот-вот обернется всеобщей неловкостью, неуверенно обратилась к последней надежде:

— Пожалуйста, Сергей, а вы?

— А что — я? — возразил Пребылов и оглядел всех. — Я не капризничаю. Поэт пишет кому? Людям. И будь добр, когда тебя просят, свой труд лицом показывать. От чего же нам отказываться? Но только я не первый. Пусть кто другой начнет, а я никогда не откажусь.

— А мы три спички возьмем, — сказал дядя Костя так, будто дело было уже решено. — Коротенькая — вполтину, подлиннее и целая. Так их и заметим — первый, второй, третий. Прошу вас, — протянул он Арону плотно сложенную щепоть с торчащими из нее серными головками.

Финкельмайер, наверно, не до конца осознал, чего от него хотят. Длинные пальцы неловко захватили одну из спичек, затем дядя Костя ее освободил, спичка упала на стол.

— Средняя, — сказал дядя Костя и оставшиеся две протянул Леопольду. Ему вышла короткая — с первой очереди. — Ну, а вам, — дядя Костя взглянул на Пребылова, — разумеется, нет нужды тянуть, вы третьим будете.

— Согласен, согласен, — снисходительно бросил Пребылов.

Теперь уже никого не нужно было призывать к тишине. Все умолкли. Одни выжидающе посматривали на Леопольда, другие опускали глаза к столу — чувство некоторого смущения витало над всеми, и возникло оно оттого, что люди всего минуту назад вели беседы вздорные и пошлые, набивали желудки и всасывали алкогольные пары, а теперь... Нежи-

данно должны были они заставить себя прислушаться к чему-то, что, пусть и вызывало любопытство, но и отпугивало, как отпугивает все, что может против воли твоей снять с тебя кожу и обнажить твою душу. И смутно ощущалось уже в воздухе, что так оно и произойдет с каждым; неизвестным способом вошло и разлилось в комнате то, что зовем мы *настроение*, и оно с равной властью владело уже и милой дурочкой и отпетым скептиком.

— Что же. Я рад, — негромко сказал Леопольд. — Потому, ведь, это — пустое! — Усталым жестом указал он на беспорядочную мишуру оставленного пиршества. Уж он-то знает! Он-то помнит! Он-то повидал великолепные баталии, когда под пушечный грохот шампанских пробок людские полчища въедались в горы снеди — кололи, резали, крушили, давили и мололи челюстями, и уползали измученные, побежденные, поверженные до колен, до четверенек; и молча, с важностью в лице, с презрением в глазах стоял недвижно у стены немолодой официант и наблюдал.

Леопольд поднялся и отошел от стола.

— Пожалуйте сюда. Возьмите свои стулья, располагайтесь.

Твердые и вежливые интонации опытного лектора уже звучали в его голосе, и присутствующие легко подчинились ему. Рассаживались — без долгой толкотни и без скрежета стульев — полукружием рядом с Леопольдом. Сам же он стоял в ожидании близ одной из нескольких имевшихся в доме скульптур.

4

Она поддерживалась колонной из темно-серого мрамора. Скульптура — вернее, то, что от нее осталось, — представляла собой верхнюю часть женской фигуры. Излом, по которому отделились отсутствующие фрагменты изображения, прошел наискось фигуры — от пояса и к плечу, так что сохранились правая рука выше локтя и правая грудь, тогда как левые грудь и рука были утрачены почти полностью. Снизу, по форме поверхности излома, напоминавшей наклонное латинское

S, шла откованная из железа массивная скоба. От нее внутрь мраморной колонны уходил толстый штырь. Голова фигуры находилась на уровне среднего женского роста, и Леопольд положил свою руку на каменное плечо, будто намеревался подвести к собравшимся еще одну гостью.

— Пусть наша милая хозяйка простит меня, если я разошелся с нею во вкусах, — начал Леопольд и церемонно поклонился Вере. — Однако наиболее интересным из всего, что я увидел здесь, мне показалась эта скульптура. Она во всех отношениях необычна, я бы сказал, загадочна, и мы с вами сейчас попробуем пофантазировать... Когда вы, Вера, сказали мне, что это эллинская Греция, я не возразил. Но теперь, пожалуй, возьму на себя смелость усомниться.

— Леопольд Михайлович, так считал отец, — сказала Вера. — Я это слышала от мамы.

— Да ведь и я не берусь ничего утверждать наверняка. Но вот первая ниточка для нас: здесь, на сломе руки, имеется надпись. Кто-то, возможно, археолог, или тот, к кому первому скульптура попала, — нанес масляной краской греческие буквы. При известном усилии тут читается "П а н т и - к а п е я" и цифры "37" или "87" — вероятно, цифры года находки. Но если я скажу, что статуя из Пантикапеи, мне на это сразу же возразят: среди образцов скульптуры, найденных на территории Босфорского царства, обнаружено немало привозных — из Греции. Почему не предположить, что и нашу даму изваяли там же? В самом деле, местная, Босфорская скульптура выглядит достаточно условной, упрощенной по сравнению с реальными формами человеческой фигуры, которые столь превосходно изучили греки. Босфорская традиция давала абстрагированное изображение, в нем преобладают плоские поверхности и спрямленные линии. Это была обычно скульптура своеобразного, весьма привлекательного примитива, однако не без влияния греков. Босфорские мастера делали скульптуру из песчаника, известняка. Мрамор у них встречается в единичных случаях. Перед нами же превосходный мрамор.

Многое говорит в пользу Греции. Но кто она, эта женщина?

Одна из греческих богинь? Но она не Диана и не Афродита, не Деметра и не Кибела. И статуи греков не таковы...

...Леопольд несколько мгновений задумчиво рассматривал скульптуру, затем, не отрывая от нее взгляда, обошел спереди, наконец повернулся к сидящим вокруг.

— Я бы хотел... — Он продолжал о чем-то размышлять, но лицо его уже дрогнуло в чуть заметной усмешке. — Вера, если вы не возражаете, — прошу вас, — встаньте около нее.

Широко откиннутая рука Леопольда указывала на скульптуру. Вера поднялась с места и прошла туда, где и приглашал ее встать Леопольд, — между ним и скульптурой.

Никольский непроизвольно подался вперед. Показалось ли ему, или так оно и было, что мгновенное ошеломление испытали все?... "Теперь и ее раздеть", — мелькнуло у Никольского в голове, и он мог поручиться, что едва ли не каждый подумал о том же. Вероятно, Вера, судя по всему, почувствовала странное состояние тех, кто в изумлении смотрел на нее. Она растерянно взглянула на Леопольда — тот продолжал едва заметно усмехаться — посмотрела на скульптуру... И все поняла.

— О, Боже мой! — прошептала она.

Никольский спрашивал себя, как же, столько дней и ночей проводя здесь, в Прибежище, до сих пор не видел он разительного сходства двух женщин, живущих под этой крышей — одной — из плоти и крови, и другой — обломка старого мрамора! Абрис головы, линии шеи и плеч, окружность груди — такой, какой знал ее Никольский без тесных уз белья и без упругой трикотажной шерсти — да что там говорить! — черты, пропорции лица — все совпадало! И, главное, был общий образ — то, что мимолетно запечатляет наш мозг прочным слепком с природы, чтобы потом — и через годы, заставить смутно припоминать в беспокойстве: "Я эту женщину видел..."

— Теперь, пожалуйста, вот так. — Словно не замечая, сколь сильно действует на всех поразительный феномен, Леопольд показывал Вере, как она должна была встать. Он превратился в настойчивого балетмейстера: поправлял Вере положение

рук, просил ее смотреть на него и копировать поворот его корпуса. В конце концов, Вера замерла в красивой и непридуманной позе так, что ее тело опиралось на прямую левую ногу, а правая была свободно присогнута в колени и чуть отставлена в сторону и назад. Свободно же была опущена правая рука, тогда как кисть приподнятой левой держалась на уровне плеча.

— Превосходно! — довольный своей работой, сказал Леопольд. — Перед вами идеальная античная — греческая стойка, я имею в виду положение ног и небольшой разворот корпуса. А конкретно — это Диана-охотница. Наша прелестная модель, — Леопольд с нарочитой галантностью сделал Вере легкий поклон, — могла бы великолепно продемонстрировать целую вереницу статуарных поз, в которых бы узнавались милые героини греческого пластического искусства, будь то богиня или портретная скульптура жены полководца. Но при этом вы бы каждый раз убеждались, что позы, которые соблаговолит принять уважаемая натурщица, всякий раз будут иными, нежели поза, в которой скульптор изваял эту статую. Спасибо, — сказал Леопольд Вере, но, когда она захотела вернуться на место, удержал ее за руку. Так, рука об руку, они стояли рядом.

Леопольд продолжал:

— По-видимому, не Греция. Но и не босфорская скульптура, как мы уже знаем. Добавлю, что босфорцы делали обычно уменьшенные полуфигуры и бюсты, — их ставили в склепах, поверх гробниц, на крышке саркофага. И, насколько известно, — обратите внимание — эти статуи-полуфигуры не делались обнаженными, а всегда в хитоне, или в хитоне и плаще поверх него. Таким образом, — я повторяю, — мрамор, а не обычный песчаник; обнаженное тело, а не укрытое одеждой; и фигура в полный рост — об этом легко догадаться по размерам оставшейся части, — все противоречит местной традиции.

И последнее: поза.

Леопольд ободряюще кивнул Вере, мягкими, но настойчивыми движениями пальцев склонил ее голову несколько впе-

ред и к левому плечу, попросил опустить руки вдоль тела и развернуть их ладонями наружу.

— Еще, еще немного, — помогал он Вере негромко. — До локтей касаются боков, а ниже пояса — в стороны от бедер. Так. Да, да, очень хорошо. И свободные прямые ноги, ступни для устойчивости можно развести. Именно так. Спасибо. Удобно стоять?

— Могу... да, удобно,— проговорила Вера.

Губы у нее заметно дрожали, грудь дышала неровно.

Красива ли? — задавался вопросом Никольский и отвечал, что нет, никогда не считал Веру красавицей, да и сейчас, очищенная от обыденности чувств, она притягивала взгляд не красотой. Она поражала — и от этого сжался Никольский в тоске — беззащитностью полной, покорной — смертельной. Что-то раскрылось ей там впереди — и раскрылись навстречу ладони: вот я, возьми мои слабые тело и душу: звенящее в грудь острие, жадную дикость объятия, кару огненную с небес, мужа. Бога, и смерть — все приму безропотно и спокойно!..

Она — живая, и она — мертвый мрамор... И вместе они были ясным, отчетливым словом, которое произносила в этот миг Природа, вещая из глубин веков, и слово это было: ж е н щ и н а , — и его слышал каждый, кто имел глаза.

— Вот история этой женщины и история этого мрамора — от той поры, когда его впервые коснулся мастер.

Леопольд заговорил при напряженном молчании. Он держал руку на Верином плече, и она стояла, не шевелясь.

"Мастер только и делал, что резал из камня надгробья, похожие одно на одно, как смерть похожа на смерть".

"Но он не думал о собственной смерти, потому что щедротами смерти кормился, и чем чаще она посещала людей, тем сытнее было ему, и детям его, и жене его".

"И пришла в его маленькую мастерскую женщина. Она сняла с себя плащ и хитон и велела ему изваять ее тело".

"Если состарюсь, и будет тело мое плохим, сказала женщина, муж мой станет смотреть на мое изваяние и будет любить меня".

"А умру прежде мужа, он станет смотреть на мое изваяние и будет любить меня".

"Если же муж мой прежде меня умрет, я поставлю мое изваяние в склепе его, и тогда он будет со мной в царстве мертвых и будет любить меня".

"И мастер взял светло-розовый мрамор и стал оббивать его, удар за ударом. И пока шла работа, страсть охватила мастера".

"Когда же готова была работа, обратился он к женщине и спросил, что заплатит она ему?"

"Камень твой прекраснее тела моего, ответила женщина. Возьми за него и это серебро, и это, и все серебро, что есть у меня".

"Нет, ответил мастер. Не могу отдать тебе камня. Моя страсть к тебе не отпускает меня от камня, потому что опять и опять жажду я осознать его рукою своею. Сладостна мне любовь моя к тебе и оттого прекрасен камень мой. Когда же не утолю любви своей и сладостное станет горьким, тогда воспалится разум мой, и глаза и руки мои не будут более подвластны мне. Бойся тогда, женщина, ибо не знаю, что сделаю с камнем".

"Люби меня, ответила женщина. Утоли свою страсть ко мне и отдай тогда изваяние".

"И он любил ее в этот день, и еще один день, и еще и еще много дней любил он ее, потому что не мог утолить своей страсти".

"И все эти дни смерть не посещала селение, и жена мастера знала, что дети ее долго не будут сыты".

"Но настал день, и увидел мастер, что разум вернулся к нему, что руки подвластны ему, а глаза не затуманены более".

"Возьми, женщина, свой камень, сказал он. И она взяла и вместо того отдала ему серебро".

"И отнес мастер в дом жене своей серебро, и та принялась считать его. Пересчитав же и удивившись, обратилась она к мужу, чтобы спросить, чистым ли способом обогатился он?"

"Но мастер не мог отвечать жене своей, потому что болезнь лишила его речи".

"И наутро смерть, которая долго ждала, взяла его".

5

Рассказчик умолк. Надолго воцарилась тишина. Затем с той же неуловимой усмешкой, которая так и не сходила с его лица, Леопольд провел Веру мимо сидящих — куда-то назад, к столу, где не было никого. Кое-кто провожал их глазами, но все оставались на местах, и многие еще взирали ошалело на скульптуру — она же с немимым бесстрашием взирала на людей.

Внезапно раздалась рыдания. Вера плакала, уткнувшись в грудь Леопольду. Разом — как в бомбе спустилась зацепка — взорвалось и вырвалось наружу — скрежет, падение стульев, "воды ей, воды!" — звон разбитого об пол, истерический женский выкрик — среди возникшего хаоса Никольский, кого-то отталкивая, отдавливая чьи-то ноги, продирался к Вере. Очутившись около нее, он увидел Финкельмайера — "вот черт колченогий, опередил!" — тот в растерянности похлопывал Веру по спине. Леопольд, обескураженный весьма, бормотал ей на ухо — вероятно, очень успокоительное, но абсолютно бесполезное, так как рыдания не ослабевали, и Веру всю трясло. Никольский сбросил руку Арона, успел машинально сказать "Извините!" и резким движением оторвал Веру от Леопольда. Лицо ее было искажено судорогой, Никольский, закусив до боли губу, быстро хлестанул по этому лицу и раз, и другой. Вера вскинулась, он сунул к ее рту стакан с водкой.

— Пей! Ну?! Да пей же, говорю! — приказывал он грубо. Никольский наклонял стакан все больше и больше, кофточку обливало, он увидел, что Вера готова задохнуться.

— А теперь подыши. Спокойно, спокойно, сейчас все пройдет, — стал говорить он ей, как дитяти.

Она прерывисто выдохнула, всхлипнула несколько раз и приложила пальцы к вискам.

— О, Боже мой, — произнесла она и вздохнула уже свободно. — Кажется, все... Отхожу. — Она слабо улыбнулась. Теперь ей с каждым мгновением становилось все более стыдно. — Глупая баба... Простите, честное слово!..

— Да будет, будет тебе казниться! — пришел на помощь Боря Хавкин. — Конечно, баба, а не мужик. Поплакала и перестала. Давай-ка лучше мы не будем на тебя глазеть, а сядем, чтобы по-новой!..

Предложение Бори встретили одобрительным шумом. Все двинулись за стульями, стали рассаживаться. Вера сразу же пошла из комнаты, Никольский на всякий случай отправился следом.

— Ничего, ничего, я в ванную, — сказала Вера, когда он догнал ее.— А хочешь, войди. Накинь крючок.

Никольский запер ванную. Вера сняла кофточку и принялась рассматривать в зеркало припухлое, еще не просохшее от слез лицо с темными дорожками краски, которая стекла с подведенных век. "Кошмар", — заключила она.

Вера долго умывала лицо, долго причесывала волосы и красила глаза. Время от времени Никольский давал ей в губы сигарету, Вера затягивалась прямо из его рук. И холодная вода, и сигарета, и ритуальная косметическая процедура и, наконец, возможность убедиться, что лицо ее вновь обретает привлекательность, — все это постепенно возвратило Вере душевное равновесие. Теперь она пыталась разобраться в происшедшем.

— Это было похоже на гипноз. Как я себе представляю такое состояние. Замерла и ничего не чувствую. Сама стала статуей. Если бы статуя ожила, я бы не удивилась ничуть. Знаешь, когда он говорил, я все видела — мастерскую, надгробия и мастера самого тоже. Он рыжий, ремень на волосах, вот так. Откуда взялось? А потом почему-то сразу сорвалась. Чувствую — знаешь, как это бывает? — что-то самое главное уже прошло, больше ничего в жизни не будет, и жалко себя, безумно жалко. Я вот так же рыдала в шестнадцать лет. Часами. Подушку искусывала до дыр, а потом стирала и штопала. Какая же я психопатка! Ты умеешь со мной справляться, я это и раньше знала.

— Ну не злись, не злись. Это как хирургия. Больно, а надо.

— Я не злюсь, с чего ты взял. Конечно, такую дуру надо бить.

— Можешь поверить — занятие отвратительное.

— Еще бы! Такая у меня была отвратительная рожа и мокрая, как слизняк.

— Верка!

Она к нему наклонилась — он сидел на краю ванной — и поцеловала в голову. А отстранившись, долгим, далеким взглядом посмотрела ему в глаза. И Никольский ощутил, как холодом прошло по коже: скоро, скоро у них все будет кончено...

В комнате, когда они вернулись, все оставалось как будто по-прежнему. Но возбуждение висело плотным облаком, и голоса звучали громче и резче обычного, словно исходили не от этих людей, а с искусственным искажением транслировались откуда-то. Наиболее рьяные — явно стакнувшиеся Славик с Пребыловым, кандидаты и теле-девица продолжали питье, и Славик с тошнотворной улыбочкой развлекал поэта. Пребылов перехватил взгляд Никольского, ответил наглой усмешкой, Славик же со скучающим видом отвернулся, и стало ясно, как дважды два, что речь шла у них о Вере, что Славик в приступе мужской солидарности рассказывал, как было и что было...

Верещала темпераментная Пиля — ее меццо-сопрано обрело пронзительность ускоренного магнитофона и создавало непрерывный колеблющийся фон, сквозь который с переменным успехом пробивались Лилины соседи — Хозе и дядя Костя: перегнувшись через ее полный бюст, чтобы видеть друг друга, каждый толковал о своем, внимание всех троих пыталась привлечь Женья. Стоя за их стульями, она теребила то одного, то другого и настойчиво звала: "Пойдемте же, ну, пойдемте же!" Ее, конечно, не слышали.

В стороне от стола образовалась еще одна небольшая компания — Леопольд, Боря Хавкин и Толик. Перед ними, поставленные в ряд на низкую кушетку и прислоненные к стене, белели прямоугольные листы с рисунками. Леопольд, едва увидел подходивших к ним Веру и Никольского, тут же сделал им движение навстречу. На лицо его набежало такое скорбное беспокойство, что Вера поспешила показать ему —

мол, продолжайте, все в порядке, — а из-за ее спины Никольский тоже дал понять, что и в самом деле не нужно сейчас ни объяснений, ни извинений. Леопольд успокоенно улыбнулся и знакомым уже широким жестом пригласил обоих присоединиться к остальным.

— Мы тут беседуем об этих набросках, — сказал Леопольд. — Все это Анатолий сделал за сегодняшний день, а вот те три листа — в течение нашего вечера. По-моему, у него очень точный глаз.

— А я тебе что долблю? — торжествующе воскликнула Вера, тыча в Толика пальцем. — Ему обязательно надо учиться! Талантливый же парень.

Толик стесненно отмалчивался и, как девушка, прятал взгляд под светлыми ресницами.

— Может быть, может быть... — пробормотал Леонид. И так как Вера посмотрела на него непонимающе, ему пришлось продолжить. — Ведь талант, кто-то сказал, подобен деньгам: у одного — есть, а у другого — нет. Но деньгами-то надо уметь распорядиться. Это, знаете ли, уже второй талант...

Что-то было в словах Леопольда туманное. Вера попыталась выяснить.

— Так вы о том же, наверное: без учебы — какой же будет толк, результат какой от таланта?

— Э-э, милая, — скептически протянул Леопольд. Ему не очень хотелось углубляться в проблему. — Палка о двух концах — наша матушка учеба.

— Я понимаю, и сложно, и долго, но техника, приемы, профессионализм необходимы, ведь так? — допытывалась Вера.

— Так-так, — сказал Леопольд. И вдруг спросил: — А у кого ему учиться?

Вера растерялась:

— Я?.. Я не знаю... У педагогов...

— И я не знаю, — кивнул Леопольд. — И он не знает. Вот вам и фокус!

Нигде не было видно Арона. Где он? На антресолях? На кухне? Молча отойдя, Никольский поднялся по ступеням.

поглядел вдоль антресолей, спустился вниз и направился в кухню. Увидев Финкельмайера там, Никольский свистнул от удивления: тот сидел на полу с задранными выше головы коленями.

— Арон, ты что?

У Финкельмайера, когда он поднял лицо, был вид непроспавшегося младенца. Он замычал и зачмокал губами, прежде чем выдавил из себя какой-то вопросительный звук.

— Зачем ты на полу уселся?

До Финкельмайера не доходило.

— Да сядь же нормально, идиот!

— Сам ты идиот, — с неожиданным спокойствием возразил Финкельмайер. — На чем тут можно сидеть?

Он был прав: на кухне не было ни стула, ни табуретки — все снесли в комнату.

— На чем, на чем, — заворчал Никольский. — Так принес бы!..

— Слушай, Леня, катись-ка, а? Я сейчас приду, — попросил Арон.

Тут только Никольский заметил, что меж колен Финкельмайера в узких его руках торчали ручка и мятые исписанные листки.

— А, плевать, — без перехода продолжал Арон, — потом!

Он стал запихивать листки под пиджак, во внутренний карман.

— Что, сочинял здесь? — осторожно спросил Никольский. — Так валяй, я уйду.

— Плевать, — повторил Финкельмайер. — Я записывал. Сочинялось-то днем, на работе. — Он предпринял попытку разом подняться на ноги, но, по-видимому, неудачно повернул ступню, поморщился и остался сидеть.

— Нет, ты все-таки явление! — Никольский покачал головой и ухватил Арона за руки. Тот стал подниматься. — А если бы забыл?

— Так и что? Я бы и рад забыть. Но не умею. Майн... копф — это мусорный ящик. Я бы очень многое хотел забыть, Леня, ты меня понимаешь?

Отряхнуть сзади брюки он не удосужился, и Никольский похлопал по его худым ягодицам.

— Мерси... — Финкельмайер прислонился к косяку. Они закурили.

— Силен твой Леопольд, — сказал Никольский. — В этой сегодняшней кодле больше половины — дремучие олухи. А он нам, свиному стаду, бисер сыплет. Ты хоть знаешь, что это за Пантикапея?

— Знаю. Тоже по милости Леопольда.

— Вот видишь. Еще, может быть, Верка или Толик что-то слышали краем уха. А мне, как всем остальным, — что Помпея, что Пантикапея — один черт.

— Мне бы ваши заботы, ребе Никольский...

Озлившись, Никольский не придумал иного, как пустить в лицо Финкельмайера струю дыма. Тот замигал птичьими веками, закашлялся, потом кивнул:

— И правда: олух дремучий. Но насчет Леопольда... Он великий человек.

— Ну — великий... Живой — вот что. Я, например, в сравнении с ним мертвяк. Потому что не могу же я сказать, что не интересуюсь жизнью. Интересуюсь, даже очень. Но я интересуюсь, а этот человек — живет. Я, положим, интересуюсь искусством, а он это искусство — любит.

— Леопольд искусство не любит.

— Что-что?

— Леопольд искусство не любит, — повторил Финкельмайер. — Он не может его — не в состоянии любить.

Никольский уставился на него.

— Как — не в состоянии? Что за бессмыслица?

— Я не смогу тебе объяснить... Но это так. Представь, он смотрит на картину, и он все-то о ней знает, все изучил, но если заговорит, то говорить-то будет не о картине, она для него — как бы тебе сказать? — как блеск луны, мерцание вод и пение соловья для любовных мечтаний. То есть, только сти-мул, антураж для каких-то его мыслей — отвлеченных или реальных, в зависимости от настроения или ситуации. Как было сегодня с этой скульптурой.

— Что ты имеешь в виду?

— Две тысячи лет и сходство с живым человеком.

Никольский попытался обдумать сказанное.

— Ну хорошо, пусть так. Из этого ничего не следует. Луну-то как раз и любят, пусть даже именно за то, что она помогает кадриться.

Финкельмайер иронически посмотрел на Никольского.

— Скажи, что и ты ее любишь, что она тебе тоже помогает.

— Мне? Я обхожусь без романтики.

— Ты настоящий мужчина, я буду это говорить всем женщинам! В том-то и дело, что когда в охотку — не до романтики, не до антуража и не до пейзажа. Зачем любить пейзаж, лучше любить бабу. Или так: "Если спрошено будет, кто лучше — нимфа на картине или твоя любовница", то ответствуй: "Любая баба в постели — лучше любого шедевра на стене".

— Жалкий пошляк! Козьма Прутков восстал из гроба в виде Арона... По-моему, все, что ты несешь, — для одноклеточного мозга. — Никольский на самом деле был настроен продолжать начавшийся разговор всерьез, но подозревал, что Арон то ли вправду не может, то ли не хочет объяснить нечто существенное, касающееся Леопольда. Однако в словах Арона возникла отнюдь не для одноклеточного, как поспешил отбиться Никольский, а для сложного размышления туманность, осевшая в сознании облачком, — точь-в-точь, как слова самого Леопольда насчет таланта и второго таланта... Все же он попробовал продолжить:

— Леопольд живет искусством, занят им постоянно. И если он с искусством живет — как же при этом может быть, что он его не любит?

Финкельмайер скривился. Шевеля непослушными пальцами, он полез под галстук, после долгого копошения на груди раздвинул между пуговицами планки белой сорочки и в образовавшуюся щель оттянул наружу голубую ткань исподнего.

— Видишь? С этим я тоже живу. Но почему я должен любить свое белье? Оно и грязно бывает, и вот, смотри, некра-

сиво совсем. А даже если и красиво, так и это тоже — только белье...

— Ты сейчас говоришь о своих стихах? Но ты же хотел, чтобы книгу издали, чтобы все, — как ты там называл? — все непригенские стихи были собраны вместе?

— Зазнобит — белье и напяливаешь.

Все это Никольский отказывался понимать. В сердцах он плюнул — очень кстати, потому что мельчинка табака попала на язык.

— И все-таки, хоть ты, я верю, не пижонишь предо мной, но это типичное пижонство!

— Мм-угу, — равнодушно согласился Арон. — Между прочим, у меня в портфеле верстка. Оказывается, набрали еще раньше, до согласия Манакина. Будет съезд по национальным литературам, так они торопятся издать поскорее.

— Ты что же молчал, поросенок? — Никольский оживился. — Слушай, покажи, а? Хоть в руках-то дай поддержать!

— Боже мой! Вы видите, как мальчик радуется? Пойдем. Прочтешь, а заодно — ага! поработай на благо искусства! — исправишь опечатки, — их там по дюжине на каждую страницу.

6

Но взять верстку, добраться до портфеля, который Финкельмайер оставил в заднем углу комнаты, им не удалось: Женя остановила их на полпути. С обычным своим неестественным возбуждением она ухватила Никольского за рукав:

— Леонид, скажите же своему другу, — теперь его очередь!

Неумело играя в непринужденность. Женя громко засмеялась, стала со значением смотреть на Арона и кокетливо бить в ладоши:

— Мы вас просим, просим, просим!

Финкельмайер опешил, а когда и другие присоединились к Жене и кто-то сказал: "Да, да, почитайте нам, почитайте ваши стихи!" — он с мучительным страданием забормотал сбивчиво: "Я — нет... не могу... никогда... не надо!.." И это

выглядело так, будто вокруг несчастной жертвы собрались истязатели и с веселым улюлюканием уже покалывают ножичком и кинжальчиком то в бок, то в живот, то в адамово яблоко, а бедняга исходит в предчувствии близкой жестокой пытки, с безнадежностью молит его пощадить и тем подогревает страсти.

Никольский направился к Вере.

— Позови Лильку, скажи, что она тебе очень нужна.

Вера пошептала у Лили над ухом и построила ее кавалеру извинительную мордочку. Лиля поднялась с места, и едва они с Верой отошли от стола, Никольский был тут как тут.

— Лилечка, дорогая! — томно сказал он и повернулся так, чтобы загородить ее и от Хозе и от Веры. Впрочем, Вера и сама сообразила, что Леонид больше не нуждается в ее помощи» и исчезла. — Лилечка, почему бы вам сейчас не спеть? — Никольский близко наклонился к Лиле, вдохнул острый запах ее разомлевшего тела, приблизительно определил, где бы над пышным бедром должна быть талия и очень по-дружески положил свою руку на валик подкожного жира.

— Леонид, вы всегда так любезны! — сказала Лиля, и ее мелодичное меццо заскользило — поехало выше и ниже, словно по гладким пологим холмам. — Я столько кушала и пила, просто ужасно, как я столько себе позволяю! Но этот высокий брюнет — он ваш знакомый, кажется? — он должен выступать со стихами?

— Лилечка, поверьте мне, он никому не интересен. Я вас очень давно не слышал. И тут много новых людей, хотя бы Леопольд Михайлович, искусствовед, — он в своем мире авторитетная личность, — почему бы всех не познакомить? — с вашим голосом?

— Ах, я совсем не готова сейчас. Диафрагма, и тут, — она дотронулась до бюста, — такая тяжесть!

— Камерно, Лилечка, в ползвучка! Прелесть будет как хорошо!

Он знал, что от комариного зуда тщеславия отмахнуться она не способна.

— Если Верунчик мне поможет... Что-нибудь очень простое..

— Отлично!

— ...два-три ромansa...

— Дайте ручку, я поцелую!

Он побежал от нее и с разлету врезался в осаждавших Арона.

— Минуту, минуту, друзья! Ну что вы, не видите, — он перепил? Он не может, вам понятно? А вместо — номером два, по порядку, чтобы традицию не нарушать, нам сейчас будет петь наша милая Лиля!

И Никольский заплодировал. Его поддержали — кто с искренним, кто с поддельным энтузиазмом. Женя посмотрела на него с удивлением. Боря Хавкин застонал, как от зубной боли. Вера сказала: "Вот это да!" — и покорно пошла к пианино.

Спасенный Финкельмайер слушал Лилю самозабвенно — с высоко поднятыми бровями, полуоткрытым ртом и вытянутой шеей, и его восторженность соперничала с благоговейным выражением физиономии Хозе. "В ползвучка" Лиля петь не умела, ее консерваторский голос не был к этому приспособлен, и потому, когда она угрожающе дознавалась: "Но в этом чья вина — твоя или моя?" — у нее звучало так, как если бы на профсобрании разбиралась чья-то аморалка. Хозе в ответ мотал головой и выразительно смотрел на публику, призывая разделить обуревавшие его чувства.

Ко всеобщей радости, после трех романсов и четвертого, исполненного на вежливое "бис", музыкальное интермеццо закончилось. Время шло к полуночи: женщины выглядели усталыми, мужчины много выпили, и это сказывалось: дядя Костя клевал носом, бледный кандидат побывал в туалете и теперь вытирал рот платочком, Славик с отупевшим видом клонил голову к своей молчаливой кукле и пытался ее целовать, у Пребылова то и дело подергивалась щека, но перед ним-то еще оставалось в бутылке "Столичной", и он подливал и подливал себе в стограммовый стаканчик — лафитник. Было бы в самый раз начать расходиться. Однако Женя опять завела свое и стала требовать стихов. Боря Хав-

кин опять потихоньку попробовал ее уговорить, но она вдруг взвилась и срывающимся голосом, почти на крике принялась высипать, что так договорились, что ей сказали, что будут стихи, что с ней никогда не считаются, а Борьке — лишь бы над ней издеваться. /Боря не был женат и не был "занят", как Никольский, по какой причине Женя распространила на Хавкина свои девические права./

Внезапно Пребылов поднялся и из-под слипшегося чуба мутным взглядом обвел комнату.

— Ну тихо! — приказал он. — Буду читать.

За столом умолкли. Размеренным ямбом, — тяжело напирая на ударные и длинно, с подвывом, растягивая концы строк, — провозгласил Пребылов важнейший факт из своей биографии: его рожали не в роддоме, а родила его мамка под стогом. Такое жизненное начало и сделало его кем-то вроде российского Антея: он коснулся родной земли в самый миг рождения, и потому земные соки питают силами его, — вот, приблизительно, о чем поведал поэт своей размашистой декламацией, в которой назойливо повторялся звук "я" — не только в значении личного местоимения — то есть как "я, поэт Пребылов", но и как замена гласной "е" — "зямля", "зямные".

Активностью, напором вталкивал он чужое сознание в круг своих восклицательных строф. Агрессия голоса и агрессия смысла удачным образом — как принято говорить, *органически* — сливались, и было очевидно, что и манеру чтения, и сам текст вполне соответствуют личности поэта. Не было здесь недомолвок, подспудного, неявного хода мысли, не было полусознанных образов, словесного шаманства и ритмозвукового колдовства. То было безраздельное торжество единства формы и содержания, и в этом, опять же *органическом* единстве звучали стих за стихом — о стоптанных мокассах юнцов, продавливающих городской асфальт и, по контрасту, о кирзовом сапоге в пыли дороги и хлебного поля; о глухих родных местах, где красиво по весне и где в веках хранится честь России — и много еще деревенского, но столько же и о шахтерской силе: по-видимому, лира поэта

не могла ограничиться крестьянским запевом и со временем зазвучала по-пролетарски. Что же до интеллигентской прослойки, то эта социальная среда, которой поэт тоже не чуждался, упоминалась по поводу тех же мокасс как "арбатской плесени гниль", или по поводу девчонки художкой, с которой кукарекает ее "столичный кочет".

Именно строфа, посвященная кочету, вызвала неприличную реакцию Финкельмайера, который, если не петухом, то курицей завохтал в своем углу. Он пришел в восторг от услышанной рифмы "хочут" — "кочет", и оттого-то самым непосредственным образом выражал свою восторженность, кудахтая и размахивая руками. Никольский коротко, но громко гыгыкнул.

— Ну? — остановился Пребылов. Он мрачно уставился на Никольского.

— Читай, читай, — поощрил его Никольский. Но так как Пребылов не последовал совету и не отвел неподвижного взгляда, Никольский сказал: — Ну что тебе надо? Отрыжка у человека!

Ответ этот, судя по всему, удовлетворил Пребылова. Он опустил голову к столу, вздохнул и помолчал, собираясь с мыслями. Он был здорово пьян и выглядел, в общем-то, жалким в своем старании оставаться сильной личностью, как требовали его стихи. Вспомнить, на чем он остановился, Пребылову не удалось. Он начал с нового стихотворения, в котором обдавал патриотическим презрением тех, кто ездят за границы то и дело. Возможно, эта филиппика в адрес любителей заграничной жизни произвольно всплыла в его памяти по ассоциации с кочетом: в стихотворении то и дело упоминался другой представитель мира пернатых — птица фламинго. Эта экзотическая птица служила символом всего зарубежного, тогда как скромный журавль олицетворял родную природу, и, следовательно, любовь поэта к своей стране. Все было бы ничего, если бы и в этом стихе не допустил Пребылов некоторой словесной вольности.

— Не скло-ня-ет-ся!!! — заорал вдруг Финкельмайер вне себя от возмущения.

Пребылов осекся. Он не успел опомниться, как Финкельмайер подскочил к нему, продолжая кричать:

— Вам это понятно? Не скло-ня-ет-ся!

— Че-во?.. — с искренним недоумением пытался сообразить Пребылов.

— *Фламинго!* И множественное число — тоже *фламинго!* Нельзя бежать за *фламингами*, можно за *фламинго!* На что же это похоже?!

— Ты что меня учишь? — базарно возразил Пребылов.

— Ничего не учу! Не надо этому учить, это если не знать — надо чувствовать, это русский язык! С языком обращаться по... по... Да это ужасно! *Хочут! Фламинги!* Черт знает что!

Финкельмайер не на шутку разошелся, Никольский наслаждался. Происходило всеобщее шевеление. Леопольд направился к Финкельмайеру, наверно, желая уgomонить его. Но тут все разом переменялось.

— А ты кто такой? — спросил Пребылов.

— Как — кто?

В Прибежище немедленно возникла тишина.

— Ах, вот оно что!.. — задумчиво сказал Финкельмайер. Ах, вот оно что! — Можно было ожидать, что сейчас он вцепится Пребылову в глотку. — Я не русский! В сравнении с...

— А не русский, — ну и молчи! — прервал его Пребылов. — А то заладил — русский язык, русский язык! — И качнувшись, неверным шагом Пребылов пошел из комнаты.

"Ну, бля-а-а..." — вслух начал Никольский и дернулся следом.

— Леон, прошу, не надо! — кинулась Вера. Он готов был сдвинуть ее с дороги, но увидел умоляющие глаза, вспомнил недавние рыдания и остановился.

— Чего, чего на пьяного? Он больной!

Это выкрикнул Славик.

— Заткнись, с-сволочь! — процедил Никольский, осторожно высвободил рукав из цепких Вериных пальцев и повернул к антресольной лестнице.

Он чувствовал, что и сам прилично пьян. В самый раз было

набить по этой наглой харе. А сигареты внизу оставил! Все равно, не спущусь ни за что, пошло оно все к матери!

— Арон, притащи сигареты!

Вот оглобля несчастная, свалится же со ступенек... — Не стукнись башкой, низко тут.

— Мы же здесь задохнемся, — сплошной дым...

Никольский сполз с дивана и принялся открывать двойные двери балкончика. Внутренняя поддалась легко, наружная — разбухла и вмерзла в косяк. Никольский саданул плечом в угол переплета и, вылетев на мороз вместе с клубами пара, с трудом удержался на ногах. Он с наслаждением глотал морозный воздух. Позади, как из преисподней, явилась тень Финкельмайера.

Внизу под ними заскрипела входная дверь, свет скользнул по стволам деревьев, вспыхнул снег и тут же все погасло. Кто-то потоптался на крыльце, шумно посопел, затих на мгновение, и тогда возник длительный, такой человеческий — звук льющейся струи.

Никольский заглянул за перила, но прежде чем увидел стоявшего, сообразил, кто это был. Никольский замер, чтоб не выдать своего упоения сладостным мигом, притянул к себе Финкельмайера и, срываясь, давясь, горячо зашептал:

— Ароша, он! это он! вытаскивай быстро, польем!

Сам он уже лихорадочно расстегивал ширинку, возбуждение не давало начать, наконец, сперва одна, затем вторая дуга алмазными россыпями протянулась вниз, разбиваясь там, постукивая, пошлепывая и пропитывая все, на что они ни попадали. Что происходило под балконом, не было видно, и это умаляло безмерную радость, поэтому Никольский, не прерывая начатого, перестроился к самым перилам, чтобы наблюдать, и в этот-то момент Пребылов поднял голову.

— Б-б-ля-а-а-а! — завопил он истошно и завертелся на месте волчком: брызги мочи летели ему на глаза.

— Кропи его, Хаим, так его мать!

— Не могу, Леня, спазм, извините, от смеха!..

— Давай на эту сторону, он тут! Ах гад, убегает!

— Бля-а-а-а! — неслось откуда-то уже с дорожки. Пребы-

лов, по-видимому, одурел и ринулся с крыльца, ничего уже не соображая. Потом повернул назад. На балконе стояла у стены лопата для сбрасывания снега, Никольский ее схватил, бросился на колени и стал запихивать черенок под балкон, между укосинами опорных брусьев. Пребылов рванул за ручку двери, — лопата сверху ее приперла. Завывая и матерясь, он метался, как пойманный в клетку, и сверху неслись улюлюканье, свист, хохот и гулкое топанье.

Не то услышали Пребылова, или его хватились дружки, не то публика решила идти по домам, но начали дергать дверь уже и изнутри. Привидением крутилась, прыгала фанерная лопата...

7

Финкельмайер и Леопольд прощались последними. Когда Никольский помог Леопольду натянуть пальтишко, тот взял Верину руку и задержал ее в своих ладонях.

— Все же я решился вам сказать. Я сопровождал скульптуру, когда ее везли из Крыма для Цветаевского музея. В музей она не попала из-за революции, а осталась в доме одного приват-доцента истории Московского университета. Я часто у него бывал. Однажды я шел по Воздвиженке мимо толпы митингующих. Перед ними со страстностью, свойственной тому времени, говорила девушка. Я поразился ее необычайному сходству со знакомой мне скульптурой. Не помню, о чем она говорила. О чем все. После этих речей я проводил ее, а позже уговорил посетить квартиру приват-доцента. Не следует, наверно, пояснять, что я влюбился, как мальчишка. Я и был мальчишкой. Н-нуге-сс, милая, тогда я был дружен с вашим отцом, близко дружен, по старой моде. И вот там-то, около этой вашей скульптуры произошло второе романтическое знакомство — ваших будущих родителей. Откровенно говоря, я и тогда разумом хорошо понимал, что — я и Елена — мы слишком разные натуры. Этот дом я видел еще в начальной стадии строительства, Дмитрий со мной советовался кое о чем. Но после всего происшедшего

я здесь не бывал. Я вообще никогда их не видел потом. Не знал, что скульптура оказалась у них, в этом доме. Это было для меня приятной неожиданностью. А знакомство с вами мне особенно приятно, и я, признаться, расчувствовался. Видите ли, история о женщине и о мастере пришла мне на ум еще в Керчи, когда я впервые увидел скульптуру. И я ее однажды рассказывал Елене. Но что доведется рассказывать ее дочери... — Леопольд устало улыбнулся.

— Простите, что разволновал вас. Простите, не обижайтесь на старика.

— Боже мой!.. Боже мой, — повторяла Вера. — Но мы же увидимся с вами?

— Буду рад, милая, буду рад. Спасибо. Спокойной ночи.

Двери закрылись. Никольский щелкнул замком и отправился наверх, чтобы положить в портфель верстку, оставленную ему Ароном. На дне портфеля рука утонула в чем-то мягком. Это были соболиные шкурки — те самые четыре шкурки из манакинского подношения. Забытые, они лежали в портфеле с момента приезда.

— Вера! — крикнул Никольский. — Иди сюда, смотри, что я тебе привез!

Он отдал ей соболей, но вдоволь нарадоваться на них у Веры уже не хватило сил. Когда легли, последней всплыла в сознании Никольского мысль о том, что любовь у них была днем, и теперь можно сразу же спать.

"Вынул деньги из кармана
деньги серые в лице..."
Даниил ХАРМС

Александр ТУЧКОВ

ОПЕРАЦИЯ "СОЛОМОН"

Сегодня я хорошо выспался. Просто на редкость. Несмотря на мое обычное поганое настроение, вчерашнее засыпание было великолепно. По всем правилам: с усталостью, превращающейся в забытие, с путаницей нелепых образов в этом забытие — в прихожей сна, после чего я попал в Рай. В школьный класс попал, в класс из моего прошлого, с деталями и нюансами, которые, казалось, навсегда истерлись из памяти, но вот воскресли до последней щербинки. Оказалось, что память хранила все: зеленый полумрак в классе от листвы за окном, вид старых истертых парт, ослепительное преломление дверных стекол в темных глубинах помещения и вообще весь этот день, трепещущий на подоконнике, вспыхивающий стронциевого цвета звездами в зелени дерева, пронизывающий невероятной поэзией даже затхлость учебника алгебры.

Я прибыл в тот момент, когда в классе царило веселье. Я увидел всех, кого любил и кто любил меня. Это был наш лицей и мы в лицее, беззаветно преданные друг другу, изрезанным партам, пыли, струящейся в солнечном луче, этому

дню... Шум, шутки, беспрерывные и удачные остроты... Я увидел себя в кипении этого веселья, с головой, кружащейся от любви ко всем и всеобщей любви ко мне...

Еще далеко до того момента, момента решения педсовета об моем исключении. Еще не настал холод отчуждения и не раздалась еще равнодушное цоканье секретарших каблучков и стук печатной машинки в канцелярии. Все это еще будет. Это еще все впереди. Но уже и теперь чую я, среди веселья ощущаю, как Адам, изгнание из Рая чую. И помню и знаю, что Рай-класс не был мимолетен, что это было вечное, вечно-ненаступившее веселье души... Но вот что-то проникло холодное, змеиное, тихо вползло в нашу среду...

Великолепное засыпание и Рай завершились таким же по качеству пробуждением. С гудением сладкой неги в костях, с потягиваниями. Чувство небывалой уверенности в себе и доброжелательства ко всем шампанским закипало в груди. Кто тот мизантроп и печальник, что заснул вчера на этой кушетке? Я не знаю его...

Еще некоторое время я ленился на диванце, пытаюсь вспомнить, когда же до этого мне так хорошо спалось. Пожалуй, что никогда. Разве только раз, очень давно, настолько давно, что не припомню где и когда. Осталось лишь ощущение, сопутствовавшее пробуждению, ощущение вечности впереди, полной беззаботного и порхающего существования. И солнце припоминается, только взошедшее, только что осветившее город, громоздящееся над ним неким розово-белым тортом. Город, испещренный бесчисленными двориками, террасами, арками и колоннадами. Розовый и оранжевый распускается свет на стенах, вспыхивает огнем черепица кровель. Подобны раскрывающимся цветам стены. Солнце сосредотачивается в золоте капителей и статуй, чтобы потом, в полдень, превратиться в блеск, помрачающий мозг, в неистовое сияние. И утренние мраморные дворики, сонные и безлюдные еще, с фонтанчиками, струи которых как бы трепещущие ладонями финикийские танцовщицы. Единственно нарушающие утреннюю тишину фонтанчики...

На чем я тогда спал, не помню. Возможно, это было ложе, усеянное поникшими цветами, окруженное полуспущенными драпри, с флейтистами, дремлющими в углах. А может, это был кусок сена в чердачной конурке — обиталище раба.

Теперь я спал на отличной кушетке. Впрочем, сказать отличная, — это почти что соврать, потому как кушетка была стара, колченога, усеяна дырочками древоточцев, с обивкой латаной-перелатаной, в самой середине которой был вшит чрезвычайно старенький коврик, серый, как бы шелковый, переливающийся радужным разноцветием. Тем не менее спать на этой кушетке было крайне удобно. Она повиновалась малейшему движению моего тела. Она послушно прогибалась подо мной, упираясь ножками в пол, поскрипывая и выбирая наиболее удобные точки опоры.

Одним словом, это было необычайно удачным приобретением для моей мастерской, именуемой нежилым фондом, чердачно высоко вознесенной на берегу Фонтанки, близ Марсова поля...

До этого я спал на старом матрасе. Спал посреди всей неуютности художнического хозяйства: холстов, красок, подрамников и поломанной мебели, найденной на помойке. Кушетку же мне устроил приятель, уехавший с неделю назад за рубеж, на постоянное место жительства.

Было еще довольно рано, часов около семи утра. Город спал, и белесая мгла за окном. Туманная мгла. Помаленьку туман пронизывался солнцем, оживал, как бы кровеносной системой снабженный. Молочно-кисельным становился туман, наполнялся розовой пульсацией. Его туго шевелящаяся, текучая масса, подбитая утренняя солнцем, тяжело ворочалась за окном, взлезала на подоконник распахнутого окна, лениво сваливалась на пол. Живыми лохмотьями бродил туман между вещей, путался в ножках стульев, в подрамниках, внезапно рассеивался от испугавшего его сквозняка...

Двое внутри меня, эти извечные двое, воспользовавшись затишьем, заспорили, затеяли свою обычную склоку. Начал, как всегда, тот, всезнайка, всюду искавший физико-химичес-

кого плана ответов на все вопросы. "Какова природа райского настроения хозяина? — назидательно начал он. — Да проста, проста, как идея колумбова яйца. Май месяц, конец мая, весна. Обычное дело, старая обманка. А отсюда снова мечты и надежды снова. Каждую весну так. Весеннее волнение, пробуждение весенней чувственности, атавизм..."

Другой же из спорщиков, горячий, донельзя ненавидящий этого ментора, шумит, кипятится: "Чувственность? Чувства? Тебе ли говорить об этом? Да как ты смеешь? Завхозом тебе работать. Инвентарные номерки приколачивать. Разве способен ты вообще осознать смысл этого обозначения — чувство? А тем более данного чувства, исполненного такого сладкого ожидания, надежды!"

Они и их спор надоедают мне очень быстро, как всегда. Я сурово прикрикиваю на них, требую, чтобы заткнулись: "Что вы там бормочете об атавизме, о весенней чувственности и надежде? Если это и атавизм, то вовсе не весенней чувственности, а атавизм памяти. Не сама память, заметьте вы, болваны, а лишь атавизм ее. Настолько далеко, в бездне времени, лежит то, забывшееся, казалось бы, безнадежно забывшееся происшествие. И весной, в момент освобождения, в момент закипания всех соков и обострения всех чувств, эти далекие воспоминания оживают. Напрасно волнуя душу оживают. Прекрасно — напрасно..."

Порядок восстановлен. Двое затихают до поры. Я продолжаю лениться на кушетке, размышляя о том, что где-то там уехавший Гриша, владелец кушетки, бродит сейчас в фантастике. Среди потоков машин, реклам, в подножии небоскребовых нагромождений, бродит. Среди роскоши названий — А м е р и к е н Б р о д к а с т и н г, К р а й с л е р, Ш е л л, Э к с о н... И не то чтобы я завидовал ему, хотя и не без зависти думал теперь. Ко всему привыкнуть можно, и к той необычности тоже. Эх, чего-нибудь такого бы, к чему нельзя привыкнуть. Настоящего бы чуда...

И тотчас я ощутил шевеление под собой. Вроде как кушетка дернулась. Уж не подломилась ли ножка у подарка далекого друга? Но нет, ножки были целы, а кушетка дернулась

снова и плавно сдвинулась с места. Я вздрогнул и невольно вскрикнул: "Постой, куда?". Кушетка сразу замерла на месте. Малость отошедши от изумления, я снова осторожно пожелал, и кушетка вновь повиновалась. Она легко заскользила по нежилому фонду, не сбив ни единого холста, не задев ни единого стула. Тогда я слегка тронул ее по направлению к окну. Она медленно вошла в него, мягко погрузившись в колеблющиеся пелены тумана.

Покружив осторожно над крышей и возле окна, я обнаружил, что кушетка повинуется малейшим моим желаниям, лавирует, опускается, поднимается, изящно маневрирует. Поначалу я боялся глянуть вниз. Свинец смертельного страха, извечного страха наземного животного, прижал меня к кушетке теснейшим образом. Но вот, все более и более смелея, я уже гнал ее через некоторое время так, что только ветер лопотал в штанинах.

Вокруг, насколько хватало глаз, царил туман. Молочным месивом переливался. Закипал. Повисал на деревьях Александровского сада. Цепляясь за Адмиралтейский шпиль, сползал по нему пенными ошметьями. Роскошной, тонущей каравеллой накренился в тумане Исаакиевский собор.

В полном восторге мотаясь на кушетке и распевая песни во всю глотку, я только дивился Питеру: "Так вот ты какой, дорогуша, настоящий-то? Ведь даже утром, в непривычном освещении и безлюдье, прости, ты не так великолепен, как теперь".

И сразу вспомнилось нечто. Упавшим свитком развернулось воспоминание о том, сколько раз обманывались римские легионеры, отправляющиеся в очередной далекий поход. Сколько раз обманывались, представляя себе Нубию такой-то, Ливию такой-то, такой-то Германию или Иудею. И даже те, кто видел все это однажды, по воспоминаниям представляющие себе, — обманывались тоже. Видевшаяся суровой, встречала легионеров Германия нежнейшей весной. И Ливия, вместе с песчаных буранов и смертельного жара, обрушивала ливни. И только Кампанья, дорогая Кампанья, встречала их после походов такой же. Такой же, какой жила в воспоминаниях.

Золотой, вечерющей, с пространственной тишиной, в глубинах которой шептался водопад, слабо дребезжали крики коз, вскрикивал собачий лай или звуки пастушеской флейты. И все, все на этом широком пространстве, от акведука до последнего камня на дороге, — все притихшее, все обращенное лицом к заходящему солнцу. Золотая Кампанья...

Где ты, моя Кампанья? В любом случае наврал Николай Васильевич про Петербург, что, дескать, и мрачен он и гранитно сер. И Достоевский наврал тоже, вплоть до самых недавних, навравших о залпе Авроры, о юнкерах и об революционных матросах, волокущих пулеметы по торцовой мостовой, и о стали их непреклонных глаз...

Вот он истинный Петербург, подо мной Петербург. Северный, одичавший потомок Вавилона и Рима, Венеции и Амстердама. "Выродившийся и одинокий потомок", — поправят меня. "Пусть так, — отвечу я, — пусть много детенышей у сучки и лишь один у львицы. Но зато это потомок льва..."

Описав дугу над течением спешащего на службу Невского, я спланировал к красной крепости Инженерного замка. Поравнявшись с ним, я увидел широкие окна верхних этажей. В светлом равнодушии учрежденческого утра белели листы бумаги, накопленные на кульманы. По помещению слонялись заспанные, потягивающиеся чертежники. Было только девять утра. Рабочий день еще только начинался. Медленно скрипя, колымага дня лишь тронулась в свой обычный путь...

Один из чертежников подошел к окну. Раскрыв пасть, он зевал сладчайшим образом, разглядывая прорезающимися глазками погоду за окном... Вот увидел меня... Замер, буквально обмер. И тотчас закрыл глаза, зажмурился от неожиданности.

Пришпорив кушетку и чиркая по верхушкам деревьев, я мгновенно исчез из поля его зрения.

Я был уже далеко, мчал по кривой к Неве, когда чертежник осторожно приоткрыл один глаз, второй, встряхнулся, возможно, даже сказал себе что-либо нравоучительное: "Все, больше мешать не буду. Либо сухое, либо водка..."

Я же тем временем уже летел к Неве, туда, к двум сфинксам, лежащим у воды. Мне не терпелось проверить свой сон, навестить Рай-класс, по свежим следам навестить.

Туманы, между тем, распались, и день преобразился в летний, сухой и безлюдный, как бы в один из послевоенных летних дней. Будничных дней моего детства. И два сфинкса в этом дне. На берегу Невы два сфинкса, глядящие отрешенно, по-львиному глядящие поверх голов друг друга. Куда-то в неизмеримо далекую даль глядящие, как тот, еще доегипетский сфинкс, охраняющий долину царей.

Конечно же, я не ожидал увидеть школу моего детства, сохранившуюся в деталях. Естественны были изменения и, как я слышал, необратимые. Вольница, бурса нашего лица стала образцовым заведением, с пионерскими галстуками, с досками почета и порицания, конечно же, с бюстом и с портретами вечно молодых старцев в актовом зале...

Однако те изменения, что предстали передо мной сейчас, превзошли все ожидания. Потому что, хотя дети и учителя были все те же, остальное кругом чудесно преобразилось в ряд двориков с перекрытиями и аркадами. Полутемные, прохладные палестры явились передо мной, палестры, перемежающиеся с блистающими под солнцем площадками. Бассейны, молельни, фонтанчики из разверстых тритонных пастей и белая статуя атлета в зеленой тени дерева. Все это было заключено в стены с красной черепицей, и небо надо всем — бледно-голубое, выцветшее...

Я заговорил с одной из преподавательниц, слегка дивясь внутри себя женщине в роли учителя в этом мире палестр и храмов. Однако заговорил с ней, привлекая меня четким, точеным овалом лица, древним типом лица. Не позднейшим, навязшим на зубах сувенирным типом Нефертити, но ранним отшлифованным болваном головы, с крыловидным разрезом глаз, несколько мужественным типом лица, но и более привлекательным из-за этого, прямо-таки высекающим искру внутри меня...

Думая о ее красоте, я заговорил об удивительных изменениях и преобразованиях в школе. Об новых веяниях заго-

ворил. Она сдержанно отвечала: "Что же, добро пожаловать снова. Несмотря ни на что, приятно видеть вас опять в родных Пенатах". Я продолжал беседу, рассказывая ей о двух сфинксах на берегу, напротив Академии, и о том, что они смотрят, как львы, поверх голов, в неизмеримость лишь для них видных далей, а также о том, что они выглядят прекрасной аномалией, странным выбросом на берегу Невы.

"Никакой аномалии в сфинксах и никаких преобразований в школе не вижу, — отвечала моя собеседница, — сфинксы и школа на своем месте, на берегу Нила, в течение уже многих веков, на берегу Нила..."

"Как это, на берегу Нила?" — дежурно удивился я, но не нашел удивления в своей душе.

"Вы сами знаете как. Оставьте лукавство. Здесь оно излишне. Пойдемте-ка лучше со мной, я покажу кое-что вам".

Мы вышли и бродили по берегу реки. Было все то же, белесое, раскаленное небо. И под ним светлый, огромный, катил свои смутные воды Нил-Нева. Река показалась мне шире, чем обычно, но это лишь казалось из-за того, что строения на том берегу плоскими, невысокими параллелограммами бежали вдоль реки, слагаясь в некую мелодию. Неровно бежали по берегу, обрываясь иногда ступенями в воду. Пучки пальм торчали среди них. Барки скользили по течению. Где-то там, на дне, среди стволов лотоса, бродил бегемот, необычайно прямоногий и изящный, бродил.

И тут я заметил храм, что возвышался над всеми строениями. Храм, пестреющий иероглифами и украшениями, насыщенный глубочайшими ультрамарином, рубиновыми, желтыми витыми колонками, красно-черными карнизами.

Конечно же, я знал о том, что египетские храмы были цветны, но мне казалось — они сдержанно цветны. Монохром времени я перепутал с истинными цветами, потому что сейчас увидел этот храм как бы букет, внезапно окаменевший букет цветов...

И еще одно. Храм этот я уже видел прежде. Нет, нет, я не об керамических материях. Совсем недавно я видел его во сне. И так же на берегу Нила-Невы. Однако он был, как пом-

нится, один, и зданий вокруг было гораздо меньше. И рощи были чаще и гуще. Целые заросли пальм.

Значит, этот мир, мир вне нас, а еще вернее, мы вне его, значит, он живет, развивается по своим законам. Это, как письма, известие о том, что где-то, незримая для нас, продолжается покинутая нами жизнь. Моменты жизни, казалось бы, должны замереть наподобие фото. Ан нет. Да и почему должна замереть та жизнь? Неужели только потому, что мы, свернув за угол, уже не видим ее?

Я сказал обо всем этом своей спутнице. "Конечно, — отвечала она, — Нил-Нева здорово изменился. Я же прекрасно помню вас, прибывшего в прошлый раз. Тогда вы были еще совсем невменяемы. Как сомнамбула, были и увидели лишь этот, еще строившийся тогда храм. Вы не замечали тогда ни меня, ничего вокруг. Вот, кстати, смотрите, строится новый храм".

На островке, среди реки, на искусственном островке, возвышалось уже почти готовое здание. Я видел, как рабочие, вися под карнизом, волокли под собой ленту из прекраснейшей лазури. Другие выкладывали желтыми иероглифами серо-зернистого вида стену. Казалось, они развешивают елочные украшения...

Я попытался обнять женщину, но она мягко отстранилась: "Тебе туда, тебе надо спешить..." — и указала на далекий монолит зданий, на комплекс храмов, как бы массивный стол с бесчисленным количеством ножек.

Через пару минут кушетка домчала меня к этому комплексу, в котором я, к своему изумлению, узнал доки, бывшие в порту, на берегу Невы. И узкие бойницы окон под самой крышей узнал. Окна были ровно такого размера, который был достаточен, чтобы кушетка проскользнула в него. Она вошла внутрь, под потолки огромного цеха, со зрелищем сварочных вспышек, огней, копошения рабочих, уханья и шипения машин среди конструкций.

Царапая потолок и делая узоры на нем, я совершил несколько кругов, намереваясь сходу выскользнуть в одну из бойниц, чтобы улететь прочь. Однако не рассчитал и, задевши

краем кушетки о выступ, был отброшен назад. Крутясь, как на воде, кушетка пошла зигзагами. Я вновь нацелился в окно, когда дно моей кушетки внезапно содрогнулось от ударов. Глянул вниз. Оказалось, меня заметили. В мою сторону летели молотки, кирпичи, бутылки.

Я уже подплывал к окошку, когда в потолке, рядом, внезапно возникло несколько ямочек. Мгновенные и глубокие, возникли. Послышался треск выстрелов, пение пуль. Одна из них расщепила ножку кушетки.

Перед тем, как войти в бойницу, я посмотрел вниз. Там, явственно видные, суетились фигурки в черных шинелях с зелеными нашивками. Две женщины и старик. Вахтеры. Кругом сгрудились рабочие, а далеко, в проходе, мелькало начальство. Благодаря Бога за то, что стрелявшие были пенсионерами, я выскользнул в бойницу и был таков...

Позже я часто летал, повсюду летал. А однажды взял с собой свою любимую девушку. Правда, дуреха ничего не поняла. Более того, упрекала меня тем, что своим беспробудным пьянством я свожу ее с ума, делаю настоящей шизофреничкой. Ей, дескать, приснился совсем дикий, ведьмовский сон о том, что она летала со мной на моей кушетке.

Как бы там ни было, я взял ее с собой. И любовался ею, сверканием ее глаз, ее побелевшими лапками, ухватившимися за края кушетки. Ее волосами любовался, душистым стягом, трепетавшим и струившимся на моем лице.

Весь сознательный отрезок своей жизни я собирался съездить туда. Как-нибудь. Навестить места, где прошло мое детство. Посетить Всеволожскую. Райским уголком помнилась она мне, со старым паровозцем, бегущим между сосновых перелесков. С домиками, притаившимися у основания сосен. Всю жизнь собирался. Но то не было времени, то настроения, а главное, уверенности. Боялся разочарования, опасался не застать даже и отголоска того, что вспоминалось.

Но вот теперь я решился. Невероятная моя кушетка и восхитительно бредовый месяц полетов на ней наполнили меня верой.

В одно из утр я собрался уже было в путь, когда те двое, давешние двое, внутри меня, наперебой заволновались: "Хозяин, послушай нашего совета. В твоих руках чудо — летающая кушетка. Махни-ка за границу, хозяин. В Европу, к примеру. Опять же политическое убежище, свобода. Золотой американский экспресс кард после продажи кушетки военному ведомству..."

Я не дал договорить им, задохнулся от ярости: "На месяц под арест, без воды и хлеба, негодяи. Да как вы смеете портить священную ткань этого повествования своей бездарностью. Такой дешевки, признаюсь, я не ожидал даже от вас. Каждую субботу порка металлическим проводом. Помните день субботний, ублюдки!"

Распорядившись таким образом, я привычно оседлал кушетку и вывалился в светлый летний день.

Разные бывают дни. Тот, первый, к примеру, был туманный, клубящийся. Другой — бурный, смазавший все грозовой акварелью. А бывали дни как бы просто сухой рисунок, чуть ли не чертеж. В зное чертеж. И ничего лишнего, лишь пара линий в масле зноя.

Сегодня был простейший день. Прекрасно простой. Наивный, с чистотой красок и линий. Небо синее и облачка в нем — парой очищенных картофелин. Дорога желта. Зелено дерево. Лишь несколько линий и пятен означают дом. Из намека на дверь выходит некто, слегка обозначенный очертаниями пиджачка, брючат. Щетка усов. И пара косо посаженных миндалин — глаза. И светлое все вокруг. Просто. Разные бывают дни...

Я парил в пространствах этого дня под ослепительным, металлически оплавленным Гелиосом-солнцем. Беззаботно и царственно сияющим. Впрочем, не всегда беззаботно, потому как даже ему бывает трудно, Гелиосу. В облачный день, к примеру, греметь по черным камням небес. Либо в ошметках бури. Или в тумане пасмурного дня, когда не то, чтобы кто-

то, но и сам себя не видит он — ярчайший среди ярких. Из-за тумана пасмурного дня.

Самое любезное дело, как теперь. Когда бездонная синева и легчайшие, как бы мазки, перистые облака. А если ко всему прочему младшее божество поспешает впереди и поливает дорогу амврозией... Самое любезное дело тогда — скольжение и ликование. Ослепительное ликование среди голубого лака небес.

Я мчал, пронзая голубые просторы под ритм перестраивающих свои ряды горизонтов. Мчал под испуганное трепыхание разлетающихся птиц, над гулко проносящейся подо мной бездной. Моя рука лежала на краю кушетки, точно на краю балкона, на перилах его лежала. И внизу, под этим балконом, разваливающиеся массивы лесов, треснувшие дорогами, лопнувшие озерами. Или застывший, беззвучный на таком расстоянии прибор. Прибойчик даже, не прибор, нечто кружевное из дамского инвентаря. Грудной диафрагмой, полной гула, стена моря стоит до небес. И рука. Птица-рука, присевшая на край кушетки. Не знающая страха высоты птица...

Однако я сбился с направления, я потерял ориентировку из-за всех этих птичьих восторгов. Кружения горизонтов запутали меня. Накренив кушетку, я заскользил к одному из домов внизу, в верхнем окне которого я заметил женщину. Женщина покойно глядела в окно, опершись руками и грудями о подоконник. Как бы кувшин или занавес была она в раме окна, таким же древним символом. Одним из самых древних символов выглядела она — женщина, смотрящая в окно.

Лихо затормозив, так что кушетка затряслась и выбросила выхлопную струю пыли, я закачался рядом с окном. "Куда на Всеволожскую? — крикнул я, пересиливая гудение пространств. — Сбился, мамаша, с направления!"

Ни слова не промолвив и нимало не удивившись, женщина-символ подняла полную голландскую руку с указующим пальчиком и продолжала свое мирное созерцание...

Еще через полчаса лету зной хвойной духоты ударил в меня снизу. Я сразу узнал его и вересковые поляны с красны-

ми стволами сосен, узнал. Между ними рано утром, очень давно утром, в детстве, я шел с помятым бидоном. Мать посылала меня за молоком, через колоннаду сосняка посылала. Как бы в зале я шел, по пружинно мягким полам, с эхом и птичьим залившимся пением под гулкими сводами. Между Вавилонами муравейников шел.

Был алюминиевый бидон, внутри которого всегда находилась прохлада, амфорная прохлада в любой зной. Был кукольный домик, собака с добрым лохматым лицом и пропахшая парным молоком тетка из сказки. Округлая тяжесть молока каталась в бидоне. Стада возвращались на закате, подплывающим флотом возвращались. Флот каравелл, красных, белых, черных, драконово сложных, со столбами оранжевой закатной пыли, будто пушечными дымами, по ходу продвижения кораблей. И пастух, казалось, поэт, пустынный, не ведущий, но ведомый коровами.

А вот гора появилась, та самая, что возвышалась над поселком. Я приближался к ней, пересекая поле, бескрайнее, поросшее ромашкой. Слепительно белое, с желтизной поле, с пьянью ромашкового дурмана. На самой вершине горы, в кустарнике, я осторожно посадил кушетку. Сбросил ботинки, свесив ноги, закурил...

Под горой, среди сосен, стояли домики, ничуть не изменившиеся с того, моего времени. И в самом центре, прямо под моими босыми ступнями, — домик из моего детства. Сарайчик даже, не домик. Трогательный в своей простоте и неказистости, серо-стальной от дождей, все с теми же лопуховыми джунглями вокруг, с таинственной жизнью кошек в этих джунглях. Висело белье на веревке. Бежала, как конькобежец, идиотка-курица. Закинув за спину крылья-руки, бежала. Пристально вглядываясь, я увидел на дощатой веранде накрытый стол, керосинку на кирпичках, помидоры, красные в миске, тарелку, сияющую фаянсовой щеклой, и еще что-то мелкое, знакомое, еле припоминающееся.

На веранду выходит женщина. Да, я отчетливо вижу ее, узнаю. Она машет рукой. Мне машет. Я не слышу ее голоса, но знаю, она зовет меня обедать. Остывает обед. Мать зовет

меня. Молодая, прекрасная женщина меня зовет, сидящего здесь, на кушетке, обрюзгшего уже, гораздо старшего ее годами, набрякшего нечистотой, зовет.

"Нет, это уж слишком, — я закрываю лицо руками, — этого просто не может быть, просто не может и все!" Тотчас же те двое внутри, посаженные на гауптвахту, до сих пор не осмеливавшиеся подать голос, обрадованно забубнили: "Конечно же, не может быть. Это просто видение, нездоровое воображение. Оглянись кругом. Вокруг все нормально и обыденно. А этот бредовый праздник происходит лишь внутри тебя. Сумасшествие. Сладкое, но сумасшествие. Ты же не отдаешь себе отчета в том, где ты и что ты. Ведь вот сейчас, может быть, в данный момент, ты где-либо в общественном месте, и извини, без штанов... А может, и того хуже. Это же черт знает что".

"Да, надо взять себя в руки", — согласился я, растирая себе лицо. И понемногу все вокруг как бы сникло, поблекло. Я не был в публичном месте и не выкидывал никаких номеров, как паниковали эти двое внутри. Однако миражи рассеялись, и скука разлилась по окрестностям тусклым солнечным светом. Там, где были домики, глядящие в гору, домики среди сосен, разбросаны стали блочные дома, корявые, с полойными задворками. Сосны единым строем отошли вдаль. Их теснили тяжкие стены строящегося комбината. Вместо проселочной дороги, в разводах сиреневых теней и в гомоне птиц, между сосен дороги, пролегла теперь бетонная магистраль, по которой отчаянно пылили самосвалы. Гремели электрички вдаль. И ко всему прочему, позади меня раздались голоса, кто-то продирался сквозь кусты. Трое парней из рабочего поселка, в брюках и майках, вылезли на склон горы. Заметили, подошли вразвалку. Покуривая, не торопясь, оглядели меня, кушетку. Позванивая мелочью в кармане, один из них спросил: "А вот ты, к примеру, чего ты здесь делаешь?"

"Отдыхаю, товарищи, дышу свежим воздухом".

"На кушетке", — улыбнулся он, пожевывая сигарету.

"Да, выбрался вот за город, на лоно природы, как говорится".

Другой, с татуировкой, поросшей волосами, обошел меня кругом: "Да ты, видать, силач, парень, раз и кушеточку с собой приволок из Ленинграда. С виду-то не скажешь. Или, может, на такси в гору забирался? Чего уж там, взял бы тогда с собой и комод и телевизер для полного комплекта. А ну, слазь с кушетки, срань болотная. Тюльку будет мне гнать. Вывертывай живо карманы, пададь городская".

Опасливо поглядывая на пахнущие конём бицепсы парней, я послушно вывернул дрожащими руками карманы, услужливо расстегнул пиджак. Все карманы были тщательно обследованы, но, кроме пачки "Беломора", спичек и слежавшейся бумажонки с забытым телефоном, ничего обнаружено не было. Все мое одеяние было критически осмотрено, материя пощупана: "Эх, худоба и взять-то с него нечего. Пиджачок-то, глянь-ка, Валюха, у меня на таком же Нюрка вчера в сарае оценилась. Обувка тоже. А еще из города. Диванец, что ли, забрать?"

"Товарищи, уважаемые ребята, не забирайте кушетку, — встрепенулся я, — вот пиджак берите, обувь, хоть штаны снимайте, кушетку только оставьте..."

Вместо ответа он лишь презрительно пнул кушетку ногой, но третий из них, глянув на меня пристально, затоптал сигарету: "Постой, Коля. Проверочка требуется. Что-то этот дохляк так трепыхается об этой старой кушетке".

Он раскрыл складной нож и взрезал обивку с края. Рванул. Запели пружины. Пахнуло затхлостью. Чихая и кашляя, парни долго шарили руками под обивкой. После чего отряхнулись, поплевав на руки, пригладили волосья, и тот, что с мохнатой татуировкой, сурово глянул на меня: "Ладно, псих, сиди здесь на макушке горы. Рук об тебя марать не буду. А вот обивочку с диванца возьмем на память, Нюрке на подстилку. Будь здоров, дохлятина".

Еще долго я не мог отойти и ровно дохнуть, так испугался за кушетку. Бормотал про себя гневно, грозно взглядывал в сторону ушедших. Короче, помахавши руками после драки,

привел себя в порядок и возлег на кушетку. Лежать теперь на ней было неудобно. Пружины шкодливо вывертывались из-под бока, выстреливали в затылок. Удушливая пыль поднималась при малейшем моем движении. Я пробовал сосредоточиться, посылал мысленные приказы, но кушетка не двигалась с места.

"Успокойся, расслабься, — уговаривал я себя, — а ну-ка, аутотренинг!" И так, голова холодна, полна льда голова, мысли ясны и чисты. Ступни наполняются горячей водой. Вода поднимается вверх по ногам, заполняет их до коленных чашечек. Вот она взбирается по бедрам, горячей волной вливается в живот. — Но вместо этого новая волна пыли буквально удушила меня. Я вскочил под веселые крики пружин. Я прогуливался по кругу, разминаясь, отряхиваясь.

Я уже давно догадался. Я просто не хотел верить в это, не хотел пугать себя. Я гнал эту мысль. "Все в порядке, обивочка здесь ни при чем. Я просто взволнован, негодяи вышибли меня из колеи..."

Я уходил и возвращался вновь. Опять ложился на кушетку. Снова вскакивал. Начинался бред. Та мысль, что не давала мне покоя, вырвалась вдруг наружу, овладела мной. Обожгла меня ощущением непоправимости случившегося. Я побежал вниз, по склону, уничтожаемый ополчившимися на меня ветвями кустов.

"Надо, надо разыскать этих парней. Надо просить их, обещать заплатить, может, упасть на колени, умолять их отдать мне эту обивку. Эту старую, потертую материю, серебристую ткань, отливающую и сумеречно-голубым и пурпурно-зеленым, либо оранжем заката. Уходящим оранжем, если смотреть сбоку. Уходя сбоку..." — бормотал я, в помрачении бродя по улицам.

Первыми меня заметили, а вернее узнали, дети. Потом старухи. Дети стихали при моем появлении, камни старушечьих лиц вращались в платках по мере моего продвижения. В оживающем за моей спиной детском гомоне и в шелесте старушечьих голосов я понял, что хожу по кругу...

Ко всему прочему, в результате всех этих переживаний и потрясений, я захотел в туалет. Сколько я ни бегал по этой сельской местности, уборной найти не мог. Достаточно сельской из-за отсутствия туалетов и не достаточно сельской из-за обилия пешеходов.

Наконец, после долгих поисков, я нашел ее. На пустыре, на склоне холма. Уборная была дощата и скрипяща. Уборная просвечивала щелями, как рожица. Собственно, просто сарай.

Я вбежал в кабину, в отделение этого сарая. Вбежал по вздрагивающим доскам, подобно моряку по сходням корабля. Присел, но ничего не получалось. Расхотел. "Отчего же так? — думал я, сидя в карусельном движении света и теней. — Ведь только что я, подпрыгивая и вскрикивая, бежал сюда, как "молодой любовник к избраннице своей". Однако оглянувшись, понял — отчего. Сквозь щели, иные из которых были шире, чем сами доски, я увидел сосредоточившуюся в отправлении естественных потребностей женщину. То, что это была женщина, я понял лишь по платью и туфлям. Все остальное было беловатое, мощное, потертое кое-где жизнью. Мощное сооружение, трудившееся теперь над таким же по мощности физиологическим актом.

Ожидая позывов, я размышлял об стирании границ не только между городом и деревней, но и между мужчиной и женщиной. Я, к примеру, вовсе не удивился бы, если эта дама, вставши сейчас, по-слоновьи топяя ногами, обнаружила бы во всей красе на груди или еще где-либо, обширную татуировку с портретом ли Сталина или с орлом на скалах, с чем-нибудь, короче, из серии: "Не забуду мать родную".

Да, это было то самое стирание. Уже далеко в прошлом, безвозвратно далеко, были все эти смешные атрибуты: легкая поступь, взгляд, матовый овал лица, под белым, сияющим от солнца дамским зонтом. Или долго хранимая записка, легкого почерка, с ароматом ее духов. Все это прошло, в Лету кануло, и осталось пожирание еды, с чавканьем и наливыми кровью глазами, шоферское сидение на унитазах, часами, с книжкой в руках. Все это окончательно расстроило

меня, настолько, что я пробормотал вслух: "Стенька Разин, натуральный Стенька, чертовщина какая".

"Не Стенька, а просто стенка", — сказал кто-то сбоку. Поразившись верности, законченности формулировки и раздумывая о том, что это действительно не спина, а стенка, непрошибаемая стена, не мужская и не женская, а феминистская, я не сразу оглянулся. А оглянувшись, заметил худенького мальчишку, лет одиннадцати-двенадцати, в соседнем отделении. Он дружески помахал мне рукой и приложил палец к губам, в знак молчания.

Мальчонка подглядывал за женщиной. И хотя кругом имелись щели величиной в столб, он старательно глядел в маленькую дырочку, в выпавший сучок. Мальчишка был эстет. При этом он, как говорится, одной рукой подглядывал, а другой возился в штанах, с чем-то, напоминавшим младенческую резиновую соску.

Не желая мешать пареньку, я глянул на потолок. Строители этого загадочного помещения соорудили потолок на славу. Доски были пригнаны друг к другу, подобно плитам египетских пирамид. Лезвия не просунешь. Может, было дано указание, чтобы гадающие не видели облака или птичьей тени, а может, было дано и другое какое указание. В любом случае мне не оставалось ничего другого в моем ожидании, как обернуться назад, на сталактитовую стену испражнений. В ней очень суетливо, еще суетливее, чем людишки, жили мириады белых червей.

Нет слов, конечно же, при известном настроении очень даже легко было бы представить себе, что это скалы, скажем, откосы Македонии. И пасущиеся стада овец, проистекающие по скалам. Возможно, это были вовсе не овцы, а штурм. Видный в деталях, но не слышный из-за большого расстояния. Воины в белых плащах карабкались по скалам, вверх, туда, где засел противник. Много можно было бы представить себе. Однако мешала сосредоточенно-вулканическая деятельность женщины справа и тихая жизнь мальчонки-эстета слева.

Зато подо всем этим, далеко под гору, развевалась раздольная панорама деревень и полей. У ближайшей избы,

под горой, сидел дед на завалинке и курил самокрутку. Воздух был чист и прозрачен, слышимость прекрасная. Дед, глядя внука по белобрысой челке, довольно кряхтел и говорил, глядя вверх, на высоко вознесенную уборную: "Помаленьку, да помаленьку, Николай. Удобрения. Не брезгуй. Нюхай, дружок, — хлебный душок".

3

Он явился в один из дней, когда я, валяясь на старом матрасе, сосредоточенно разглядывал географическую карту отсыревшего потолка. Я напряженно размышлял о том, у кого бы занять денег, чтобы расплатиться с долгами.

"Лифшиц, Яков Лифшиц", — представился он, гладкощекий, неувимоглазый, с эспаньолкой местечкового гранда. Он выбрал место почище и аккуратно поставил чемоданчик "Samsonite", присел на краешек стула, осторожно подобрал полы летнего заграничного пальто.

"Да, так я к вам от нашего общего знакомого Кантаровича. Помните, конечно. Что кушеточку вам одолжил. Кланяется вам из-за границы. Передает приветы и уверения. Вот, пожалуйста, чтобы не быть голословным".

Он подал мне письмо, в котором, среди разных разностей, описаний и изъявлений дружбы, была скромная просьба об передаче подателю сего письма кушетки.

"Опоздали, приятель. Нету у меня кушетки", — отдал я ему письмо.

"Позвольте, как же нету? — завозился он, озираясь кругом с крайним беспокойством, — я понимаю, конечно, что никаких обязательств вы не давали, но зачем же вы ее выбросили? Продали? Тогда удивляюсь снова и развожу руками, кто купит такую рухлядь?"

"Продал я ее, приятель, с головой. Загнал по дешевке", — пытался отвязаться я от него, чтобы не бередить свои печали.

"Пожалуйста, адрес магазина, умоляю вас", — засуетился он.

Я наугад назвал ему магазинчик, что был по соседству.

Вечно распахнутый всеми дверьми полуподвал с выпирающим из них месивом мебели.

Однако на следующий день он явился снова. И даже не явился, но ворвался, горячо упрекая меня: "Вы сказали мне неправду. Зачем вы обманули меня? Я навел справки в магазине, посетил всех семерых покупателей, что приобрели кушетки за последнюю неделю. Я потревожил людей, беспокоил их. Возможно, они будут теперь резать обивку и искать в кушетках бриллианты. Вы могли бы говорить со мной более откровенно. Я тоже интеллигентный человек и тоже рисовал в детстве. Мне, например, очень нравятся ваши картины, — он с недоумением оглядел холсты, висевшие по стенам, — влияние Матисса, в сочетании с глубокой экспрессией вашего индивидуального почерка, придает им необычайную выразительность. Вот вам триста рублей. Мало? Четыреста. Кроме того, могу предложить диван в отличном состоянии. Если пожелаете, подброшу еще кое-какой мебели. Я вижу, с мебелью у вас туговато. Я все понимаю. Вы хранили кушетку, уже не пригодную к использованию, повинувшись чувству дружбы, как память. Вы стеснялись себя. Будучи артистической натурой, вы..."

"Но у меня ее действительно нет, русский язык понимаете?" — рассвирепел я.

Эспаньолка, вздрогнув, откинулся, притих и изобразил грусть на гладких щеках:

"Да, я понимаю русский язык. Вы не хотите отдать кушетку. Вы, наверное, ненавидите евреев. Я не осуждаю вас за это. Это ваше личное дело. То, что Кантарович просит у вас старую, разбитую кушетку, кажется вам нестерпимой еврейской жадностью. Кантарович рекомендовал мне вас как хорошего и мягкого человека. Именно к этой стороне вашего характера я и обращаюсь сейчас за пониманием. Да, вы можете не любить нас, но, пожалуйста, поймите. У нас отнято все: религия, язык, культура. Я спрашиваю, что осталось у нас? Наши родственники и дети, которых нам еще не запретили любить. А если и их нет? Тогда остается лишь старая кушетка.

Да, да, кушетка. Кушетка, на которой спал дед Кантаровича, потом отец, а после сын. Кантарович жил очень бедно. Он ничего не мог взять с собой, даже фотографий. У него не было денег заплатить за багаж. Он уехал к своему народу, в страну своих предков, о которой мечтали его дед и отец. Так неужели же вы будете столь жестокосердны, что не отдадите ему единственное, что бы напоминало ему о дорогих, покинутых, — кушетку? Я понимаю, я все понимаю, одним сочувствием сыт не будешь и потому плачу вам, плачу хорошие деньги. Я подвезу вам мебели. Я думаю, все это стоит одной старой кушетки?"

"Вы ошибаетесь, приятель, — прервал я его, — я не юдофоб и не юдофил. Мне вообще все равны и все равно. И к тому же я устал ото всего. Нет, нет, не от обилия жизни, а скорее, наоборот... Иной раз, знаете, я иду вечером, возвращаюсь домой вдоль какой-нибудь стены, длинной кирпичной стены и думаю, что, может, где-то, совсем рядом, за этой стеной, кипит веселье, музыка. Я вспоминаю этот трепет веселья, отчетливо вспоминаю. Я вспоминаю шествия, венки на головах, возлежание за пиршественными столами. И тогда грущу от воспоминаний. Вавилонской грустью грущу. Да, так насчет кушетки, простите, отвлекся. А ведь не простая кушеточка-то была. Летающая..."

В наступившей тишине мой гость впадал в легкий столбняк, по ходу которого вся его многовековая грусть и печаль слиняла напрочь. Отошедши от изумления, и отбросив свой давешний парикмахерский этикет, он заговорил со мной спокойно и деловито: "Ага, так вот в чем дело. Теперь все ясно. Оказывается, вы были очень близким другом Кантаровича. Не знал, совсем не знал. О коврике-то посвящены были лишь двое, как я думал, он и я. Да за границей кое-кто. Умница Кантарович. Я всегда говорил, что он не голова, а Кнессет. Верно сделал. Теперь все стало на свои места, все понятно".

"Но он мне вовсе не близкий друг, просто хороший знакомый", — отвечал я.

"Вы мне не верите. Впрочем, вы абсолютно правы. Почему вы мне должны верить. Пожалуйста..."

Он вынул из чемоданчика фото и показал мне. На фотографии Лившиц и Кантарович стояли, обнявшись и перемигиваясь друг с другом, подобно весельчакам-францисканцам, производящим обряд священнодействия перед темной толпой религиозных ослов.

"А вот и подпись — Яше от Гриши, другу и компаньону. Прошу отметить, сначала другу, а потом компаньону. Теперь верите? Прекрасно. А что касается коврика, то вы правы, это и есть тот самый знаменитый летающий ковер царя Соломона, что бесследно исчез. Его искали и в средневековье и после, но все напрасно. А он возьми, да и вынырни здесь, в русском рассеянии. Эксперты установили. Конечно же, это чушь, что он летающий. Мы с вами культурные люди понимаем. Кто в наше время поверит в такие бредни. Просто экспонат, музейная вещичка. Однако, что правда, то правда, он может перенести нас во мгновение ока прямиком в миллионеры. Знаете ли вы, сколько за него предлагает главный раввинат? Нет, я не назову вам этой цифры. Вам сейчас вовсе не нужно нервное расстройство, потому как мы должны все и досконально обсудить. Итак, вы наш партнер. Поздравляю. Скажу откровенно, мне приятно поговорить с умным человеком. Как ловко вы вели игру. Нет, нет, вам не место здесь. Вы хороните здесь ваши способности. Я, признаться, подумал было, что имею дело с одним из тех растяп, которые принимают свое разгильдяйство за гениальность. Неудачники. Оказалось, что я ошибся. Если бы все ошибки были так приятны. Приношу извинения за все вышесказанное. Вы сами понимаете, мы должны были быть осторожны. Гриша не смог увезти ковер. Кто-то что-то пронюхал. Органы забеспокоились, а может, и нет. Во всяком случае, Гриша не мог рисковать всем. Он не смог отдать коврик никому из приятелей, все были на виду. Я был в отъезде. Тогда он пришел коврик к старой кушетке и оставил у вас. И вот теперь... Вы молчите? Понимаю. Вам нужны гарантии. Понимаю и уважаю. Коммерция это, конечно же, джентльменское соглашение, но с расстегнутой кобурой.

Перво-наперво вам надо эмигрировать, мой друг. Здесь вы не сможете реализовать ваше партнерство. За отъезд не беспокойтесь. Это я беру на себя, так же, как и расходы. Итак, завтра я забегу к вам в шесть вечера с наиподробнеешими..."

Я слушал его, не слыша, разглядывал порнографию его красных губ в черной поросли и думал: "А ведь и я так же. Даже не так, но лишь на мгновение не поверил и тотчас потерял чудо. Да и чудо ли это? А, может, единственно реальность. Потому что до и после все было полусмешной, полужасный бред. Да хотя бы эта, двухчасовая беседа-бульканье об миллионах, когда на банку кильки денег нету. Нет, ребята, не видать вам коврика, пока не поверите не только в то, что он стоит миллионы, но и в то, что он действительно летающий..."

Ф. ГОРЕНШТЕЙН

РАЗГОВОР

Они пошли в ресторан-поплавок, расположенный неподалеку, и сели у самой ограды со спасательными кругами, канатами и декоративными якорями. Маленький оркестр играл на возвышении, напоминающем капитанский мостик. Оркестранты были в белых пиджаках с поперечной черной полосой.

— Морской джаз, — сказал какой-то торговый моряк с бакенбардами, обращаясь к Гале, — вся душа в рябчик... — Он подмигнул, выпил рюмку водки и начал торопливо есть дымящуюся рыбную уху.

Илья Андреевич заказал суп-пюре из дичи, мясо было слегка обжарено и приправлено яйцом.

Запахи свежего крахмального белья, вкусно приготовленной еды и моря опьяняли, делали все вокруг похожим на здоровый покойный сон. Илья Андреевич и Галя выпили по рюмочке коньяка.

— Я тебя сейчас покормлю, — сказала Галя. Она взяла суповую ложку и начала разливать суп из дымящихся металлических мисочек в тарелки, разрисованные синими якорями.

На второе был поджаренный сыр, посыпанный измельченной зеленью, густо политый растопленным сливочным маслом и с гарниром из овощей. Его подали на блюде, укрытом сверху никелированным колпаком.

Илья Андреевич с наслаждением следил, как официант ловко орудует маленькими плоскими совочками, поддевая кусочки сыра и овощей и раскладывая их по тарелкам.

— Надо выпить, — сказал Илья Андреевич.

Он налил себе и Гале еще коньяку, они чокнулись.

— За любовь и здоровье, — сказал Илья Андреевич, — это единственное, что принадлежит каждому из нас лично... Это наш приусадебный участок... Все же остальное: труд, талант, все это принадлежит не лично нам, а обществу... Все это колхозное добро... Наверное, это и главное... Но иногда хочется посидеть на приусадебном участке... Организм человека всегда будет нуждаться в одиночестве... Это не беда, а благо... Так же, как сон, одиночество восстанавливает силу для жизни, для труда... Но оно требует души, оно требует нравственной чистоты, так же, как здоровый сон требует чистоты физической... Неинтересные, убогие люди боятся одиночества вовсе не потому, что общительны, а потому что оно раскрывает им собственную мизерность... Они прячутся от собственной ничтожности в толпу...

— Навага, — сказал торговый моряк за соседним столом, вытаскивая из ухи оброненный им туда носовой платок, — навага — рыба семейства тресковых... Добывается зимой во время подхода к берегам для икрометания — "икрометание" он произнес протяжно, словно какое-то значительное слово на иностранном языке, — различают навагу северную, добываемую у побережья Белого, Баренцева и Карского морей, а также в устьях рек, в них впадающих... Навагу тихоокеанскую вылавливают в Чукотском, Беринговом, Охотском и Японском морях...

Моряк считал, загибая пальцы и разглядывая их с преувеличенным вниманием.

Джаз заиграл что-то меланхолическое, несколько парочек задвигалось по дощатой палубе.

— Ты меня с логики не сбивай, — неизвестно кому говорил моряк.

Потом он встал и пригласил Галя. Илья Андреевич не успел опомниться, как Галя уже танцевала с моряком, и Илья Андреевич совершенно забыл, как это случилось. Возможно, он даже сам сказал "пожалуйста". Он сидел, мучимый неясным еще, но неприятным чувством, и смотрел, как моряк водит своими огромными ладонями по острым Галиным лопаткам, а Галины пальчики, как бы молча одобряя это, покойно лежат на тяжелом моряцком плече, обтянутом белым кителем.

— Твоя рука, Галя, — сказал Илья Андреевич, — слишком доверчиво дремлет на чужом бушлате...

Но Галя не обернулась, впрочем, в тот момент она с моряком кружилась довольно далеко, медленно приближаясь, моряк что-то говорил Гале, а она слушала его, запрокинув голову.

— Северная навага, — тихо говорил моряк, улыбаясь радостно и нежно, — северная навага, особенно мезенская, считается наиболее вкусной, у нее нежное, нежирное мясо... В массовых уловах она достигает шестнадцати—двадцати восьми сантиметров длины и сорока—двухсот грамм веса...

— Сядь, Галя, — сказал Илья Андреевич, когда она с моряком проплыла так близко, что, увлекшись, даже зацепила столик, и на нем сейчас качалась, ударяясь о тарелку, суповая ложка.

Не дожидаясь, что ответит Галя, Илья Андреевич встал, взял ее за руку, повел и посадил рядом с собой.

Моряк несколько секунд оставался в некоторой растерянности, не ожидая, видно, такого оборота событий. Потом он приблизился, похрустывая суставами пальцев, и сказал, вежливо покраснев:

— Извините за грубость, танец еще не кончился...

Тогда Илья Андреевич вскочил, схватил моряка об руку и быстро повел его куда-то, лавируя между столиками. Моряк шел, держа руки в карманах, скорее от удивления, ибо был он на голову выше Ильи Андреевича и широк в плечах.. Они

пришли в какой-то закоулок, где был сильный запах обеденных помоев и из открытых окон тянуло жаром, слышался стук ножей и визжание картофелечистки. Возможно, эта обстановка и повлияла на моряка, добродушие его исчезло, и из кармана он вынул не ладонь, а кулак.

— Этот кулак видишь? — спросил он Илью Андреевича.

— Вижу, — слукавил Илья Андреевич, ибо не видел он ни кулак, ни самого моряка, а также не видел окружавшую обстановку, все погружено было в легкое хмельное марево.

— Совершенно произвольно, независимо от постороннего мнения, выбери для этого кулака любую точку на своем теле. Марево начало рассеиваться.

— Ах, вы меня бить хотите, — догадался Илья Андреевич, — тогда не в лицо... Куда-нибудь в грудь, что ли...

— Ты баптист? — тревожно спросил моряк.

— Нет, — сказал Илья Андреевич.

— Слушай, — приблизившись вплотную, почему-то быстрым шепотом заговорил моряк. — Ну к чему тебе эта девушка... Ну сидишь ты с ней рядом, суп хлебаешь... А я как посмотрел на нее, сердце затихло... Я, может, такую больше и не встречу... Никогда в жизни... Понимаешь, старичок, вот жизнь кончится и никогда... Мы в рейс уходим... Ты знаешь, какие сны морякам снятся?.. Эх, только моряк знает, что такое женщина... Нет ничего дороже ни на земле, ни на море... Уступи...

— Не могу, краснофлотец, — грустно сказал Илья Андреевич, — люблю я ее.

— Тогда я тебя бить буду, — уныло сказал моряк.

— Ничего, — как бы успокаивая собеседника, сказал Илья Андреевич. — Я выдержу. Давай, начинай.

— Сволочь ты, — злобно сказал моряк, — интеллигенция. Всех вас надо шваброй протереть. У, зараза... — он замахнулся и вдруг притих, привалился к поручням.

Несвежие прибрежные волны плескались о борт ресторана-поплавка, волоча размокшие помидоры и картонные цветные коробки из-под макарон. Чайки с жадными воплями носились вокруг ресторанных отбросов. Вдали, красиво освещенный

заходящим солнцем, шел парусник с розовыми парусами. Где-то в глубине кухни посудомойки гремели посудой и пели. Потом одна сказала:

— Мне вчера Ашотик письмо прислал. Вот послушай, — она пошелестела бумагой и прочла: — "Валя, ты сломала крылья голубя моего сердца".

— Он артист? — спросила подруга.

— Нет, — ответила Валя. — Он армянин из физкультурного техникума.

— Дуры, — сердито сказал моряк, — давай отойдем, что-то спросить я у тебя хотел.

Они с Ильей Андреевичем отошли еще дальше, где стояла ресторанный тара — ящики и бочки.

— Я в газете читал, — сказал моряк, усаживаясь на бочку, — вроде к земле астероид Икар летит. И вроде бы пятнадцатого июля 1968 года он в Землю врежется силой взрыва тысячи водородных бомб. Ну, а внизу опровержение напечатано: вроде мимо пролетит. Но в том-то и заковырка. Выходит, мы случайно живы останемся... Я пьян, и силы во мне так много, что ума не хватает. Но вот ты умный, ты мне скажи, как же жить, если не жить сегодняшним днем? Где гарантия, что, например, в 1971 году он снова пролетит мимо?.. А если так, то какая разница, что вот ты умный, а я дурной?

— Я отвечу тебе, матрос, — сказал Илья Андреевич, встав на цыпочки и глядя на матроса сверху вниз. — Было время, когда города окружали стенами. Затем это делать перестали, не потому что исчезли страх и опасность, но потому что опасность стала настолько велика, что стены уже не защищали, а наоборот, делали людей более беспомощными именно в силу своей бесполезности. Иными словами, они служили лишним напоминанием беспомощности перед опасностью. Наше время — это время быстрых перемен. Может, еще при нашей жизни глупость и невежество окончательно перестанут служить защитой и станут невыгодны. Как ты будешь жить сегодняшним днем, матрос? Что это такое практически? Двенадцать часов по циферблату? Три килограмма жареной телятины и ящик пива, две пачки сигарет, противоположный пол? Живое

и неживое состоит из одних и тех же химических элементов. Ты помнишь химию, матрос? Но живое от неживого отличается тем, что способно менять свои размеры и формы с помощью растяжения и сжатия. Равные отрезки времени мертвы, как камни. Мечта растягивает время, воспоминания — сжимают его. Вчера и Завтра делают живым и непохожим наше Сегодня. Все астероиды будут пролетать мимо Земли, пока человек не разучится ждать своего Завтра.

Оттого, что Илья Андреевич долго говорил, виски у него взмокли, в горле першило, к тому же слегка подташнивало от запаха гнилой капусты и мокрой древесины.

— Пойдем отсюда, здесь какая-то свалка, — тихо сказал Илья Андреевич.

— Пойдем, — сказал заплетающимся языком матрос, — ты мне теперь, как брат. Ты меня сагитировал. И насчет астероида ты меня успокоил... Ты только честно признайся, можешь, ты все же баптист?

Они пошли обнявшись и встретили Гаю, которая искала их с тревожным лицом.

— Он думает, что я баптист, Галя, — сказал Илья Андреевич. — Какой же я баптист, если знаю, что в нашей галактике сто тридцать пять миллиардов звезд и шестьсот тысяч из них похожи на нашу землю.

— Это верно, — сказал матрос. — Я понял, мы такие ничтожно мизерные в этой проклятой астрономии, что должны все друг дружку телами греть, словно нас в открытое море унесло. Иначе не выживем...

1966

**ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
НА ЕДИНСТВЕННУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ
ГАЗЕТУ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО
под редакцией АНДРЕЯ СЕДЫХ

Подписная цена на 1 год 70 долларов
Воскресное издание только 35 долларов

Воздушной почтой ежедневное и воскресное
издание 180 долларов.

**Чеки выписывать на имя:
"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO"
и направлять по адресу:
243 WEST 56 STREET
NEW YORK, N. Y. 10019, USA**

*В Новом Русском Слове сотрудничают
лучшие литературные силы эмиграции.
Газета имеет собственных корреспондентов
в Иерусалиме и Тель-Авиве.*

Александр ВЕРНИК

**ПО ГОЛОВАМ,
ПО ЧЕРНЫМ ПЕРЕКРЕСТАМ**

* * *

Вот с утра я повторяю,
повторяю на беду:
может, снова потеряю,
потеряю — не найду.

Философские проблемы —
разговорная тоска.
Только в памяти пробелы —
что терялось, где искать.

Поезд ход свой ускоряет,
укоряет на ходу
и стучит он, повторяет,
точно в череп ударяет:
потеряю — не найду.

1965

* * *

Октябрьский лист размыт, но ярок,
шуршит... И вот
пишу легко и без помарок,
как прошлый год.

Чего хотеть, когда усталость
ушла опять.
Друзья бы только жить остались,
а там — плевать.

Чуть что, глядишь — и обронили,
и все не в счет:
мы четверых похоронили.
А кто еще?

И шаток смех, но истеричен
по вечерам.
Каких ни ведали опричнин,
при каждой храм.

Но, как всегда, мою тревогу
сведет на нет
скупая серая дорога
и желтый свет.

1966

* * *

По головам, по черным перекрестам
пройдет, прошелестит последний снег,
и рифмы расположатся по росту,
одна другой прозрачней и ясней,

и стану я работать спозаранку,
и буду спать до первых петухов.
Ах, шарабан мой — американка
и смех, и грех, и сорок пустяков.
1966

ИМЕНИНЫ

Скоро, скоро именины
отмечаю по весне.
Чтобы в чем не обвинили,
чтобы после не краснеть,

на весенний день рожденья
всех знакомцев собираю,
приготовлю угощенье,
всяк придется ко двору.

Приглашу кого попало,
без разбору, всех подряд.
Пусть на память, пусть на память
о своем наговорят.

Я движенья их запомню,
все слова их повторю,
самым злобным и запойным
сам гостинцы раздарю.

Не подам ничуть я виду,
что назавтра снова жду
то ли новую обиду,
то ли старую беду.

Матом вымостим везенье,
бытие свое кляня.
Распрекрасное веселье
скоро будет у меня!
1970

О.К.

К началу, пленочка, давай,
как в том кино,
что смотришь вспять,
так просто, — для утехи.
В Эстонию, Литву — не все ль равно,
куда с тобой, мой дорогой, уехать.

Я — сценарист, ты — режиссер.
Какие фильмы мы могли б поставить!
О, дай мне радость, Господи, представить
ту ленту, лица те и тот узор,
что мы в отдохновении вязали...

Давай опять простимся на вокзале,
том сладком, том мучительном, ночном,
но не осеннем, а июньском — дачном.
И, может, снова как-нибудь начнем,
и фильм выйдет, наконец, удачным.
1975

* * *

И воздух цепенеет от беды
и холода зимы ненастоящей,
и пропадает осязанье быта,
но анонимны время и беда...
Придурок тот, красавчик, резонер,
что задавал бесстыжие вопросы
и сеял смерть, и ничего не мог —
его б сюда теперь.

1980, Мевассерет Цион

Татьяна ФИЛАНОВСКАЯ

ГЕОМЕТРИЯ ВРЕМЕНИ

А ты меня давно не ждешь
И не звонишь мне без причины.
По набережной бродит дождь,
Серьезный, пасмурный мужчина.
И в сумерках его очки
Чужими окнами маячат.
Внизу осенний шум реки.
Еще светло. Но вечер начат.
И мы идем, вдвоем с Дождем
На Острова, туда, где осень.
Он резко ударяет оземь,
И листья светятся на нем.
А на проспекте ни души.
В сиянье фар лишь листья кружат.
Прошитые шипеньем шин,
Мой Дождь и я идем по лужам!

* * *

Когда осенняя тропа
Мне открывает сердце сада,
Я понимаю, что роптать
На жизнь и сетовать не надо.
Ведь это царская награда, —
А мы застигнуты врасплох,
И каждый шорох, каждый вздох,
И капля меда, капля яда,
Пока живешь, пока любим,
Пока в круженье листопада
Еще распахнута ограда
Багровой тяжестью рябин.

* * *

Как знать, что никогда не повторится
Войны фосфоресцирующий свет?
Блокадных писем темные страницы —
Я вас читаю через тридцать лет.
И возникает в дальнем-далеке
Степной поселок на Чаган-реке
И мазанка за глиняным дувалом.
Где я за мамой часто повторяла.
Не понимая смысла, наугад:
"Обстрел, блокада, голод, Ленинград".
По вечерам при тусклом свете лампы
Я засылала быстро, и во сне,
Дыша на обмороженные лапы,
Блокадный город приходил ко мне.
Букварь войны без скидок и без льгот
Мы изучали в тот жестокий год.

* * *

Лето большого города
 Неяркое и негордое.
 Ютится оно по скверам,
 И чувствует себя скверно
 Где-нибудь рядом с фонтанчиком.
 Зеленое и обманчивое —
 Там в пригороде у моря.
 Где звезды растут ночами.
 Но город лето уморит.
 Погубит в самом начале.
 В сутолоке и шуме
 Оно обернется шуткой.
 Шорохом, шелестом веток.
 Шевельнется июльским ветром.
 Взмахом весел, скрипом уключин...
 Лето в городе неуклюжее.
 Оно носит тесные туфли.
 Одевается оно тускло
 Лето большого города...

Татьяне Гнедич

Как сохранить мне Вашу похвалу?
 Держу ее в руке, как гладиолус.
 Я знаю, превращается в золу
 Все то, что пело в нас, и даже голос,
 Не только дружба, даже жизнь сама.
 Как спрятать похвалу? Не приложу ума.
 Чтобы потом в ненастье или в слякоть
 Не зажигать огня, не петь, не плакать,
 Не звать друзей и не искать тепла,
 А встать, очистить уголок стола,
 Достать ее, зажечь назло судьбе,
 И вернуть уверенность в себе.

* * *

Над нами небо, как над всеми,
 И те же звездные поля,
 И нас объединяет время,
 И разлучает нас земля
 своею мудростью житейской.
 Мы снова месим кирпичи,
 Как в темной давности библейской.
 Овечьим бляньем в ночи
 Пройдем в заботах, как в снегах.
 И только свистнет кнутовищем
 Наш Век,
 Он в грязных сапогах,
 Он нас с собаками отыщет...

* * *

Жду я чуда от неба и почты,
 Потому что не здесь родилась.
 Под ногами то глина, то грязь,
 И не выйти на твердую почву,
 Чтобы в темной ее глубине,
 В первозданной земной колыбели
 Мои корни прозрачно белели
 И несли мои стебли ко мне...
 Только льдины звенят на реке,
 Жду я чуда, живя на песке.
 И забыть себя не велит.
 Жизнь отрезанная болит!

Леонид ТЫКОЦКИЙ

ТЕМНАЯ ТЕНЬ НАД "СВЕТЛЫМ БУДУЩИМ"

Экономические сводки, приходящие из Москвы, сегодня ничем не напоминают победные реляции недавнего прошлого. Положение в советской экономике очень неблагоприятно и по всем признакам станет еще тяжелее в ближайшие годы. При этом все отчетливее проявляются процессы, которым, по-видимому, предстоит стать переломной вехой в экономической истории страны. Речь идет, во-первых, о резком замедлении темпов хозяйственного развития и, во-вторых, о приближающемся истощении главного энергетического ресурса — нефти.

Конечно, малоподвижная, громоздкая советская экономика страдает и другими серьезными недомоганиями. В тяжелом положении сельское хозяйство, низок жизненный уровень населения, очень неблагоприятна структура внешней торговли с Западом (в этом отношении СССР ничем не отличается от слаборазвитых стран) и т. д. Все эти болезни стали хроническими, и, похоже, не очень тревожат

группу людей, заседающих в Кремле. Но надвигающиеся экономический спад и нехватка энергии — явления необычные в условиях этой страны, и, что еще важнее, явления такого порядка грозят подорвать ее нынешнюю экономическую структуру.

НЕВЕСЕЛАЯ СТАТИСТИКА

Обратимся сначала к цифрам — сухой материи, без которой, однако, никакие экономические построения не могут быть убедительными. Впрочем, — на сей раз они не так уж скучны хотя бы потому, что довольно необычны.

Как следует из сообщения Центрального Статистического Управления СССР*, в 1979 году производство промышленной продукции в стране увеличилось на 3,4% вместо 5,7% по плану. Правда, вторую из этих цифр ЦСУ не упоминает, по-видимому, в интересах краткости (очень полезной для него в данном случае). Чтобы впредь не возвращаться к этому, отметим, что упомянутое сообщение прямо-таки кишит подобными умолчаниями. Поэтому заинтересованному читателю придется его не столько читать, сколько расшифровывать, как древнюю черепицу с клинописью.

Упомянутые 3,4% — самый низкий в истории страны годовой показатель промышленного роста. В других отраслях экономики рост производства еще меньше. Грузооборот всех видов транспорта увеличился за год лишь на 1%, ввод в действие основных фондов (то есть продукции готового строительства) — на 0,3%, а объем сельскохозяйственного производства даже уменьшился на 4%. Национальный доход страны возрос за год на 2%, и это тоже рекордно низкий показатель**.

Хотя в целом по промышленности и был отмечен некоторый рост производства, во многих ее ведущих отраслях произошел спад. Так, в 1979 году уменьшился выпуск угля,

*"Известия", 26 января 1980 г.

** Действительный рост национального дохода, по-видимому, был значительно меньшим. Дело в том, что советская статистика не учитывает так называемого скрытого роста цен.

стали, проката, минеральных удобрений, турбогенераторов, тепловозов, электровозов, грузовых вагонов, тракторов, деловой древесины, бумаги, картона, цемента, кожаной обуви, животного и растительного масла, сахара, радиоприемников, холодильников и т.д.

В этих условиях даже очень низкий для СССР прирост всей промышленной продукции на 3,4% приобретает некоторую загадочность. Надо полагать, он мог быть достигнут лишь благодаря "весомому вкладу" военных отраслей, которые продолжали развиваться высокими темпами. Ясно, однако, что продолжение нынешних тенденций в советской экономике неизбежно приведет и к замедлению производства вооружений.

Задание на 1979 год по росту производительности труда, этому важнейшему экономическому показателю, было установлено ниже проектировок пятилетки, однако и оно значительно невыполнено.

Неудовлетворительным, как обычно, было положение в сельском хозяйстве. В 1979 году урожай зерна, сахарной свеклы и овощей оказался ниже уровня предыдущего года, уменьшился также общий надой молока, значительно невыполнен план производства. Сельское хозяйство остается наиболее слабым звеном советской экономики. На протяжении последних 19 лет (1961—1979) темпы прироста продукции снизились в 6 раз. Иначе говоря, снижение здесь отмечается в среднем каждый третий год. Однако в наиболее благополучные годы показатели сельскохозяйственного производства в СССР значительно хуже соответствующих показателей западных стран.

В 1979 году в СССР объем жилищного строительства был самым низким за последние 11 лет. Угрожающих масштабов достигла инфляция, однако хронический дефицит товаров народного потребления исключает возможность решения этой проблемы. Огромна внешняя задолженность страны, но, по-видимому, здесь нет другого выхода, как вводить новые долги.

ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

Резкое замедление темпов экономического развития СССР означает конец одного из величайших мифов, созданных советской пропагандой. Под влиянием фактов тезис о быстром поступательном развитии советской экономики к сегодняшнему дню окончательно рухнул.

Исторически сложилось так, что советская промышленность на протяжении длительного периода развивалась высокими темпами. В 30-х годах увеличение промышленной продукции на 15% и даже 20% в год было обычным явлением. В начале послевоенного периода темпы были почти такими же. И хотя постепенно происходил процесс их затухания, они оставались довольно высокими вплоть до последнего времени. Так, в 1966—70 г. среднегодовой прирост продукции составил 8,5%, а в 1971—75 г. — 7,4%. Резкое падение темпов впервые произошло в 1976 г., когда объем промышленного производства увеличился лишь на 4,8%. Дальше последовало: 1977 г. - 5,7%, 1978 г. - 4,8% и, наконец, 1979 г. - 3,4%.

Это драматическое падение деловой активности в отрасли, которая всегда отличалась в СССР наибольшей динамичностью, тем более впечатляет, что вся структура советской экономики нацелена на быстрое, приоритетное развитие тяжелой промышленности. Она в СССР поглощает непропорционально большую часть средств, используемых для строительства новых и модернизации действующих предприятий. В 1978 году в этой отрасли было занято 30% общего числа работающих, в то же время она получила 41% всех капиталовложений, направленных в сферу производства товаров и услуг. При этом львиная доля этих средств достается отраслям тяжелой промышленности.

Повышенный интерес советского руководства к тяжелой промышленности объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, она создает военный потенциал — средство устрашения мира и основу для соответствующей внешней политики. Во-вторых, производя машины, оборудование, транспортные

средства, строительные материалы и т.п., тяжелая промышленность обслуживает инвестиционный процесс — процесс капиталовложений. Этот второй пункт нас в данном случае и интересует: на нем замыкается круг. Капиталовложения служат расширению и модернизации производства и, таким образом, повышению темпов его роста. Но направляются они преимущественно в тяжелую промышленность, то есть в отрасли, где создаются материальные средства для новых капиталовложений. Они опять используются главным образом в тяжелой промышленности, где вновь воспроизводятся в расширенном масштабе и опять направляются туда же и так до бесконечности. Таков этот гигантский коммунистический мартен, переплавляющий природные, технические и человеческие ресурсы страны в... темпы роста.

Только четвертая часть промышленной продукции СССР идет на удовлетворение потребностей людей, а все остальное — это бесконечная железная жвачка — машины для изготовления новых машин и, конечно, вооружения. Эту жвачку там называют "сердцем социалистической индустрии". Но сердце слишком гипертрофировано, тяжелая промышленность стала непомерно тяжким бременем для миллионов людей России.

Теперь сравним: если в промышленности СССР доля продукции тяжелой промышленности составляет 74%, то в США — 62%; если в СССР на капиталовложения, не считая жилищного строительства, расходуется 20% национального дохода, то в США — 13%.

Чем объяснить маниакальную погоню СССР за темпами роста? Она отнюдь не вызвана экономическими потребностями страны и ее населения, а привнесена извне — из сферы идеологии и политики. Ленин как-то заявил: "Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма"*. Как следствие, экономика России, начиная с 1917 г., была жертвой политиков, прочно усвоивших эту азбуку.

Советская власть родилась с лозунгом "догоним и перегоним!" на устах. Психологические истоки его следует, очевидно, искать в особенностях марксизма-ленинизма как способа мышления — в его безудержном самовосхвалении, высокомерно-презрительном отношении к прошлому и в противопоставлении себя всякому человеческому опыту. Но главное, конечно, это то, что за лозунгом стояла политика преимущественного развития тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. Как было показано, сам механизм высоких темпов предполагает первоочередное развитие тяжелой промышленности. С 1940 по 1978 гг. продукция тяжелой промышленности в СССР увеличилась в 27 раз, тогда как производство товаров для населения — лишь в 10 раз. В конечном итоге в этом лозунге в его советской интерпретации воплотилась идея военного могущества и господства, органически свойственная сверхмонополистической советской системе.

"Догоним и перегоним!" было главной, официально провозглашенной целью хозяйственного строительства в СССР на протяжении десятилетий, а высокие темпы экономического роста стали предметом особого внимания КПСС и одним из центральных пунктов ее навязчивой и шумной пропаганды. Непосвященным было разъяснено, что на Советский Союз с его системой "научно обоснованного планирования" тенденция замедления экономического развития не распространяется, ибо это порок только "стихийного капиталистического хозяйства". Более медленное в прошлом развитие Запада являлось, конечно же, свидетельством "загнивания и умирания капитализма".

Непосвященным было разъяснено, что на Советский Союз с его системой "научно обоснованного планирования" тенденция замедления экономического развития не распространяется, ибо это порок только "стихийного капиталистического хозяйства". Более медленное в прошлом развитие Запада являлось, конечно же, свидетельством "загнивания и умирания капитализма".

Какая же сила смогла противостоять необузданному стремлению СССР всех догнать, перегнать и заодно, как удачно выразился Хрущев "похоронить"? Увы, не Запад оставил сверхмонополию — он, напротив, делал все, чтобы поставить ее крепче на ноги. Поскользнулся монстр на побочных отходах собственного органического процесса, на своих

ДВА БРЕМЕНИ

Какая же сила смогла противостоять необузданному стремлению СССР всех догнать, перегнать и заодно, как удачно выразился Хрущев "похоронить"? Увы, не Запад оставил сверхмонополию — он, напротив, делал все, чтобы поставить ее крепче на ноги. Поскользнулся монстр на побочных отходах собственного органического процесса, на своих

* В.И. Ленин, Поли. собр. срч., т. 42, стр. 278.

же экскрементах, в которых он теперь уже совершенно захлебывается. Заложенный в сверхмонополии, так сказать, отродясь, свирепый инстинкт господства привел ее к необъятной власти. Но он и возложил на ее плечи два губительных бремени — экономическую неэффективность и огромные военные расходы. Они-то теперь общими усилиями и собрались ее доконать.

Никто в точности не знает, сколько расходует СССР на военные цели, но доподлинно известно, что эти расходы огромны и что они явно не соответствуют возможностям советской экономики. Цифры, публикуемые на этот счет советской печатью, всерьез принимать не приходится. Остаются косвенные расчеты западных специалистов. Согласно им, советская военная гонка поглотила в прошлом году примерно 165 млрд. долл. Однако в нашем контексте большее значение имеет относительная величина военных расходов. Их доля в валовом общественном продукте СССР в последние годы составляет 13—15%. Это поистине тяжелое бремя, вдвое превышающее военные расходы США.

Следует отметить, что в 1943 году, в разгар Второй мировой войны, СССР расходовал на военные цели лишь немногим больше 18% своего общественного продукта. Абсолютный размер этих расходов сегодня многократно выше, чем в военные годы.

Особенно тяжелы последствия милитаризации для отраслей, непосредственно обслуживающих военное производство. По имеющимся расчетам, наращивание военной мощи ежегодно обходится Советскому Союзу в одну треть продукции машиностроения, одну пятую продукции металлургии, одну шестую химии, одну шестую энергетики и т. д.* Между тем, в США развитие военного потенциала поглощает лишь одну десятую продукции машиностроения.

Но и приведенные цифры не дают полного представления о бремени военных расходов в СССР. Подготовка к войне съе-

* Soviet Economic Problems and Prospects, Joint Economic Committee, Congress of United States, August 8, 1977, Washington. D.C., 1977, p. 2.

дает не только значительную, но и лучшую часть ресурсов страны. Военная промышленность работает на самом совершенном оборудовании, получает наиболее качественные материалы, в ней заняты наиболее квалифицированные научные, инженерные и рабочие кадры.

Неэффективность — другая причина нынешнего тяжелого экономического положения СССР — всегда была ахиллесовой пятой советской экономики. Все ее развитие — это парадоксальная, почти фантастическая история накопления экономического потенциала и одновременного падения его эффективности. Необходимость в огромном *техническом аппарате*, которым сейчас располагает СССР, в значительной мере предопределена тем, что его использование отличается уникальной неэффективностью.

Советский Союз производит в 2,3 раза больше, чем в США тракторов (не считая садово-огородных). В 3,5 раза выше число выпускаемых им зерновых комбайнов. Он производит на 21% больше минеральных удобрений, но при этом находится в униженной зависимости от поставок американского зерна. Его выработка стали на 20%, а чугуна на 42% больше, чем в США, но СССР вынужден ввозить из Америки изделий из стали и чугуна в 130 раз больше, чем он экспортирует туда таких изделий. В СССР в 5 с лишним раз больше инженеров, чем в США, но производительность труда в его народном хозяйстве (по советским же расчетам) в 2,5 раза ниже.

Почему так получается? Попробуем в этом разобраться на примере производства черных металлов. Итак, почему СССР, выпуская значительно больше, чем США, стали и чугуна, вынужден ввозить из Америки (и не только из Америки!) так много металлических изделий? "Качество", — скажет читатель. Это, конечно, верно, но не исчерпывает вопроса. Другая причина это... количество. Производя очень много металла, Советский Союз производит его очень мало, если учесть, как он его использует.

Современный американский станок в среднем весит 1,2 тонны, советский — более 3-х тонн. Иными словами, для про-

изводства каждого станка СССР затрачивает в 2,5 раза больше металла, чем США. Но это лишь "законные" потери, заложенные в чертежах. Есть и другие, например, отходы. Доля отходов при обработке черных металлов в машиностроении СССР значительно больше, чем в США, — соответственно 28% и 16%. Если же вспомнить, что эти проценты относятся к существенно разным количествам потребляемого металла, то станет ясно, как велика действительная разница. Достаточно сказать, что при производстве каждого станка в СССР образуется в 5 раз больше металлоотходов, чем в США. Такое расточительное потребление металла и есть ответ на вопрос, поставленный выше.

Другое типичное выражение неэффективности советской экономики — это низкое качество продукции. По подсчетам советских экономистов, трудоемкость изделий, экспортируемых на Запад из СССР, в два раза выше трудоемкости аналогичных изделий, предназначенных для внутреннего рынка. Это может служить и указанием на соотношение качества советской и западной продукции и одновременно показывает, насколько меньше был бы объем промышленного производства СССР, если бы качество советской продукции соответствовало мировым стандартам.

Нигде связь между количеством и качеством не проявляется так отчетливо, как в экономике. Если, скажем, срок службы советского трактора вдвое короче американского, для достижения реального равенства с США Советскому Союзу надо производить тракторов вдвое больше, чем производит Америка. Именно этого и добился в последнее время СССР. Но это чрезвычайно дорогое равенство: ведь Советский Союз вынужден за него расплачиваться двукратными издержками. Если теперь проанализировать остальные так называемые "победы" СССР в его экономическом соревновании с США, то обнаружится та же картина. Огромные цифры производства — всего лишь мираж, но они достаточно реальны как свидетельство того, насколько расточительна и бездарна сверхмонополия.

"ПАРТИЯ СВОЕВРЕМЕННО ПОСТАВИЛА ЗАДАЧУ..."

Внимательный читатель, по-видимому, уже обнаружил отсутствие какого-то звена в предыдущем изложении. Нам слышится его строгий голос: "Не морочьте голову, если бы причинами спада темпов хозяйственного развития СССР были экономическая неэффективность и военные расходы, то спад наступил бы еще несколько десятилетий назад, — ведь неэффективным советское хозяйство было со дня своего создания, а бремя военных расходов легло на него тоже не вчера".

Это возражение не лишено резона, но в целом не учитывает большой сложности экономического процесса.

Неэффективность и милитаризация всегда были двумя концами петли, затянутой на шее советской экономики, но именно сегодня они грозят ей подлинным крахом. Просто в прежние времена действовали и другие — противоположные — тенденции, которые ослабляли удавку. Теперь же они пошли резко на убыль, петля затянулась с невиданной ранее силой, и результаты не преминули сказаться.

Что же это за тенденции, игравшие ранее спасительную, а теперь роковую роль в советской экономике?

Первая из них имеет отношение к использованию ресурсов. Свою фатальную неспособность направлять экономический процесс по пути повышения эффективности советские лидеры до сего времени компенсировали чрезвычайными мерами по простому расширению производства. Из двух возможных типов экономического развития — интенсивного и экстенсивного — они делали упор на втором. Практически это выражалось в хищнической эксплуатации залежей полезных ископаемых, освоении больших массивов целинных земель, усиленном строительстве новых промышленных предприятий, привлечении к труду все новых и новых контингентов рабочей силы. Однако природные и человеческие ресурсы не безграничны. Возрастающее вовлечение в производство и нерациональное их использование на каком-то этапе неизбежно приводят к их истощению. Именно это и случилось в СССР.

Тот путь развития, по которому шла до сих пор советская экономика, лишился питавших его истоков.

Вторая тенденция выражает изменения производительности труда. В СССР в течение длительного времени происходил довольно быстрый рост производства продукции в расчете на одного работника. Это в определенной мере компенсировало снижение эффективности производства и стабилизирующе действовало на экономику. Но в последние годы под влиянием далеко зашедшего процесса деградации советского человека как работника рост производительности труда резко замедлился, и его уравновешивающее влияние на экономику соответственно ослабло.

Рассмотрим это более подробно. Использование природных ресурсов в СССР происходит по печально известному лозунгу "После нас — хоть потоп": максимально наращивается добыча полезных ископаемых в настоящем в ущерб интересам будущего. В частности, нефть добывается с помощью метода, который можно было назвать остроумным, если бы он не был таким варварским. Заключается он в закачивании воды в нефтяные скважины для создания дополнительного давления на нефть. Вначале такой метод повышает производительность добычи, но впоследствии приводит к обратному результату: вода перемешивается с нефтью и на поверхность выходит смесь, нуждающаяся в очистке. Со временем процент воды в извлекаемой жидкости повышается, добыча становится все более неэкономичной, и скважины с большим содержанием нефти забрасываются. Фактически этот метод и рассчитан на огромные потери нефти во имя сиюминутных "великих побед".

Наибольшее количество нефти сейчас дают Волго-Уральское и Западносибирское месторождения. Однако первое из них быстро истощается, а в огромном месторождении в Западной Сибири, несмотря на его молодость (его эксплуатация началась в 1964 году), лучшие районы уже освоены, и теперь расширение добычи будет происходить за счет освоения нефтяных полей с худшими условиями добычи.

В настоящее время Советский Союз — крупнейшая нефте-

добывающая страна в мире. По объему добычи (586 млн. тонн в 1979 г.) он несколько опережает Саудовскую Аравию. Он также единственная высокоразвитая страна, не зависящая от внешних источников нефти. Более того, он крупный ее экспортер. Все другие промышленно развитые страны ввозят значительную часть потребляемого ими жидкого топлива.

Пока что добыча нефти в СССР еще растет, но темпы роста падают, а планы добычи не выполняются. Это уже вызвало трудности в снабжении промышленности и населения нефтепродуктами, о чем уже писала советская печать. Но судя по всему, главные сюрпризы впереди.

По оценкам западных экспертов, максимума добычи нефти СССР достигнет в начале 80-х годов, после чего она начнет снижаться. Советские специалисты считают, что средствами решения энергетической проблемы в СССР будут: строительство атомных электростанций, освоение новых источников энергии, применение наиболее прогрессивной технологии при использовании энергетических ресурсов. Однако сомнительно, что СССР сможет осуществить все это в таком масштабе, чтобы покрыть снижение добычи нефти, с одной стороны, и рост потребностей в горючем — с другой. Более вероятно, что ему придется обратиться к одному (или сразу к двум) из следующих путей: 1) сокращение экспорта нефти в другие страны, 2) импорт нефти, 3) рacionamento потребления горючего в стране. Любая из этих мер будет, однако, весьма болезненной.

СССР экспортирует около 30% добываемой нефти, в том числе около 10% в страны Запада. Продажа нефти западным странам обеспечивает ему более 40% всего поступления жизненно важной для него твердой валюты. Отсюда ясно, что означает прекращение этой продажи. С другой стороны, сокращение поставок советской нефти коммунистическим странам ухудшит и без того их тяжелое экономическое положение и никак не будет способствовать укреплению "братской дружбы". Импорт нефти потребует от Советского Союза больших расходов твердой валюты и существенно сократит его возможности закупать западную технику и зерно, в кото-

рых он остро нуждается. Рационирование потребления горючего внутри страны может неблагоприятно отразиться на выполнении хозяйственных планов, которые и без того выполняются из рук вон плохо.

Но не следует забывать, что в распоряжении СССР есть еще один способ решения энергетической проблемы, более простой и не требующий большого воображения, — захват внешних источников добычи нефти. Судя по последним событиям, именно на это делает ставку кремлевское руководство.

Еще более серьезным, по его влиянию на советскую экономику, является недавно возникший дефицит другого важнейшего экономического ресурса — рабочей силы. С 1960 по 1979 годы численность рабочих и служащих в стране повысилась на 78%, тогда как население возросло лишь на 22%. Даже если учесть, что рост числа рабочих и служащих частично произошел за счет колхозников, переселившихся в города, все же ясно, что при таких темпах он не мог не привести к серьезной напряженности в области трудовых ресурсов. Основные источники пополнения рабочей силы к настоящему моменту в значительной мере истощены.

Одним из таких источников в свое время было повышение уровня занятости трудоспособного населения. Но дойдя к 1970 году до 92% (против 74% в 1950 г.), занятость стабилизировалась, так как достигла возможного предела.

В течение длительного времени крупным резервом увеличения числа рабочих и служащих была миграция населения из деревни в город. Однако этот процесс породил в советской деревне ряд серьезных проблем. Охватив преимущественно молодежь, он нарушил нормальную возрастную структуру жителей села, что привело к снижению рождаемости. В ряде областей Российской Федерации (главным образом, на Северо-Западе и в Центре европейской части) рождаемость на селе упала ниже уровня смертности, то есть там не осуществляется даже простое воспроизводство населения.

В Советском Союзе число сельских жителей все еще очень велико, но дальнейшее высвобождение рабочей силы из сельского хозяйства становится затруднительным. И действитель-

но, спад численности сельского населения в последние годы замедлился. За три года, с января 1973 г. по январь 1976 г., число жителей села уменьшилось на 2,8 млн. человек, а за следующие три года, с января 1976 г. по январь 1979 г., — лишь на 1,7 млн. человек.

Существенно сократился в СССР и естественный прирост населения. Произошло это из-за общего снижения рождаемости. Этот процесс начался давно, но наиболее резкий спад имел место в 1961 году, когда за один только год рождаемость снизилась больше, чем за 5 предыдущих лет вместе взятых. Быстрое снижение продолжалось вплоть до 1969 года. В 1960 году количество родившихся составило по отношению к численности населения 2,5%, а в 1969 году — 1,7%. После этого рождаемость стабилизировалась на весьма низком уровне.

Причин у спада рождаемости немало, однако несомненно, что в целом они носят социальный характер. В основе их лежит конфликт между повышением культуры населения, ростом его потребностей (в немалой степени вследствие влияния Запада), чувства ответственности за судьбу своих детей, с одной стороны, и низким уровнем жизни и, в частности, плохими жилищными условиями, с другой. Сокращение рождаемости в какой-то мере снижает остроту этого конфликта.

Результатом всех этих процессов было замедление роста рабочей силы в стране. Достаточно взглянуть на этот столбец цифр, чтобы понять, что произошло:

Г о д ы	Увеличение числа рабочих и служащих в среднем за год, в%%
1966-70	3,2
1971-75	2,5
1976-78	2,0
1979	1,8

Мощный поток, питавший советскую экономику, превратился в жидкий ручеек. Ориентированная на экстенсивное

развитие, развитие вширь, она переживает это очень болезненно.

Правда, смерч, появившийся на советском демографическом море около 20 лет назад, еще почти не коснулся берегов. Спад рождаемости 60-х годов фактически еще не оказал влияния на экономику. По-видимому, это произойдет в ближайшее время и достигнет максимума в 1987 году, и тогда экономика СССР столкнется с трудностями совершенно иного масштаба.

Показательно, что страна, кичащаяся своим, якобы, научным планированием, не предприняла ничего, чтобы остановить этот смерч, зарождавшийся у всех на глазах. Наоборот, уровень жилищного строительства — ключевого фактора рождаемости в СССР — за последние двадцать лет снижался более или менее систематически.

В расчете на 1000 человек населения в 1960 году было построено 511 кв. м. жилья, в 1970 году — 437 кв. м. и в 1979 году — 389 кв. м. Впрочем, стимулирование рождаемости — дело накладное, оно наверняка потребовало бы оторвать средства от любимого детища партии и правительства — военно-промышленного комплекса. В Москве решили пойти иным путем.

В журнале "Вопросы экономики" читаем: "Предвидя уменьшение прироста трудовых ресурсов в 80-х годах, партия своевременно поставила задачу создать машиностроительную базу для значительного сокращения малопроизводительного ручного труда". Благое дело, что же из него получилось? Оказывается, "ни один из предусмотренных программой новых заводов до сих пор не вступил в строй"*.

Партия не упускает случая, чтобы своевременно "поставить задачу". Обычно это "великая задача". Вот только выполнение почему-то всегда более чем скромное.

В промышленности, строительстве и на транспорте, по нашим примерным подсчетам, ручным трудом заняты 21 млн. человек. Это большой резерв для восполнения недостатка рабочей силы, но чтобы его использовать, нужны не только

решения. Решения на этот счет принимались и раньше, а применение ручного труда продолжало расти. Возможно, в предстоящем десятилетии оно начнет медленно сокращаться. Однако только за счет спада рождаемости приток новых работников, по самым скромным подсчетам, уменьшится в 80-х годах на 13 млн. человек. Чтобы компенсировать эту потерю, нужно будет почти на две трети сократить численность рабочих, занятых ручным трудом, — задача явно нерешаемая.

Но обратимся к проблемам сегодняшнего дня. Возникший недостаток рабочей силы (хоть и не такой острый, какой ожидается в будущем), успел тем не менее оказать свое отрицательное влияние на советскую экономику и, в частности, привел к резкому замедлению темпов роста производительности труда. В 1971—75 гг. производительность труда в промышленности росла со скоростью 6% в год, в 1976—78 гг. — 3,5% в год, а в 1979 году она увеличилась лишь на 2,4%. В других отраслях экономики положение еще хуже.

Вообще говоря, между этими явлениями — замедлением роста рабочей силы и производительности труда — нет прямой связи, и первое теоретически не предполагает второе. В 50-х, 60-х и первой половине 70-х годов численность рабочей силы во Франции и ФРГ увеличивалась в среднем еще медленнее, чем сейчас в СССР, но производительность труда росла примерно вдвое быстрее.

Фактически нехватка рабочих рук и не была причиной неблагоприятных тенденций в области производительности труда в СССР. Она была лишь поводом, толчком. Она спустила с тормозов недовольство, копившееся годами. Благодаря ей рабочие почувствовали себя в какой-то мере независимыми, и их истинное отношение к советской сверхмонополистической системе стало проявляться более широко. Деморализованные беспрецедентным экономическим и политическим гнетом, они отыскивали собственный путь противостоять сверхмонополии. Поверим газете "Правда", которая писала об "элементарной нерадивости и недисциплинированности" рабочих, отмечала "нарушения элементарных требований произ-

* "Вопросы экономики", 1979, № 2, стр. 93.

водственной дисциплины, небрежное отношение к качеству работы”, признавала, что советским людям “нередко” присуща “двойственность поведений, разрыв между словом и делом”^{*}.

Итак, путь, которым идут советские рабочие, это безразличное отношение к своим обязанностям, некачественная работа, бесхозяйственность, воровство, обман, пьянство. Похоже, что сверхмонополия, согласно законам столь милой ее сердцу диалектики, уже произвела на свет своего могильщика, правда, очень странного. Мир еще не видел более нерадивого убийцу, такого апатичного разрушителя общественных основ. Истории еще не приходилось наблюдать социального радикализма, реализуемого в безразличии, безделье и пьянстве. Но не будем слишком категоричны в оценках: в обществе концлагерей и психушек критерии меняются, здесь не до изящества стиля, важен результат. А он-то как раз налицо.

КРИЗИС СВЕРХМОНОПОЛИИ

Говорить сегодня о признаках экономического кризиса в Советском Союзе — значит ставить запоздалый диагноз. Кризис в этой стране длится давно. Правда, до последнего времени это был кризис весьма своеобразный, какой возможен только в сверхмонополизированной экономике: при высоких темпах роста и огромных стройках, при хвастливой пропаганде прессы. И касался он лишь одного сектора экономики — того, что в каждом нормальном обществе есть ее смысл и венец, — сектора народного потребления. И разделялся этот огромный кризис недопотребления на многочисленные кризисы поменьше — мясной, колбасный, молочный, яичный, хлебный, кофейный, жилищный, мебельный, зонтичный, помадный и т.д. и т.п. — все не перечесать. Самая же примечательная его особенность в том, что был этот кризис плановый, то есть он прямо вытекал из экономических планов сверхмонополии и был ими предусмотрен.

^{*}“Правда”, 28августа 1979 г.

Сейчас, однако, в советском экономическом кризисе происходит нечто новое: он расширяется и все более охватывает сферу производства, приобретает классические черты. Как упоминалось, в СССР до минимума понизились темпы экономического роста, в ряде отраслей происходит спад или наблюдается застой производства, больших масштабов достигла инфляция. Но что особенно важно — новый кризис носит стихийный характер, он разворачивается вопреки всем планам. Прежний кризис был союзником сверхмонополии, этот — ее смертельный враг.

У этого нового кризиса три уровня. На поверхности он проявляется как тенденция к экономическому застою и спаду. Его более глубокий уровень — это постоянное снижение эффективности общественного производства. И, наконец, в основе всего лежат специфические закономерности развития советской экономики как сверхмонополистической системы, именно они определяют все остальное.

Теоретически любая монополия включает в себе угрозу застоя, что проистекает из огромного сосредоточения в ее руках экономической власти и освобождения от стимулирующего влияния конкуренции. Это положение известно давно. В частности, оно было одним из центральных пунктов так называемой “ленинской теории империализма”.

Но с монополией в России произошла та же история, что с эксплуатацией, колониализмом, отсутствием демократии и другими “пороками капитализма”. Оглушив мир истеричной антимонополистической пропагандой (направленной, конечно, против стран Запада), коммунисты в своей собственной стране произвели на свет монополию, невиданную по своим масштабам и полноте власти. Самые крупные монополистические объединения Запада кажутся карликами рядом с этим динозавром со штабом работников в 125 миллионов человек. Советская экономическая система — это уже не монополия, а сверхмонополия. И дело здесь не в одних лишь размерах: ее создание было качественным скачком, совершенно новым этапом в развитии экономики. Сверх-

монополия радикально трансформировала экономический процесс, его методы, стимулы и цели.

Прежде всего, она узурпировала практически всю собственность в стране, поглотила все ее хозяйство — все отрасли, секторы и виды. Выражения "национализация", "обобществление" применительно к этому процессу звучат довольно странно: никогда еще нация и общество не были отделены от собственности, от управления ею такой глухой стеной, как сегодня в СССР. То, что реально произошло в этой стране, — это сверхмонополизация собственности.

Сверхмонополия также уничтожила свободное рыночное хозяйство и создала принудительно управляемую экономику, функционирующую на основе ее собственных планов-приказов. Это превратило советскую экономику в объект грубого и примитивного произвола сверхмонополии. Ее враждебность к рынку легко объяснима: он выражает запросы потребителей. Ориентироваться на рынок — значит поставить экономику на службу людям. Но это и есть то, что абсолютно чуждо сверхмонополии, она пришла в этот мир, чтобы тотально подчинить все богатства общества самой себе.

Вместе с рынком сверхмонополия упразднила и конкуренцию. Ее советский эквивалент, "социалистическое соревнование", представляет жалкое бюрократическое изобретение, о чем в СССР известно всем — от простых рабочих до членов Политбюро.

Сверхмонополия фактически выбросила за борт, как старый хлам, основной принцип свободной экономики — принцип материальной заинтересованности — и заменила его широко разветвленной и многообразной системой насилия. Ее цели настолько противоречат жизненным нуждам рабочего класса, что заинтересовать его в их осуществлении было бы невозможно, здесь без принуждения просто не обойтись.

Столь же уникален и другой аспект сверхмонополии: как система тотально централизованная, она представляет бюрократию в наиболее чистом и законченном виде. Экономика в условиях сверхмонополии в известном смысле пере-

стает быть таковой и превращается в бюрократическую производственно-распределительную систему.

И, наконец, сверхмонополия разрушила потребительскую и построила военную экономику. Человек как естественная цель экономического процесса перестал для нее существовать. Он превратился в такое же орудие производства, как станок, лопата или кирпич, — не более того. Милитаризация экономики — выражение ненасытного стремления сверхмонополии к господству и эксплуатации, к расширению сферы своего господства. Среди прочих функций военная машина взяла на себя и ту, какую в условиях традиционной монополии играет прибыль, — орудия в конкурентной борьбе.

Необычность советской экономической системы отнюдь не вызвана тем, что она якобы изобретена "на кончике пера" и к тому же построена на голом месте ("на обломках капитализма"), откуда, мол, и проистекают все ее трудности. Прежде всего реальная советская экономика имеет очень мало общего с тем, что было изобретено "на кончике пера" (уже в силу прискорбной несостоятельности изобретения), и проблемы ее объясняются не ее искусственностью. Наоборот, для монополии нет более естественного состояния, чем то, какого она достигла в СССР. Кроме того, советская экономическая система не без роду-племени, она вышла из грешной почвы капитализма и на ней стоит обеими ногами. Скажем точнее: она плоть от плоти капиталистической монополии, самый страшный и уродливый сук на древе наживы и эксплуатации.

...Монополия раздвигается до границ огромной страны, поглощает все существующие в ней экономические формы, подчиняет себе государственный аппарат, устанавливает контроль над обществом — и вот уже готова до боли знакомая картина. Так выглядит (в логическом и генетическом плане) становление сверхмонополии, но конкретные пути могут быть, конечно, разными. Если бы рокфеллеровский конгломерат проделал такую эволюцию, он стал бы, по-видимому, ничем иным, как "социализмом" советского типа.

Заложенные в каждой монополии антиобщественные,

тоталитарные тенденции, которые контролируются и подавляются демократическим государством, в советских условиях — условиях абсолютной власти монополии — расцвели пышным, ядовитым цветом. Сверхмонополия, освобожденная от общественного контроля, стала источником беспримерного гнета, вместилищем всех мыслимых форм рабства. В этом ее могущество, но здесь и ее погибель. Дойдя до вождяемой крайней черты, подавив сопротивление и оппозицию, вырвав с корнем все инородные формы, она в то же время превратилась в некий невиданный простейший организм, этакую гигантскую амебу, лишенную структурности и внутренних импульсов. Этому одноклеточному колоссу, согласно всем законам природы, уготована недолгая жизнь.

Экономика сверхмонополии не может быть здоровой и эффективной. Насилие, на котором она основывается, бывает успешным лишь как средство чисто количественного расширения производства, то есть его экстенсивного роста. Но перед лицом сложных задач качественного развития экономики, повышения ее эффективности оно оказывается несостоятельным. Прежде всего насилие и его родная сестра — советская бюрократия — приводят к эрозии человеческого, творческого начала в человеке, его деморализации, что влечет тяжелые последствия для производства. Организация экономики на принципах принудительного планирования и отсутствие в ней соревнования и конкуренции сдерживает технический прогресс. Резкое ограничение материальных стимулов снижает заинтересованность работников в результатах своего труда и приводит к ухудшению качественных показателей производства. В этом же направлении действует и дефицит потребительских товаров — постоянный спутник жизни советских людей, — который превращает в фикцию даже весьма ограниченный принцип оплаты по труду. Милитаризация порождает у сверхмонополии параноические мечты о мировом господстве, но пока что военное бремя лишь разрушает советскую экономику.

Такова в самых общих чертах подоплека нынешнего экономического кризиса в СССР. В отличие от положения суще-

ствующего в западных странах, советский кризис не имеет внешних причин, ввиду самообеспеченности СССР нефтью. Он — порождение разрушительных процессов, протекающих внутри сверх монополистической советской системы.

"Великая депрессия", поразившая западные страны в конце 20-х начале 30-х годов, была кризисом экономического либерализма, ничем не ограниченной свободы рыночного хозяйства. Она доказала, что рыночная экономика нуждается в государственном регулировании. Теперь жизнь отвергает другую, худшую крайность.

Советский кризис — это кризис экономического тоталитаризма, системы милитаризации экономики и попрания интересов трудящихся. Иначе говоря, — это кризис сверхмонополии. Он доказывает насущную необходимость и, по видимому, неизбежность ограничения ее власти и радикальной перестройки советской хозяйственной системы.

Совершенно очевидно, что речь идет о необходимости введения какой-то формы рыночной экономики со всеми вытекающими из этого последствиями — наделением предприятий и колхозов всей полнотой хозяйственных прав и соответствующим ограничением прав сверхмонополии, снятием ограничений с принципа материальной заинтересованности, развитием конкуренции и инициативы, заменой бюрократических методов руководства народным хозяйством экономическими методами и т.д.

Излишне говорить, как неприятна была бы реформа такого рода для советского руководства. Ему пришлось бы преодолеть труднейший психологический барьер и с гладко накатанной дороги администрирования перейти на неизведанную, тернистую тропу рыночных отношений; осуществить серьезную идеологическую перестройку и поднять над страной знамя "рыночного социализма", которое на сегодняшний день в СССР объявлено изобретением дьявола ("ревизионизма") и предано анафеме; решить ряд очень сложных практических проблем и осуществить некоторые весьма необычные меры, включая переброску части ресурсов из военного сектора в гражданский. Но что самое важное, ему пришлось

бы смириться с частичной потерей контроля над экономикой и с потенциально опасным влиянием свободного рынка на окаменевшую социально-политическую структуру страны.

Предполагаемая реконструкция экономики СССР будет иметь далеко идущие последствия. Совершенно очевидно, что нынешний экономический кризис — лишь верхушка айсберга. За ним кроется всеобщий кризис — социальный, политический, идейный, нравственный — сверхмонополистической тоталитарной системы. Было бы удивительно, если бы процесс, начавшийся в экономике, никак не коснулся других сфер советской жизни. Однако об этом пока говорить рано. Ясно одно: сверхмонополия переживает свой исторический закат. Советский Союз подошел к порогу перемен — по-видимому самых серьезных за все время его существования.

Г. НИЛОВ

ПАРАЛОЖЬ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Зададимся вначале риторическим вопросом: "Что такое ложь?"

Смотрю толковый словарь Ушакова. Ложь, — объясняет словарь, — неправда, намеренное искажение истины. Такое же определение нахожу в словаре Ожегова. Теперь уже вопрос перестает быть риторическим, ибо ответ дан. Однако в наше время это понятие требует уточнений.

Согласитесь, что данное определение подразумевает наличие субъекта и объекта лжи. Субъект знает правду, но намеренно ее искажает или утверждает прямо противоположное, т. е. неправду, а объект лжи, воспринимая ложь как правду, получает ложное представление об истине, обманывается. Ну, а как назвать ситуацию, в которой субъект и объект информации прекрасно отдают себе отчет в истинном положении вещей? Первый лжет, а второй повторяет за ним ложь, ни секунды не сомневаясь, что субъект не заблуждается — он намеренно говорит неправду. Но объект аплодирует субъекту. Никто из нормальных взрослых людей не верил Хру-

щеву, заявившему, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме", но сколько токарей, комбайнеров, писателей, доярок и академиков взхлеб повторили эту фразу! Кто, вернувшись домой после долгих хождений по магазинам, скажет: "Спасибо партии за неустанную заботу о постоянно растущем благосостоянии народа!"? И кто на собрании не голосовал за подобную резолюцию? А сколько раз знатные доярки, каменщики, академики произносили эту фразу, глядя на нас с телевизионных экранов?

В этой ситуации нет обманщиков и нет обманутых. Нет самообманывающихся. Ну, а ложь есть? И как все-таки назвать такую ситуацию? Название для нее просится само собой — ПАРАЛОЖЬ — это особый вид лжи, при котором субъект и объект обмана слиты воедино.

Надо думать, что параложь является вершиной развития лжи, абсолютной ложью, уже не нуждающейся в лукавой подделке под правду. Она-то и слизнула индивидуальность с наших лиц. Не одна она, понятно. Тут потрудились и долгие годы парализующего душу страха перед бессмысленным доносом и неминуемым за ним, не оставляющим надежды на спасение, арестом, и десятилетия беспросветной нужды, и муравьиный быт коммуналок, и унижительные хлопоты по "выправлению" бесчисленных справок и удостоверений, и вековой российский произвол начальственного хамства и многое, ох, как многое другое! А параложь — квинтэссенция этих кислот, конечный результат их разъедающего действия, которому, конечно же, не сорок лет, но и индивидуальность — не помада на лице — ее за раз не слижешь!

Ну, а ложь, как составная часть паралжи, разумеется, осталась.

В страшное и кровавое время сталинского самодержавия еще были обманщики и обманутые, а ложь в чистом виде еще превалировала над параложью. Не абсолютно, но в основном, ибо тогда всякая попытка прикосновения к правде пресекалась мгновенно и беспощадно, поэтому ради спасения жизни своих детей — отцы, ошущью нашедшие крупницу правды, старались поглубже и побыстрее спрятать ее в самых

немых углах своего сознания, намеренно лгали сыновьям, справедливо полагая, что скорая смерть — не самый лучший способ спасения их души.

Таким образом накапливалась ложь, и росли поколения обманутых.

Я намеренно уклоняюсь от вопроса, как образовалось первое поколение обманутых и обманщиков — на эту тему написаны уже десятки, если не сотни томов исторических исследований, мемуаров, публицистики и беллетристики. Для смысла же этой работы достаточна констатация факта существования лжи в чистом виде еще в совсем недалекие 50-е годы. Вот тому свидетельство Петра Григоренко: "Путь к трибуне партийной конференции Ленинского района г. Москвы проложен мне Зинаидой Михайловной. Она первая нанесла удар по моему сталинскому мировоззрению... Она не пошла по пути тех, кто, случайно выбравшись из ада, утверждал, что невиновных выпускают. Не в пример таким увлеченным, каким был я, она умела обобщать жизненные явления и делать выводы... Военная среда специфическая, а мероприятия властей направлены на то, чтобы как можно резче обособить ее. Если бы у меня не было через жену окна в мир, я просто не мог бы выработать взглядов, отличных от взглядов своего военного окружения".

Думаю, что генерал Григоренко несколько преувеличивает специфичность влияния военной среды тех лет — мне приходилось встречать и штатских, убежденных в том, что невиновные в ад не попадали.

Сейчас же общественной лжи в чистом виде почти не осталось, ее вытеснила ПАРАЛОЖЬ — великая и малая, пронизывающая "все стороны нашей многогранной действительности". Великая параложь — это "прямые, всеобщие и равные" выборы одного кандидата, оккупация Чехословакии по ее же просьбе, "неуклонный рост благосостояния трудящихся" и т. д. Коммунистические субботники, политзанятия, "встречные" планы — это параложь малая, повседневная, ненужная и тоскливая. Иногда, правда, ненужная и комичная.

В прошлом году, заболев, я вызвал из районной поликли-

ники врача, который в течение десятиминутного визита сделал все необходимое: осмотрел и выслушал меня, а затем выписал рецепт и бюллетень с диагнозом — острое респираторное заболевание, попросту говоря, простуда. Через три дня — в пятницу, чувствуя себя все еще скверно, я приплелся в поликлинику. Проведя часа два в разных склочных очередях, я попал, наконец, к своему врачу и сразу же попросил выписать меня на работу, сказав, что все мои простуды всегда проходили за 5 дней и к понедельнику я буду здоров.

— Побудьте лучше дома, — ответил врач и продлил бюллетень еще на положенные 3 дня, — у вас тяжелый грипп, и приходиться-то, по-хорошему, вам сюда не надо было.

— Доктор, но вы написали, что у меня обыкновенная простуда!

— Видите ли, — усмехнулся врач, — наш министр сказал где-то наверху, что с эпидемиями гриппа у нас в стране покончено. Вот мы и пишем всем ОРЗ.

Параложь — отнюдь не разновидность орвелловского "двоемыслия". Двоемыслие — это самообман, спасительная жажда и умение видеть мир таким, каким его приказано видеть; не называть черное белым, а именно воспринимать черное как белое. Параложь, однако, ничего общего с самообманом не имеет — она вполне сознательное оформление внутренней капитуляции перед внешними обстоятельствами.

И. Шафаревич — автор статьи "Социализм" в сборнике "Из-под глыб", — утверждает, что социализм ведет к образованию анонимного общества, члены которого не вступают в персональные отношения друг с другом, а являются безликими взаимозаменяемыми составляющими стада, как, например, в косяке сельдей. Не могу согласиться с этим утверждением, главным образом, потому, что не приемлю /логически, а не эмоционально/ определения социализма, выведенного путем корреляции некоторых общих черт многих тоталитарных режимов от времени Древнего Египта до наших дней. Кроме того, понятие об анонимном

обществе, полученное сравнением с животным миром — явный гротеск. Вот ради этого гротеска я вспомнил здесь о статье Шафаревича.

Не думаю, что после стольких тысячелетий эволюции культуры человечества какая-либо часть его может скатиться к анонимному обществу, но некоторое расстояние по этому скорбному пути нами уже пройдено. И оплачено, ибо нельзя безнаказанно злоупотреблять паралождью. Оплачено концентрацией в наших душах несовместимых, казалось бы, свойств — равнодушия и злобы. Войдите в автобус в часы пик, станьте в очередь за "дефицитом", проведите час на вокзале, у стоянки такси, на углу двух оживленных улиц... И вы увидите, как легко и часто вспыхивают бессмысленно-злые ссоры и как безразличны к ним окружающие. Подобные наблюдения можно подкрепить ссылками на множество газетных статей, критикующих "отдельные случаи" хулиганства и попустительства ему, но повседневность все-таки убедительнее. На две статьи газеты "Комсомольская правда" все-таки сошлюсь.

Первая опубликована 21 января 1979 г. и называется "За 14 минут до перерыва". Корреспондент газеты Д. Горбунов рассказывает, как в г. Новоалтайске кассир — девятнадцатилетняя Наталья Косырькова — предотвратила ограбление овощного магазина, вступив в борьбу с бандитом, угрожавшим ей ножом. Мотив преступления: "Зашел в винный павильон, выпил немного стаканов вина, хотел выпить еще, но денег больше не было... Я решил ограбить овощной магазин, расположенный напротив". Но не так показателен этот примитив, думаю, весьма характерный для нашей страны, не в пример гангстеровской Америке, как мытарства раненой в схватке героини после того, как преступник был задержан:

"В тот день в магазине не нашлось бинта, чтобы перевязать ей руку. Машины скорой медицинской помощи, которую вызвали по телефону, не дождалась. И пришлось Наташе самой на попутном транспорте добираться до Железнодорожной поликлиники, где она состоит на учете. Но ее не приняли: из-за мороза в поликлинике не работало отопление. Рука, между тем, продолжала кровоточить.

Рану требовалось обработать немедленно. Медики посоветовали /?!/ Наташе добраться до городской поликлиники. Только и здесь ее отказались обслуживать: "Надо идти в ту поликлинику, где стоишь на учете". Лишь после долгих просьб и телефонных звонков директора магазина в высокие инстанции /!/ Наташу, наконец, принял хирург и обработал ей рану."

Следует сказать, что равнодушие — болезнь инфекционная. Беда не в том, что Наташа Косырькова не станет никогда больше вступать в схватку с вооруженным бандитом, этого не следовало делать и в этот раз — подвергать свою жизнь опасности ради выручки овощной лавки; беда в том, что пострадавшего она теперь сможет отправить от своих дверей искать место, где он "состоит на учете". Кто знает, при каких обстоятельствах бактерия равнодушия проникла в душу тех медиков, которые "посоветовали Наташе добраться до городской поликлиники"?

Вторая статья "Быль о доброй смелости" написана Н. Ефременко и опубликована 1 августа 1979 г. Меня, к сожалению, поразил описанный в статье пример мерзейшего равнодушия, а не доброй смелости:

"Он шал к себе в общежитие, но увидал в одном дворе двух пьяных. И человека, лицо которого было в крови. И рядом с ним испуганную девочку. И поспешил навстречу опасности, как всегда, когда людям грозили зло и подлость... Его ударили предательски, в спину. И долго топтали ногами, когда он был уже без сознания. Горько и непонятно: те, кого он спас, не сделали ничего, чтобы спасти его. Даже не позвали людей на помощь. Даже не позвонили никуда из телефона-автомата. Просто отправились заниматься своими делами и жить дальше. Другие прохожие вызвали "Скорую помощь"... Схоронили Анатолия в родном Алагире".

Кто знает, при каких обстоятельствах бактерия равнодушия проникла в душу "человека, лицо которого было в крови"?

Но повседневность все-таки убедительнее — войдите в автобус в часы пик, станьте в очередь за "дефицитом"... Вы увидите и услышите, что агрессивное хамство и равнодушие к его жертвам, характерные раньше для так называемых /на языке официального классового учения/ "деклассированных элементов", попросту говоря, для шпаны — стали почти всеобщей нормой поведения. И это, по-видимому, плата не только за потерю индивидуальности, но и побочная плата

за потерю классовых границ. Сторонников идеи сохранения духовного здоровья народа в патриархальной крестьянской среде могу заверить, что в этом смысле деревенская повседневность неотличима от городской.

Сегодня для советского общества характерно взаимодействие двух взаимообусловленных процессов — исчезновения границ между его социальными классами и стирания личностных особенностей индивидуумов, образующих Народ, в результате чего последний превращается в хорошо скатанную инертную массу.

Независимо от возможного разнообразия оценок этого вывода /конечно же, в категориях Добра и Зла/ и объяснений причин его вероятной правомерности имманентными свойствами социализма, русского народа или всего XX века — само, безусловно, не бесспорное, сделанное заключение требует к себе внимательного, осторожного и неэмоционального отношения.

"Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!"

М. Булгаков "Мастер и Маргарита"

ПАРАЛОЖЬ В ДЕЙСТВИИ*

Можно ли думать, что параложь — всего лишь несколько уродливый, но сам по себе безобидный способ внешнего оформления некой глубокой сущности советского общественного устройства, — скажем, единства народа и правительства? Такое же внешнее оформление, как, например, королевство Британской республики.

Во-первых, при внешнем сходстве оформления, совсем не одно и то же — называть монархией республику или республикой монархию, как далеко не одно и то же — играют ли отдыхающие на корабле туристы в пиратов или настоящие

*Газетная рубрика, повествующая об успехах советского хозяйства, называется "Социализм в действии".

пираты изображают морских туристов. Во-вторых, если параложь и является способом внешнего оформления какой-либо сути, то способом таким дорогим, что он сжигает основные средства ее осуществления.

Приведу несколько примеров, показывающих, что параложь может иметь и значительно более действенные воплощения, чем аплодисменты на собраниях, и приводит к потере не одних лишь столь абстрактных субстанций, как духовная индивидуальность, но и к вполне материальным, весьма ощутимым потерям. Я, правда, и без этих примеров не склонен считать индивидуальность совсем уж эфемерной субстанцией, ибо именно индивидуальность открыла всемирный закон тяготения, периодическую систему элементов, теорию относительности, написала "Евгения Онегина", "Войну и мир" и "Лунную сонату", вырастила самые богатые урожаи пшеницы, сшила самые красивые туфли, спроектировала самые надежные здания... Посмотрим теперь, как обстоят дела без участия индивидуальности.

Ни для кого не секрет, что прорехи сельского хозяйства советская администрация пытается заткнуть авральной работой квалифицированных рабочих, инженеров, техников, ученых, направляя их для "оказания помощи подшефным совхозам и колхозам" на поля и овощные базы. Вот как выглядел один день такой помощи моего предприятия.

Утром солнечного июльского дня нашему директору позвонили из райкома партии и потребовали срочно выделить 25 человек на уборку сена. Через пять минут после телефонного звонка начальник отдела кадров рыскал по служебным помещениям, как старорежимный боцман по отсекам корабля в предвидении надвигающейся бури. Его стараниями минут через сорок во дворе была собрана штормовая команда в составе: трех кандидатов наук, десяти старших инженеров и двенадцати инженеров и техников — всех, кто не смог отговориться занятостью, болезнями или преклонными годами. В течение полутора часов, пока завхоз носился по округе в поисках необходимых орудий труда, мы томились под лучами уже высокого солнца, отравляя

окружающую среду дымом сигарет и чадом сальных анекдотов.

Когда приехал завхоз, оказалось, что он сумел достать только семь кос и двенадцать грабель, но на мой естественный вопрос: могут ли шесть лишних теперь человек вернуться на свое рабочее место, начальник отдела кадров ответил недоуменным вопросом же: "Какое это имеет значение, если райком велел выделить 25 человек?" Как вскоре выяснилось, он был абсолютно прав — наличие или отсутствие орудий труда при нашем умении ими пользоваться не имело никакого значения. Но до выяснения этого обстоятельства прошло еще часа полтора, поскольку теперь шофер автобуса, который должен был отвезти нас в поле, обнаружил, что в баках машины нет бензина, и укатил на заправку. Затем, в конторе совхоза мы ждали поводыря, который мог бы показать нам поле нашей деятельности, и, наконец, после полудня мы прибыли на место. Здесь, разбившись на три группы — семь косцов, из тех, кто помоложе, двенадцать грабельщиков для сгребания и погрузки ранее кем-то скошенного сена и шесть наблюдателей для обдумывания и своевременной подачи ценных советов, — мы, ни минуты не медля, приступили к делу.

Час созерцания нашей работы позволил группе наблюдателей придти к следующим выводам: а/ основная задача косцов — не отрезать друг другу ноги, для чего они должны разойтись на безопасное расстояние; б/ побочная задача косцов — косьба травы — практически невыполнима; в/ к тому же, она и бессмысленна, ибо, как сказал улегшийся в тени автобуса поводырь, единственный среди нас сельский житель, только ученые тунеядцы могут косить после полудня. Ими же, наблюдателями, был найден выход из тупика противоречия между невыполнимостью задания и необходимостью отчитаться за его выполнение. Они заметили стоящий невдалеке какой-то сельскохозяйственный агрегат — по словам нашего поводыря, сеноуборочный комбайн и группу рабочих, расположившихся около него на обед. Для переговоров с ними была отправлена автобусом наша делегация.

Выразительная жестикуляция наших "ходовков" позволяла издали следить за ходом переговоров. Наконец, мы могли с радостью отметить, что соглашение достигнуто и скреплено крепким рукопожатием, а автобус разворачивается в сторону шоссе. Цель его движения ни у кого не вызвала сомнений — спирт, хранимый в сейфе для стимулирования скорейшего выполнения наших заказов на заводах в тех случаях, когда бессильны грозные письма министерства. Некоторые разногласия возникли только по поводу количества спирта, необходимого для выполнения данного заказа, но, в основном, все сходились во мнении, что четырьмя бутылками дневной труд 25 инженерно-технических работников вполне окупается.

По возвращении делегации оказалось, что неопытность в делах сельского хозяйства заставила нас несколько преувеличить предполагаемый размер платы — сторговались на двух бутылках, но привезли все-таки три, чтобы самим отметить успех начинания. Пить на жаре мы отказались и быстро общими усилиями загрузили на трехтонку невероятное, как нам казалось, количество сена, в человеческий рост вышавшегося над бортами грузовика. А прибывший к нам на помощь сеноуборочный комбайн минут за десять скосил и уложил аккуратными валками всю траву на выделенном для нас участке поля.

На радостях мы отдали бутылку шоферу грузовика, забрались в автобус и укатили домой. Прощальный жест щедрости привел, как мы узнали назавтра, к неожиданным последствиям. Эту бутылку шофер, по свидетельству двух наших товарищей, ехавших с ним в кабине, отдал приемщику сена, который за это записал нам выполнение двухдневной нормы, а сено шофер забрал себе. И правильно сделал, во-первых, потому что, как справедливо заметил один из наших кандидатов наук, не все ли равно, какая скотина, частная или государственная, съест это сено — лишь бы молока давала, во-вторых, все сданное и застогованное сено осенью сгорело, когда приехавшие за ним пьяные шофера не смогли тронуть с места буксующую по грязи машину и вылетев-

шая из выхлопной трубы искра запалила стог. И машина сгорела тоже. Причиной пожара была названа неисправность сушильного аппарата.

Перфразируя слова Бродского, уместно сейчас заметить: "Ах, только соотечественник может поверить в правду этих слов!"

Может быть, параложь здесь ни при чем? Очень даже при чем: нам и в голову не приходило, что надо скрывать, каким способом мы помогали совхозу, который отчитался, в конце концов, за выполнение плана уборки, а наше предприятие и райком отчитались за успешно выполненное мероприятие. И не одно такое за лето. Правда, со временем мы обзавелись собственным инструментом, научились вовремя выезжать в поле, точить косы и даже получали истинное удовольствие от необременительного труда на свежем воздухе, но суть духовных и материальных потерь от этого не изменилась.

Наши коллеги в одном из городов РСФСР* подали пример высокой профессиональной приспособленности к системе паралжи — после нескольких сезонов конвульсивной "помощи" сельскому хозяйству они зачислили в свой штат целую колхозную бригаду и на звонки райкома с чистой совестью отвечали, что их сотрудники уже в поле. И все участники этой игры были довольны найденным решением — наши коллеги тем, что могли спокойно заниматься своим делом, колхозники — даровым заработком, райком — отчетностью перед обкомом.

Для тех, кто может оценить потери только после того, как они измерены метрами, килограммами и рублями, привожу выдержки из нескольких газетных и журнальных статей, полагая при этом, что официальная пресса склонна сгущать не черные краски при описании отрицательных явлений советской действительности, а розовые при восхвалении положительных. Первая статья принадлежит Алексан-

* Точный адрес мне известен, а нежелание объявить его, я думаю, понятно.

дру Борину, называется "Порча" и опубликована в "Литературной газете" 10 января 1979 года:

"Недавно я спросил одного специалиста-сельскохозяйственника: из ста картофельных клубней, собранных в поле, какая часть доходит до кастрюли хозяйки, а сколько портится, гибнет по дороге?

— Значит, так, — сказал специалист, — клубней двадцать сразу же отбросьте.

— Почему?

— Попортились при уборке... Впрочем, это еще цветочки.

— А ягодки?

— Дорога...

— Имеем, стало быть, 45 клубней. Эти-то хоть доходят до кастрюли?

Мой собеседник горько усмехнулся:

— Считается, что доходят. Не бумаге.

— А на самом деле?

— А на самом деле — типичный самообман, — зло сказал он.

— То есть?

— Что "то есть"? Гниет картошка в хранилищах. Но сколько именно гниет, никто вам не скажет...

— А все-таки, — спросил я после паузы, — если не по инструкции, фактически. Много гниет картошки за год?

— Много, — признался он, — оптимисты говорят: процентов двадцать. А пессимисты насчитывают все тридцать-сорок.

Я наморщил было лоб, чтоб подсчитать, сколько же осталось от нашей символической сотни, но не стел — только вздохнул и махнул рукой".

Не морща лоб для столь простых вычислений, спешу сообщить, что 30 процентов от оставшихся 45 клубней составляют 14 картофелин, а к хозяйке из ста выращенных придет приблизительно 30 "яблок земли", качество которых не позволит назвать их столь высокопарно, ибо вместе с кожурой в мусорное ведро уйдет еще около 20 процентов их массы. Итак, осталось 25 процентов!

А в чем же здесь проявление парализма? Ведь газета открыто пишет о недостатках уборки, перевозки и хранения картофеля и ищет выход из этой ситуации.

Сопоставьте приведенные здесь выдержки из статьи Борина со сведениями, которые преподнесены советским читателям в двух журнальных статьях, посвященных вопросам личных крестьянских хозяйств.

Из статьи Григория Богуша "Хозяйство личное — забота общая" /"Журналист", № 10 за 1977 г./ узнаем, что "в настоящее время в личных хозяйствах получают более половины картофеля и треть овощей, производимых в стране".

"И никакое это не открытие, — пишет Анатолий Иващенко в очерке "Свой огород и поле за ним" /"Человек и закон" № 3, 4 за 1978 г./ — достаточно взять данные ЦСУ за любой год-два и в подтверждение тому выстроится суровая цифирь. Вот, скажем, передо мной лежит статистический ежегодник "Народное хозяйство СССР в 1974 г.". Открываю его на странице 315, и после несложного подсчета узнаю, что в общем объеме производства основных продуктов сельского хозяйства на "личный сектор" приходится по 32 процента мяса и молока, одна треть всех овощей, 20 процентов шерсти, 41 процент яиц и 64 процента картофеля. В иной год эти цифры бывают чуть меньше, в иной — больше".

К сожалению, ни в этих статьях, ни в справочнике ЦСУ не сказано, на каком этапе порчи подсчитывается производительность совхозов и колхозов, и если — в поле, то удел личного хозяйства в снабжении "стола" много выше приведенных цифр, поскольку можно быть уверенным, что не только о картофеле мог А. Борин написать статью под тем же названием "Порча", а плоды "частного сектора" к столу приходят практически без потерь. Представляете, во сколько раз частное хозяйство производительнее общественного при сравнении "у стола"? Тем более, что в статье И. Богуша сказано:

"Известно, что значительную часть продукции в приусадебном хозяйстве производят пенсионеры. Но существует положение: если пенсионер-колхозник имеет приусадебный участок больше 15 соток, то размер пенсии уменьшается на 15 процентов, и многие предпочитают полную пенсию и урезанный участок. А те отрезки земли, от которых пенсионеры вынуждены отказаться, чаще всего зарастают бурьяном, потому что вклинены в приусадебные земли и использовать их в общественном производстве почти невозможно. Как же быть?"

Вот уж действительно сложный вопрос: "Как же быть?" Проще всего, по-моему, отменить дурацкое "положение", но такое решение недопустимо для официальной советской прессы, зато проходит следующее решение: "Газета рассказала, какой выход нашли в Херсонской области, где на этих обрезках наладили производство кормов, а с теми, кому их

передали, заключили договоры на продажу излишков продуктов животноводства кооперации”.

Как сказано в анекдоте: “Мы, русские, создаем трудности, чтобы с энтузиазмом их преодолевать!”.

А может быть, вообще увеличить вдвое личные, они же частные, участки земли, размер которых сегодня 0,15—0,5 га, не притеснять пенсионеров, работающих на своих клочках земли после многих лет трудов на общественных просторах, продавать в частное владение маломощные тракторы, ослабить ограничения на разрешенное для частников количество голов скота и тем самым “всемерно удовлетворять постоянно растущие потребности трудящихся”? Тем более, что классики марксизма не оговорили в своих трудах допустимый размер приусадебного участка. Но оказывается, что в системе парализации все-таки проще продолжать вспахивать огромные пространства государственной земли, засаживать их овощами, отрывать от производства рабочих и служащих для работы на полях и овощных базах, терять при этом 75 процентов урожая и привозить картошку из Польши, кур из Голландии, мясо из Австралии.

Я отдаю себе отчет в том, что парадоксы “социализма в действии” имеют вполне конкретные экономические и политические причины, такие как: отсутствие конкуренции и рыночного ценообразования, централизованное, приказное планирование и партийно-бюрократическое руководство хозяйством страны и т. д., и я далек от мысли назвать парализацию универсальной причиной всех неудач реального социализма и несчастий страны. Но думаю, что парализация в настоящее время самый универсальный симптом болезненного состояния духовных сил страны, а следовательно, и производственных отношений, которые не официальной же схластикой определяются, а истинным взаимодействием живых людей. И здесь приведены примеры не самых убыточных промахов “социализма в действии”, а только явно связанных с разлагающим действием парализации.

Но парализация сегодня — не только симптом болезненного состояния общества, но и сама болезнь советских про-

изводственных отношений. Дело в том, что государство, ошупью отыскав этот болеутоляющий наркотик, быстро утратило монополию на его производство, и вот уже скоро три десятилетия, как парализация свободно циркулирует по сосудам большого общественного организма двумя встречными потоками: сверху — вниз и снизу — вверх. Вот тому два примера, почерпнутые опять-таки из советской печати.

Пример первый взят из “Литературной газеты” от 6 июня 1979 г., где в рубрике “Экономика и нравственность” опубликована статья Александра Радова “Торжество без виновника”:

“...Все было, как положено быть — гости, сполохи фотовышек, транспаранты, объяснявшие смысл происходящего: “С пуском фабрики вас, дорогие товарищи!”. Тут же, в прессовом цехе, члены приемочной комиссии церемонно подписали акт о пуске... Плакавшая прямо в президиуме митинга заместительница директора объяснит потом: “БЫЛО непереносимо стыдно...” Поясню: в тот день 27 декабря 1978 года, на Невинномысском шерстяном комбинате фактически не было и не могло быть пуска в эксплуатацию фабрики “Север”. По той единственной причине, что не существовало тогда ее “строительной готовности”. А что происходило в тот день? Мистификация! Спектакль, в который втянули сотни людей. Квалифицирую уверенно, хотя ситуация здесь заведомо двусмысленная: устраивали одно, вслух произносили другое, а в уме держали третье... Резонный вопрос: кому и зачем понадобился липовый пуск? Поразительно, но... оказался он нужен всем: строителям и монтажникам, эксплуатационникам и даже представителям министерства... Одни привирали вышестоящим органам, объявляя объект полностью достроенным, а потому готовым к пуску. Другие заставляли директора фабрики закрывать глаза на строительные недоделки. Третьи “обрабатывали” членов приемной комиссии. Четвертью откровенно втирали очки ничего не подозревавшим журналистам. Пятое... И до митинга, а в особенности после него, много было и изящного, тонкого лицемерия, и откровенной, грубой лжи”.

Во избежание недоразумения должен сказать, что только теперь закончено цитирование. Подхватив последние слова цитаты, замечу, что ложью такие события становятся только в тех редких и исключительных случаях, когда газетам разрешают разоблачить, во всех остальных — они привычная парализация. Хочу также подчеркнуть исходную мысль — этот пример хорошо иллюстрирует встречу двух вертикальных

потоков паралжи — строители, монтажники и эксплуатационники гонят ее вверх; представители министерства, которые в данном случае являются представителями государства, возвращают ее вниз. Описанный же в статье А. Радова спектакль — принятая форма слияния встречных потоков лжи.

Забавно выглядят в этом спектакле журналисты — эдакие наивные, "ничего не подозревающие" простаки, не заметившие плакавшую в президиуме заместительницу директора. На самом деле, насколько мне позволяет знакомство с миром советской журналистики, каждая из этих невинных овечек много раз уже видела подобные представления, а некоторые, наверно, неоднократно их инсценировали. За такую статью, впрочем, можно простить А. Радову эти маленькие цеховые хитрости.

Второй пример взят из пятого за 1979 г. номера журнала "Химия и жизнь", поместившего статью Ф. Татарского "Острые грани комплекса":

"Известно, что вместе с нефтью идет из скважины попутный газ. Еще в 1963 г. утверждены "Правила разработки нефтяных месторождений", в которых четко сказано, что извлекать нефть из скважин можно только в том случае, если попутный газ собирается и используется. Хорошие правила, по-хозяйски написанные. Но за годы девятой пятилетки в факелах сожжено или выпущено в воздух около 90 млрд. кубометров попутного газа, что равно суммарной годовой добыче природного газа в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, ФРГ и Италии вместе взятых! Стоимость этого газа оценивается в 1 млрд. рублей. Ох, и богаты же мы! Не жаль миллиарда на отопление неба, ангелов, серафимов и херувимов — или как их там зовут. Бог с ними, пусть греются. Но где потом взять этот газ? Потом, когда его не будет? Не о заправке зажигалки речь идет и даже не о калорийнейшем топливе. Ибо можно весь этот попутный газ направить на химическую переработку — нет в мире сырья, равного этому газу, для производства целой гаммы нужнейших продуктов — от удобрений до пластмасс. Комплекс мог бы с процентами вернуть этот миллиард — и многие другие миллиарды, которые мы сейчас на знаем, как и в землю-то закопать..."

Нет, не от богатства идет такое расточительство и даже не от чьей-либо лени или глупости, а от недавней поговорки: "Государство делает вид, что нам платит, а мы делаем вид, что работаем". И никакой комплекс не поможет, пока жива

эта поговорка. И не погубить ее надо, а необходимо, чтобы умерла она естественной смертью

Но не ради полемики обратился я к этому примеру. И не ради впечатляющего перечня: Болгария, Венгрия, ГДР, ФРГ, Италия... вместе взятые. А ради того, чтобы сопоставить даты: 1963 год, когда были утверждены "Правила разработки нефтяных месторождений" и 1971—1975 годы — время девятой пятилетки, когда они еще не были выполнены. Возражал ли кто-нибудь против положения этих правил? Уверен, что все приветствовали. И все делали вид, что их выполняют. Стоит ли снова поднимать разговор о паралжи?

Но для того, чтобы оценить действенность позитивной идеи Ф. Татарского о внедрении "комплекса", хочу задать несколькими вопросами. Например, таким: сколько дорогого оборудования и хитроумных станков можно купить в ФРГ и Италии за миллиард рублей, если их не сжигать и не выпускать в воздух?

А как сэкономлена та валюта, на которую куплены установленные в столице австрийские и шведские бензозаправочные станции и американские агрегаты для мойки машин на некоторых станциях автосервиса? И не могла бы страна, самостоятельно осваивающая космос и покупающая за границей пшеницу, мясо, помидоры, станки, так же самостоятельно мыть и заправлять автомобили?

Конечно, могла бы. Но кому-то из чиновников очень хотелось поехать в командировку на загнивающий Запад, чтобы купить джинсы и японский магнитофон. И он привез. Себе и своему начальству, утвердившему командировку. А потом приплыла на корабле из Калифорнии тяжеленная железка со щеткой и шлангами для подачи воды к щеткам.

Нет, комплексом, видимо, не обойтись, ибо недостаточно миллиард спасти, надо его еще не потратить на джинсы и на перевозку дурацкой железки из-за океана. И не замусорить им берега Камы. И не... Сколько таких "не" знает каждый мой соотечественник?

Своими глазами я не раз видел горы гнилого картофеля, видел факелы газа, освещавшие бесконечную полярную ночь,

видел импортные станки, полузатопленные на берегу Оби, ходил под Костромой по занесенному первым снегом полю не убранного льна, бывал участником спектаклей освящений работ, пригодных только для скорейшего кремления государственных или, как принято у нас говорить, народных средств. Кроме того, как уже говорилось, советская пресса отнюдь не склонна сгущать черные краски при разрешенном сверху описании негативных сторон действительности. Для этого мне не пришлось копаться в архивах /туда без специального разрешения не попадешь/, чтобы найти иллюстрации своим утверждениям; приведенные мною выдержки из газет и журналов — не старше двух лет, а в основном, получены из почтового ящика в 1979 г., т. е. в то время, когда писалась эта статья.

Повторяю, я отдаю себе отчет в том, насколько неудачи советского хозяйства порождены его чисто экономическими несообразностями в условиях XX века /отсутствие рыночного ценообразования и конкуренции, централизованное планирование и т. п./, а насколько — духовным оупением в результате массового отравления паралождью. Чаще всего обе категории причин бесхозяйственности неразлучны, и потому трудно различимы. Но изредка они все-таки расстаются, и тогда каждую можно увидеть в чистом виде.

Весной 1975 года, когда довольно шумно отмечалось тридцатилетие победы над гитлеровской Германией, меня вызвали в военкомат, чтобы в очередной раз направить на переподготовку офицеров запаса. В просторной приемной вместе с офицерами запаса терпеливо ожидали ветераны войны, которым должны были вручить юбилейные медали. Приблизительно через час после того, как я пришел, из кабинета, где вручали награды, вышел майор и, обращаясь к ветеранам, устало сказал:

— Товарищи, не ждите. Медалей сегодня не будет. Все, что были, мы уже раздали.

Ветераны повздыхали и разошлись по домам.

Ну, какие сложные экономические факторы могли вызвать нехватку медалей? Никакие, разумеется.

И если экономические причины неудач, вернее — политические решения экономических проблем, допустимо сравнить с врожденными пороками советского хозяйственно-го организма, то последствия паралжи можно назвать болезнью, нажитой в результате неправильного образа жизни. Возможно, правда, что застарелая болезнь превратилась уже в органический порок. Это означало бы, что в народном сознании совершились необратимые процессы.

Мой хороший знакомый, доктор физико-математических наук, недавно подавший заявление на отъезд в Израиль, рассказал, как часто и как многие задают ему приблизительно один и тот же вопрос: "Зачем ты туда едешь? Ведь здесь ты можешь ничего не делая, получать такие деньги! А там придется работать. Зачем ты туда едешь?" Но беда не в самом вопросе, а скорее в том изумлении, с которым обычно воспринимается ответ на него: "Еду, чтобы работать. Я, видите ли, не хочу бездельничать".

Очень может быть, что пессимизм — мое врожденное свойство, но в отличие от большинства моих сограждан, я не возмущаюсь тем, что в магазинах провинции нет мяса, масла, колбасы, а искренне удивляюсь тому, что эти продукты еще можно увидеть на столичных прилавках. И боюсь, что "богатство" кончится раньше, чем возымеет действие "комплекс", ибо нерукотворное наше богатство — нефть, газ, алмазы, золото, лес, созданное природой за неимоверно долгое время, а нами только небрежно, как видим, добытое, — принуждены мы вывозить за границу в обмен на зерно, станки, мясо, ЭВМ, туфли, автозаводы, брюки — на все то, что постоянно производится организованным трудом общества. Страна же, меняющая нефть, алмазы, лес на хлеб, мясо и брюки, подобна бездельнику, проживающему наследственный капитал. И уже очень скоро отвыкший трудиться наследник получит извещение о закрытии банковского счета.

"Роковым образом коммунистическая власть в России повторяет ошибки династии Романовых".

В. Турчин "Инерция страха"

ЗАМКНУТЫЕ КРУГИ

Впечатление парадоксальности, вызываемое этим наблюдением Турчина, несколько умаляется, если вспомнить ироническое высказывание А. С. Грибоедова о декабристах: "Сто прапорщиков хотят переменить весь государственный быт России". Не государственный строй, а именно — быт! Государственный быт! Изменить который, видимо, значительно сложнее, чем государственное устройство, А прапорщики, надо полагать, меняются много быстрее и легче, чем быт и строй России. И возвращаются на круги своя...

И потому ни одно явление сегодняшней действительности не может быть названо исключительно советским, не имеющим глубоких корней. И, конечно же, ни одна сторона теперешней реальности не сохранилась как копия минувшего российского быта и устройства.*

Лучшей иллюстрацией эволюции старых черт государственного быта России в их новое, теперь советское, состояние может служить общественное явление, называемое коррупцией.

По определению Малой Советской Энциклопедии коррупция — это "подкупность общественных и политических деятелей, а также государственных чиновников". Думаю, что наиболее емкий перевод этого понятия на русский язык должен звучать так: взяточничество и казнокрадство, что ни в коей мере не противоречит определению энциклопедии.

Вряд ли стоит доказывать, что взяточничество и казнокрадство — застарелая болезнь российского государственного быта. О пороках царской администрации мы изрядно начи-

* Скорее всего, это прописная и общедоступная истина. Повторение ее, однако, считаю совсем не вредным.

таны. Тем не менее, считаю уместным усилить эту начитанность тремя цитатами.

Н. М. Карамзин — в начале прошлого века: "Если б захотелось одним словом выразить, что делается в России, то следует сказать — воруют."**

А. И. Герцен — в середине прошлого века: "Я искореню взятки, — сказал московский губернатор Сенявин одному крестьянину, подавшему жалобу на какую-то явную несправедливость. Старик улыбнулся.

— Что же ты смеешься? — спросил Сенявин.

— Да, батюшка, — отвечал мужик, — ты прости; на ум пришел мне один молодец наш, похвалялся царь-пушку поднять и, точно, пробовал — да только пушку-то не поднял!"

Сенявин, который сам рассказывал этот анекдот, принадлежал к тому числу непрактичных людей в русской службе, которые думают, что риторическими выходками о честности и деспотическим преследованием двух-трех плутов, которые подвернутся, можно помочь такой всеобщей болезни, как русское взяточничество, свободно растущее под тенью ценсурного древа***.

Дж. Кеннан — в начале нашего века в книге "Сибирь и ссылка":

"Путешествуя по Сибири, я случайно встретился возле Иркутска с одним волостным писарем, — назову его Ивановым. Когда мы познакомились, и разговор зашел о сибирском взяточничестве, Иванов сказал: "М-р Кеннан, я беру взятки, я прекрасно знаю, что это бесчестно, но что мне прикажете делать? Я получаю ничтожное жалование. Мой непосредственный начальник, заседатель, берет взятки; его начальник, исправник, берет взятки; губернатор тоже берет их. Если я вздумал бы не брать их, меня тотчас же арестовали бы, как переодетого революционера, или прогнали бы с должности за то, что я хочу быть честнее и лучше, чем сами его превосходительство*"**

* М. Зощенко. "Избранное", том 2, издательство "Художественная литература", Ленинград, 1978, стр. 23.

**А. Герцен. "Былое и думы", издательство "Художественная литература", Москва, 1969, стр. 219.

***Дж. Кеннан. "Сибирь и ссылка", С.Петербург, 1906, издание Вл. Распорова, стр. 138.

Отметив, что теперешняя тень "ценсурного древа" по своей густоте отнюдь не уступает бывшей при Герцене, и что во время путешествия Кеннана по Сибири честность ассоциировалась с революционностью, посмотрим, как выглядят "их превосходительства" сегодня.

Вот тюремные свидетельства Владимира Буковского:

"**Действительно, каких только причудливых дел не прошло в шестидесятые годы через Лефортово. Обычно я писал этим людям кассационные жалобы, и они давали мне прочесть свои приговоры — иногда объемом в целый том, аккуратно переплетенный, как книга. Десятки страниц занимало только утомительное перечисление изъятых у них ценностей: бесконечные кольца, браслеты, диадемы, золотые монеты царской чекенки, слитки, драгоценная посуда, картины, иконы — груды золота и бриллиантов.**

Целые предприятия работали вместе с парткомами, профкомами и соцсоревнованиями, а доходы шли в карманы частных лиц — зам. министров и начальников управлений. И, наоборот, числились на бумаге целые промышленные комплексы, значились в планах, получали государственные ассигнования — в действительности же рос на их месте среднерусский лесок или расстилались степи. Все контролеры и инспекторы получали регулярно зарплату от расхитителей, и процветали мифические предприятия. Даже ОБХСС был у них на зарплате. Куда там Чичикову с его убогими мертвыми душами! Даже мэр Москвы Бобровников сел в тюрьму за торговлю квартирами. А секретарь обкома Ларионов застрелился, когда вскрыли его махинации". /В. Буковский "И возвращается ветер..."/

К свидетельству В. Буковского могу добавить разоблачение "отцов" Ворошиловграда в 1974 г., когда за крупные хищения была отдана под суд и пошла в тюрьму вся верхушка областной администрации, начиная с заместителя председателя облисполкома. Председатель, а также секретарь обкома Шевченко в системе парализации не могли стать уголовными преступниками и судимы не были. Судьба опального председателя мне не известна, а Шевченко был направлен руководить одной из многих угольных шахт области. Не был судим также секретарь ЦК Грузии — Мжаванадзе, отстраненный от "генерал-губернаторства" в 1972 году, хотя общеизвестны /разумеется, не из официальной печати/ фантастические истории взяточничества и казнокрадства, чинимых им самим и его семейством. Не менее знаменит в этом смысле и бывший секретарь Ленинградского обкома Ф. Козлов. В настоящее

время в следственном заключении находится заместитель министра рыбной промышленности Рытов, обвиняемый в крупных хищениях и незаконных валютных операциях, осуществлявшихся через магазин фирмы "Океан". На следствии Рытов показал, что передал министру Ишкову 40 тыс. рублей. Ишков отправлен на пенсию.

Разумеется, "тень ценсурного древа" скрывает куда более длинные, чем приведенные здесь, списки взяточников и казнокрадов среди высших государственных чиновников. Можно утверждать, что "их превосходительства" сохраняют завидную верность традициям вековой российской коррумпированности чиновничьей касты. Беда в том, что теперь на душу населения приходится раза в три больше высших государственных чинов, чем в царской России. Это объясняется, во-первых, тем, что к обычной государственной администрации прибавилась не менее многочисленная, но более могущественная партийная администрация; во-вторых, образованием не существовавшей раньше производственной администрации: несмотря на то, что в 1913 году не было ни Министерства сельского хозяйства, ни Министерства сельского строительства, в стране было собрано зерновых в пересчете на 100 000 человек населения столько же, сколько в 1975 году; в 1913 году реки и озера еще щедро поставляли рыбу к столу разных слоев населения, хотя тогда не было Министерства рыбной промышленности и т. д.

Но еще большая беда в том, что коррупция высших чиновников лавинообразно заражает средние и нижние слои чиновного мира. Пример того, как это происходит, взят из той же книги В. Буковского:

"Сначала они сами же толкают тебя на преступление..., а потом сажают. Что ни месяц, требуют из обкома партии сдать досрочно то один объект, то другой, при этом отлично зная, что ни фондов, ни строительных материалов у меня для этого нет... Это еще что, а то для них лично, левым образом, требуется построить то гараж, то виллу, или дорогу к дому. И письменных приказов никто, конечно, не посылает, а трубочку поднимет: "Иван Иванович, сделай доброе дело, сам знаешь..." а рабочие? У меня по управлению только краски за день

на 500 рублей крали — им же тоже нужно подработать — на зарплату на больно-то проживешь”.

Лавинообразное распространение казнокрадства, как мы видим, захлестывает не только чиновные слои населения. Но к этой особенности сегодняшней коррупции мы вернемся чуть позже. Пока же, чтобы не быть голословным, еще немного примеров коррупции в среднем и нижнем чиновничестве.

Газета “Труд” от 18 января 1978 г. в статье В. Толстова “Детектив без детектива”:

“Миллионы зрителей видели недавно по Центральному телевидению документальный фильм “Детектив без детектива”. Он рассказывал о разоблачении группы мошенников, выдававших себя за ответственных работников торговли и обманом получавших деньги с граждан, обещая помочь им приобрести вне очереди автомобили, мебель, новые гарнитуры и другие товары. Следствие установило, что через руки мошенников в разное время прошло в общей сложности свыше 737 тысяч рублей. Серова, работавшая старшим консультантом Промимпортторга Министерства торговли СССР, имела доступ к бланкам финансовых документов, печатям и штампам. Контроль за ними был поставлен слабо, и это позволило преступнице широко использовать бланки документов с печатями для своих афер. Мошенники действовали хитро, выискивая жертвы среди людей недобросовестных, уверенных в том, что взятка открывает путь к любому дефицитному товару...”

Обратите внимание на последние слова цитаты. Если через руки мошенников прошло свыше 737 тыс. рублей, то не так уж мало встретилось им недобросовестных людей, уверенных в том, что взятка — кратчайший путь к дефицитному товару. Объясняется это отчасти и тем, что теперь список дефицитных товаров, наверно, уже короче перечня дефицитных. И если дефицит порождает взятку, то взятки несомненно расширяют дефицит. И этот процесс с глубокой обратной связью нарастает тоже лавинообразно.

Вот одна весьма красочная иллюстрация широты диапазона дефицитных товаров и характерного для условий дефицита состояния товарно-денежных отношений” — “Литературная газета” от 8 августа 1979 г. в статье А. Ваксберга и С. Вологжанина “Режиссер и исполнители”: “Размахивая ворохом мандатов и справок, он врывается в магазины, на склады, в кабинеты ответственных лиц и требовал — срочно, немедленно, сейчас же! — балык и колготки, икру и япон-

ские зонтики, дамские комбинации, свежий окорок, махровые простыни, копченые языки, сапоги на платформе, селедку в пряном посоле и подписку на Виктора Гюго... Следствие установило /то, что лишь удалось установить/: за три года незаконным путем Двойрис “обчистил” торговую сеть, выкачав из нее так называемых товаров повышенного спроса на 15 с лишним тысяч рублей по государственным ценам. Сбывал же он товары по ценам в три, пять и даже семь раз их превышающим. Но мог ли он это сделать, если бы перед ним услужливо не раскрывались двери в “подсобки”?”

Я тоже хотел бы задать авторам этой статьи три вопроса:

1. Почему, по мнению авторов, в конце XX века в стране “развитого социализма” дамские комбинации, сапоги на платформе, колготки и т. п. приходится доставать через “подсобки”, а не покупать у прилавка?

2. Сколько раз в течение своей сознательной жизни, непрерывно занимаясь повышением своих общественно-политических знаний, авторы повторяли на различных семинарах, что “бытие определяет сознание”?

3. Каким образом авторы достали к новогоднему столу икру, селедку в пряном посоле, копченые языки и свежий окорок? Неужто запросто купили в первом попавшемся гастрономе?

Вопросы, конечно, риторические, поскольку ответить на них может безошибочно любой советский человек.

У КАЗЕННОГО ПИРОГА

Надо помнить, какое несметное число чиновников состоит теперь на государственной службе — ведь все виды производства принадлежат у нас государству, следовательно, все инженерно-технические работники, имеющие хотя бы минимальное право отдавать распоряжения другим участникам производства, являются государственными служащими или чиновниками. Именно инженеры и техники того строительного управления, которым командовал Иван Иванович Трофимов, позволили рабочим красть ежедневно одной только краски на 500 рублей. Позволили, движимые благотвори-

тельностью, — иначе все рабочие у них разбежались бы, план остался бы невыполненным и премию они не получили бы. А как без премии купить дефицитные колготки жене и детям, сапоги на платформе, да и копченые языки любят не только начальники Главных управлений? Ведь все это покупается не у прилавка, а в "подсобках" по цене, в три, пять и даже семь раз превышающей государственную. Как же этого добра напасть по государственной цене при таком способе выполнения государственных заданий?

Воистину, "земля наша богата, порядка в ней лишь нет".

Этими словами А.К. Толстого, написанными более 100 лет назад, можно закончить разговор о размахе и последствиях коррупции, пронизывающей сегодня все уровни советского чиновничества — сословия, создаваемого государством исключительно ради порядка в государственных делах*.

К сожалению, взяточничество и казнокрадство перестали теперь быть привилегией чиновной бюрократии. Коррупцией теперь охвачены почти в равной степени все слои общества. От казенного пирога /он же государственный и народный/ сегодня одинаково спешат откусить министр и маляр, доктор философии и ночной сторож, командиры промышленности и официантки. Прокурор берет взятку за пересмотр дела, ректор — за поступление в университет, сапожник — за ремонт башмаков, председатель совхоза — за разрешение косить траву вдоль дороги, врач — за место в клинике, медсестра — за каждый укол, нянечка — за каждое поданое судно, хирург — за операцию, слесарь — за установку крана, мэр Москвы — за прописку в столице, мясник — за оставленный кусок вырезки. И если коррупция, как бы спускалась вниз по классовой лестнице, то мелкая спекуляция поднималась ей навстречу. Сегодня без зазрения совести спекулирует всяк, кто может: надменные дипломаты — американскими джинсами и японскими транзисторами, хамоватые проводники вагонов —

* Я, конечно, понимаю, что государство и его правительство далеко не одно и то же; государственные и правительственные интересы совсем не одно и то же, но в данной работе нет места для рассмотрения этого весьма не простого соотношения.

южными фруктами и столичными колбасами, "старые большевики" — талонами в продуктовый распределитель, шоферы — картошкой. Словом, равенство!

Не стану приводить выдержки из газет и описывать собственные наблюдения, подтверждающие бесклассовый характер нынешней коррупции — каждый и так имеет удовольствие ежедневно испытывать на себе проявления ее вздорного характера. Более резонно, по-моему, рассмотреть причины этого явления.

Однако сначала оговорю свое отношение к вопросу, часто теперь обсуждаемому среди всех слоев нашего бесклассового общества: "А у них-то лучше, что ли?"

Я не говорил и не думаю, что коррупция — исключительно российское или советское явление, — описаниями и разоблачениями этого хронического общественного порока пестрят газетные полосы всех стран мира. Но все-таки, насколько можно судить о том, чего не видел собственными глазами, "у них-то" с коррупцией теперь полегче, чем у нас. И объясняется это несколькими причинами.

У нас между государством — всеобщим работодателем — и населением — наемным работником, — сложились производственные отношения, которые довольно точно характеризуются уже упоминавшейся здесь поговоркой: "Государство делает вид, что платит, а мы делаем вид, что работаем". Понятно, что такой затянувшийся спектакль приводит к взаимному обнищанию. Но никто не может делать вид, что живет — жить надо на самом деле.

Я уже говорил, что сейчас в Советском Союзе никто не голодает, все одеты и обуты, и у всех есть крыша над головой. Но дело в том, что в XX веке жизненный уровень — это не абсолютное число ежедневно потребляемых калорий, не количество квадратных метров жилья на душу населения, не количество ежегодно снашиваемой обуви, а отношение этих показателей к представлению о том, какими они могут и должны быть. В век же радио и сверхзвуковых полетов наше представление о том, какими они должны быть, конечно, равняется на жизненный уровень промышленно развитых стран,

где, как все знают, свежий окорок, копченые языки, дамские комбинации и подписка на Виктора Гюго доступны и без вора мандатов и справок. Я не стану доказывать, что средний, общий или любой частный жизненный уровень на Западе выше нашего — это все давно знают. Поэтому все стараются всеми возможными способами приблизить свой жизненный уровень к сложившемуся представлению о нем. Эти старания подхлестываются тем, что уже без радио и рассказов очевидцев о жизни на Западе, а своими глазами можно увидеть, как здесь, у нас, многим удается достичь желанного совпадения. Одним — с помощью отнюдь не фальшивых мандатов, другим — отнюдь не фальшивых денежных знаков. И если зарплата продавца /как правило, продавщицы/ 100—120 рублей, а дамские сапоги стоят 90 руб., надо ли удивляться тому, что на прилавках магазинов сапоги почти никогда не появляются, а купить их можно только у спекулянтов, но уже по цене 120—170 рублей. И если зарплата замминистра 500—600 рублей*, а сапоги стоят 150 рублей, надо ли удивляться тому, что производственные планы утрясаются с помощью коньяка, а за границу едет не тот, кто может заключить выгодные для государства сделки, а тот, кто привезет начальству в подарок две пары дамских сапог. А если планы утрясаются с помощью коньяка, то как на всех сапоги нашить, селедку насолить. Впрочем, мы уже ходили по этому замкнутому кругу.

ДЕФИЦИТ - КОРРУПЦИЯ - ДЕФИЦИТ

Недавно в будний день мою машину ремонтировали два научных сотрудника, работающие в одном из пресловутых ВНИИ. Отремонтировали быстро и хорошо. И плата была не выше той, которую взяли бы на станции техобслуживания, куда, наученный горьким опытом, я не стал обращаться,

*Я знаю, что высшие чиновники получают дополнительную плату в конверте" и смехотворно дешевые путевки в закрытые санатории и т. п., но все это мелочи по сравнению с их представлением о должном.

поскольку там только делают вид, что ремонтируют машину, а я уже вышел из того возраста, в котором приятно делать вид, что на машине едешь,— ездить мне надо на самом деле. Можно спросить: какое отношение к коррупции имеет этот ремонт? Отвечу, но, к сожалению, не коротко.

В этот день мои мастера получали зарплату за научную работу, каковой ремонт автомобиля никак не назовешь. Судя по мастерству и полученным мной рекомендациям, делают это они не впервые, и начальство их должно быть уже осведомлено, каким образом они повышают свой жизненный уровень. Но покрывает их, поскольку не хочет лишаться толковых работников и не хочет скандала, а хочет спокойно получать свою сравнительно высокую зарплату и само в это время, возможно, занято тем же самым — работой на стороне, и не обязательно такой полезной, как ремонт автомобиля, скорее всего — одной из тех восьми, на которые едва успевал приходиться директор Всесоюзного заочного машиностроительного техникума. Государство не получило ни копейки полагающегося ему налога. Я и сотни других автовладельцев, как уже имеющих необходимый опыт общения со станциями техобслуживания автомобилей, так и бестолково убивших там время, получили в этот день зарплату совсем не за ремонт своих машин.

Дирекция станций технического обслуживания автомобилей тоже прекрасно знает, что ее работники за официальную плату валяют дурака, но должна покрывать их, чтобы они могли за настоящую работу получать на месте — себе в карман; иначе они разбегутся, а дирекция потеряет теплое место, позволяющее получать коньяк за ремонт без очереди, дефицитные продукты из "подсобки" гастронома в обмен на дефицитные запчасти из собственной "подсобки" и т.д. Кстати, некоторые автостанции могут похвастаться весьма совершенной организацией такого рода коррупции. Так, на станции, расположенной у выезда из Москвы по Варшавскому шоссе,— на самой крупной станции в городе и, наверно, в Союзе,— уже год над конторкой, где оформляется мелкий ремонт, висит объявление, извещающее, что из-за неисправности механизма

разбортовки колес вулканизация и смена автокамер не производится. Тем не менее, за обтянутыми прозрачной калькой окнами цеха нехитрая эта операция осуществляется вполне успешно — за три рубля наличными, приложенными непосредственно к спущенному колесу. И все это происходит под боком милицейского поста, где однажды меня остановили и вежливо осведомились, не имею ли каких-либо претензий к обслуживанию на станции /кто-то не выдержал и донес-таки/. Не потратив и секунды на раздумье, я ответил, что всем премного доволен, ибо понимал, что, если автохитрецов поймают, то механизм разбортовки будет действительно сломан, и в следующий раз я буду вынужден сам менять и клеить камеру.

Такие же объявления украшают стены бюро по ремонту квартир, ателье, сапожные мастерские. И смысл их тот же самый.

А кто в этом виноват? Да все тот, кто первый стал "делать вид". Он же более всех и пострадал.

Справедливость требует отметить, что рабочие некоторых профессий, например, металлурги и шахтеры лишены возможности левой работы и, следовательно, дополнительных заработков, но это то самое исключение из правила, когда государство не может делать вид, что платит, и многие квалифицированные металлурги и шахтеры зарабатывают больше заместителей министров.

Естественно, что такого рода производственные отношения порождают тот самый "дефицит", о котором здесь уже было так много сказано. Вряд ли стоит тратить слова и время на объяснение механизма обратной связи: дефицит — коррупция — дефицит. А коррупция и дефицит означают повышение цен, и добро бы только на мебельные гарнитуры, автомобили и икру, но ведь мясо и масло для большинства городов тоже давно уже дефицит. А где взять деньги на дефицит? Все там же — в левой окраске стен, в ремонте машин, в работе на восьми должностях. А кто лишен таких возможностей дополнительного заработка, тот проводит все время /часто рабочее/ в бесконечных очередях за дефицитом — да не за мебелью

и автомобилями, а за мясом, помидорами, простынями, колготками, и тоже не работают.

Если же все не работают, то как не быть дефициту и кому разомкнуть этот несомненно порочный круг? Тому, кто первым стал "делать вид".

Хронический дефицит и необходимость хоть как-то противостоять коррупции порождают всевозможные административные запреты: запрещена прописка в крупных городах, сравнительно сносно снабжаемых продуктами; запрещена отправка по железной дороге купленной в магазине мебели, если нет справки о переезде в другой город; запрещена отправка по почте фруктовых посылок с юга; запрещена для инженерно-технических работников служба по совместительству. Доступ к "справкам и мандатам", открывающим, в свою очередь, доступ к должностям и дефициту, тоже ограничен — пришлось ввести строгую норму для "интеллигенции" на вступление в партию.

За выполнением запретов следят чиновники. Могут ли они на свою зарплату купить дефицит? Могут, наверно, если учесть, что преодоление запрета на прописку стоит 3—5 тысяч рублей, на отpravку мебели — 50 рублей, фруктовой посылки — 1 рубль; нетерпеливым карьеристам удавалось обойти очередь на вступление в партию за 500—700 рублей.

Чиновник тратит эти деньги все на то же — на окраску стен, на ремонт автомашин, на мясную вырезку. Вот еще один круг замкнулся. И тоже несомненно порочный.

Десятилетия почти безраздельного господства парализации во всех областях духовной жизни страны сломали в сознании народа те врожденные нравственные устои, которые были последним препятствием на лавинном пути коррупции.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Трудно сейчас сыскать того мелкого чиновника, кто вслед за волостным писарем, встреченным Дж. Кеннаном в Сибири, мог бы повторить: "Я беру взятки, я прекрасно знаю, что это

бесчестно..." Конечно, первую часть этой фразы должны сейчас произнести многие, но вторую... И среди "их превосходств" вряд ли остались "те непрактичные люди в русской службе", которые вслед за московским губернатором Сенявиным захотели бы сказать: "Я искореню взятки".

Казалось бы, высшие чины государства должны первыми спохватиться, потому что наибольший вред коррупция приносит именно государству — стволу и основе их благополучного существования. Однако, они не только бездействуют, но, отравленные наркотиком парализи, самозабвенно долбят колуном коррупции сук, на котором сидят. Иногда кажется, что ничем, кроме помутнения разума, не объяснить столь нелепое самозабвение. Например, полновластные хозяева огромных российских территорий — обкомы и райкомы партии — не имеют в своем бюджете статьи представительских расходов. А расходы такие, разумеется, есть. Да и как им не быть у обкома, скажем, Тюменской области, где добывается чуть ли не две трети всей нефти страны, а площадь самой области, как извещает плакат на тюменском вокзале, равна Франции, ФРГ, Голландии вместе взятым? Как им не быть, если приходится принимать гостей из других таких же обширных областей и из Франции, Голландии ФРГ? Как их принимать, если представительские расходы официально не предусмотрены? Вот и принимай гостей за счет подчиненных предприятий, у которых и на свои-то нужды такие расходы не предусмотрены. Как же предприятия выкручиваются из этой щекотливой ситуации? Выписывают премии за выполнение мифических планов. И все об этом знают: знает обком, знают работники предприятий, расписывающиеся в платежных ведомостях на получение денег, уплаченных за хлебосольный русский прием, знают ревизоры, знают официантки. Не знают только официальные сводки о выполнении государственных планов. Мелкие ресторанные приемы частенько вообще не оплачиваются — не присылать же секретарю обкома, члену ЦК КПСС счет за уху и водку. Такое у нас и вообразить невозможно! Но кто-то же должен заплатить за уху и водку? Платят понемногу остальные клиенты ресторана. Откуда они

берут на это деньги? От покраски стен, от ремонта автомобилей, от разрешений на прописку. Ну чем, кроме помутнения разума, можно объяснить этот парадокс: тем, кто распоряжается миллиардным хозяйством, не доверяют распоряжение мизерными суммами на представительские расходы!

Повторяю, я не думаю, будто коррупция исключительно российское или советское явление. Но полагаю, что сейчас в Советском Союзе сложилась ситуация, позволяющая сработать диалектическому закону перехода количества в качество, действие которого так усердно изучается на семинарах по теории марксизма: лавинообразное распространение взяточничества и казнокрадства достигло или вот-вот достигнет того размаха, при котором хозяйство страны станет неуправляемым.

В противовес своим взглядам на эту ситуацию хочу привести одну из возможных ее оценок, данную Борисом Шрагиным в книге "Противостояние духа": "Мы имеем дело с большим обществом, но болезнь его — прежде всего, духовной, а не экономической и не социальной природы. Перед нами система, которая не просматривается через экономические очки, потому что экономика играет в ней исчезающе малую роль. Она доказала — и не раз — свою способность сохранять прочность при экономическом развале".

Полагаю, что очевидцам экономического развала это рассуждение покажется, прежде всего, слишком утонченным. Но, конечно, не сама рафинированность мыслей Бориса Шрагина вызывает мои возражения, а их содержание.

Во-первых, духовная, социальная и экономическая жизнь общества скреплены столь глубокими обратными связями, что "природа" одной из них не может считаться первичной, а других — производной. И болезнь, поразившая одну из компонент общественной жизни, немедленно вызывает заболевание других. Надеюсь, что таким же образом происходит и оздоровление общественного организма. Если эта надежда необоснованна, то будущее нашего общества представляется мне бесперспективным.

Во-вторых, любой степени бедственное состояние экономи-

ки отличается от экономического развала не количественно, а качественно: в первом случае, при самых тяжких для населения условиях жизни, государство сохраняет контроль над экономикой страны; во втором — такой контроль неудержимо ускользает из рук государства. Причем, нарастание экономических бедствий и экономический развал не обязательно связаны законом перехода количества в качество.

В-третьих, если даже Шрагин прав и советская общественная система "доказала" — и не раз — свою способность сохранять прочность при экономическом развале, то совсем не очевидно, что она сумеет это доказать еще раз. Так, человек, перенесший несколько инфарктов, не должен думать, что его организм доказал свою прочность.

И, наконец, "уроки Великого Октября" должны были научить нас тому, что политический и экономический развал системы добром не кончаются.

* * *

Лев Николаевич Толстой в беседе с В.Ф. Лазурским высказал однажды свое отношение к "футурологии": "Меня всегда занимал вопрос, что сказали бы, например, самые умные римляне эпохи Сенеки, если бы собрать их и спросить, что произойдет в будущем. Наверное, ничего не угадали бы. Они говорили бы, что цирк разовьется до совершенства, или что-нибудь в этом роде. Трудно, невозможно предвидеть."

Но человек и его общество не могут существовать без хотя бы самого приблизительного прогнозирования хотя бы самого недалекого будущего.

Для того же, чтобы такое прогнозирование хотя бы немного отличалось от свободной игры воображения, общество должно иметь возможность всесторонне оценивать свое уже наступившее состояние.

Именно ради этого я и потратил столько слов, не претендуя на полноту, а лишь на беспристрастность описания только тех сторон современной советской действительности, которые стали характерны для нее в последние два десятилетия. Разумеется, реальность всегда много шире любого ее описания.

Илья СУСЛОВ

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ • Вышла из печати
Это повесть о жизни молодого москвича Толи Шифрина, он тщетно пытается найти свое место в сталинско-хрущевско-брежневском обществе. Трагикомические ситуации, в которые то и дело попадает герой повести, закономерно подводят его к мысли об...

Читатель уже догадался, к какому выводу приходит Толя Шифрин, с жизнью которого Вы можете познакомиться, прочитав повесть Ильи Суслова. Книгу можно заказать, послав чек на 6 долларов /и 1 доллар за пересылку/ по адресу: Ilya Suslov, 13545 Vandalia drive,

Rockville, md, 20853, USA

Илья Суслов, бывший советский журналист, сатирик, редактор и драматург, живет сейчас в Вашингтоне. В начале шестидесятих годов он работал в Москве в журнале "Юность", а с 1967 по 1973 год редактировал знаменитый "Клуб 12 стульев" "Литературной газеты". Его повесть "Прошлый годний снег" была переведена на английский язык и вышла в издательстве "Индиана юниверсити пресс". Сейчас Илья Суслов работает в журнале "Америка".

По мнению "Индиана юниверсити пресс" повесть Суслова — это "Один из лучших образцов комической прозы, вышедшей в последнее годы из России...".

"Киркус ревью" называет повесть "Смешное саркастическое повествование о странной, абсурдной жизни, которой живут люди в неподвижном советском обществе...".

Вольфганг Зеев РУБИНЗОН

АЛИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Хотелось бы начать эту статью с некоторой, не очень веселой предыстории. 21 августа 1980 года инженер-нефтяник Аркадий Зицерман, приехавший год назад из СССР в Израиль и проживавший в центре абсорбции, специальном доме для новоприбывших, покончил жизнь самоубийством, выпрыгнув с пятого этажа. Самоубийство Зицермана послужило сигналом к забастовке многих сотен новых иммигрантов из Советского Союза. Какая-то часть израильского общества отозвалась на это происшествие негодуяще: вот она, благодарность! Маленькое государство, не имеющее почти никаких природных ресурсов, делает все возможное для того, чтобы абсорбция новоприбывших из Советского Союза проходила легко и удачно. Им предоставляются жилищные условия, которым мог бы позавидовать не один израильтянин, их бесплатно обучают языку, им платится стипендия, дающая возможность прожить, скромно, но прожить, пока они устроятся на работу. А они?! Подобная реакция некоторых политических деятелей и многих простых израильтян — по-человечески вполне понятная — не способна,

однако, объяснить, почему все-таки произошел "взрыв", вылившийся в забастовку десятков центров абсорбции. И вот думающая часть старожиллов начала задавать себе другие вопросы: "А нет ли тут нашей, коренных израильтян, ошибки? Почему люди, едущие в США, ФРГ и другие страны, предъявляют претензии лишь самим себе, а тут, на Исторической родине, в Израиле, они всем недовольны."

Многие знают, что по отношению к иммиграции в Израиль не употребляется привычная терминология "иммиграция" или "эмиграция", а употребляются слова "алия" /восхождение/ или "ерида" /спуск, падение/. Я не собираюсь вдаваться в семантический анализ этих понятий, но позволю себе заметить, что за этой терминологией скрывается глубокий смысл. Алия, как и всякий подъем на гору, сопряжена с усилиями, с желанием добраться до вершины, с целеустремленностью и напористостью. В то же время спуск с горы /"ерида"/ и сопровождающий ее симптом "нешира" /то есть отсеивание по пути в Израиль/ — легок, как говорят, ноги сами несут человека, усилий от него не требуется. И, хотя расстояние от подножья до вершины и от вершины до подножья одинаково, путь обратно в диаспору кажется легче, короче и глаже.

Я бы совсем не хотел, чтобы читатели восприняли мои слова как некую моральную или этическую оценку этих понятий или тем более начали искать в ней некий потаенный пропагандистский смысл, я просто хотел дать фактическую оценку ценностей, с которыми встречается каждый приезжающий в Израиль. Это, если хотите, попытка фигуративно проиллюстрировать положение, с которым новоприбывшим приходится соизмерять свое желание абсорбироваться, свою готовность принести личные жертвы, если он сочтет лично для себя, для своей семьи и для своих детей целесообразным сделать такое усилие.

Говоря об объективных трудностях Израиля, нужно заметить, что, в противоположность тому, что думают многие выходцы из СССР, большую часть финансовых тягот, связанных с их абсорбцией, несет израильский налогоплательщик, а не американские и другие евреи диаспоры.

Сокращенный текст доклада автора на I международном семинаре по русскому языку и культуре /Берлин, сентябрь—октябрь 1980/.

Вот лишь некоторые цифры: в 1970 году, то есть за год до начала массовой алии из СССР, помощь евреев диаспоры составляла 410 млн. долларов, в 1971 году, то есть в первом году массовой иммиграции, эта цифра снизилась на 110 млн., в 1972 году она поднялась до уровня 1970 года. В год войны Судного дня /1973/ эта помощь резко повысилась, до 1100 млн. долларов, но уже на следующий год сократилась на половину, составив 550 млн. долларов. И с тех пор более или менее устойчиво держится на этом уровне. Таким образом, мы видим, что начало массовой эмиграции из Советского Союза /1971 — 1972 годы/ не сопровождалось увеличением помощи мирового еврейства Израилю.

Помощь еврейского народа диаспоры — и это очень важно — всегда составляла меньше половины расходов страны на закупку оружия за границей. И это не включая расходы на военную промышленность, содержание армии, потери рабочих дней на сборы резервистов и т.д. Если в 1970 году расходы на импорт военно-промышленных товаров составляли 750 млн. долларов, то в 1974 году, когда Израилю пришлось восстанавливать потери, понесенные в войне Судного дня, они достигли 2200 млн. и с тех пор держатся примерно на уровне 1700 — 1800 млн. долларов. Эти цифры для нас важны хотя бы потому, что они раскрывают не только финансовые источники, но и их структуру и, следовательно, помогают более правильно оценить источники и удельный вес расходов на иммиграцию.

Как известно, в мае 1977 года в Израиле сменилось правительство. Впервые за время существования страны к власти пришла правая коалиция. Несмотря на то, что во главе этой коалиции стоят или выходцы из Восточной Европы, или уроженцы страны, чьи родители оттуда приехали, большинство избирателей, проголосовавших за правые партии, принадлежат к числу выходцев из стран Азии и Африки или их детей, родившихся в Израиле.

Одна из причин, побудивших бедные слои населения голодовать за правые партии, была в том, что социалистическое правительство Израиля, особенно во времена Голды Меир, отдавало явное предпочтение иммигрантам из СССР. В то время,

как они получали квартиры на льготных условиях, обучались языку на оплачиваемых Сохнутум курсах и получали другие льготы, многие выходцы из стран Азии и Африки, составляющие 55 процентов населения страны, продолжали жить в тяжелых условиях. Почему так получилось, это другой вопрос, но факт остается фактом: новое правительство решило отплатить своим избирателям специальной "Программой восстановления и благоустройства", направленной прежде всего на улучшение их жилищных условий. Другое дело — как была выполнена эта программа. Но пока что заметим, что министром абсорбции, а впоследствии и министром строительства был назначен Давид Леви, уроженец Марокко, приехавший в Израиль в 1951 году. /Он и до сих пор живет в одном из отдаленных от центра городов страны, где более 80 процентов населения составляют выходцы из стран Азии и Африки./ Для реализации "Программы восстановления и благоустройства" премьер-министр Израиля привлек международную организацию выходцев из стран Магриба, во главе которой стоит мультимиллионер Нисим Гаон, проживающий в Швейцарии. Деньги, предназначенные для осуществления этой программы, не могли быть использованы на другие цели — например, на строительство квартир для новоприбывших из СССР, и, следовательно, эти деньги /примерно, 50 млн. долларов/ надо также сбросить со счетов, когда мы говорим о суммах, которые жертвуют евреи диаспоры.

Мне, разумеется, могут возразить: ведь Израиль получает крупные суммы от правительства США, и часть этих сумм предназначается на абсорбцию иммигрантов из Советского Союза. Действительно, это помощь солидная. От 300 млн. долларов в 1971 году она поднялась до 1800 млн. в 1979 году. Но все дело в том, что долг государства достиг таких размеров, что каждый из трех миллионов восьмисот тысяч израильтян /три миллиона двести тысяч евреев и шестьсот тысяч неевреев/ уже при рождении должны пять тысяч долларов.

Чтобы предотвратить банкротство страны, в 1979 году

Израилю пришлось всю американскую помощь в размере 1800 млн. долларов пустить на уплату процентов и на возврат соответствующей части долга. Так что реально государство не имеет благодаря этой помощи сколь-нибудь значительных "свободных" денег, которые можно было бы пустить на жилищное строительство или на создание дополнительных рабочих мест, то есть на индустриализацию страны. Наоборот, мы наблюдаем скорее обратный процесс. До 1977 года в Израиле была нехватка рабочих рук, каждый мог найти работу, хотя и не всегда по специальности. С приходом в правительство нового министра финансов Игаэля Гурвица политика правительства резко изменилась.

Игаэль Гурвиц пришел на свой новый пост из мира промышленников. Как его двоюродный брат Моше Даян, Гурвиц — уроженец Израиля, и он выходец из сельскохозяйственного поселения, из мошава Сде-Варбург. Десять лет тому назад нынешний министр финансов купил стоящую на краю банкротства молочную фабрику Тене—Нога. Приобретая фабрику, Гурвиц дал обещание оплатить все ее долги, но предъявил и свои требования и к кредиторам фабрики и к ее рабочим. От первых он потребовал отсрочки уплаты долгов на два года, дабы предприятие могло стать рентабельным, а перед вторыми он поставил неслыханный со времен создания государства "ультиматум": если они хотят остаться на фабрике, ему должно быть предоставлено право увольнять каждого, кто окажется ненужным производству или не захочет работать с полной отдачей сил. Если судить по данным самого министра — а других данных у меня нет — в конечном итоге право на увольнение им так и не было использовано. Немногие, которым не понравились новые порядки, ушли по собственному желанию, другие начали работать, повысив выработку и доходы на 180 процентов за два года. К концу второго года Гурвиц оказался не только в состоянии полностью рассчитаться с кредиторами, но и смог выплатить рабочим солидные премии из доходов предприятия.

Вот с этим удачным в личной жизни опытом Игаэль Гурвиц и пришел на пост министра финансов и, собственно, исходя из того же принципа, — или предприятие должно закрыться или быть рентабельным — принципа, выдвинутого Мильтоном Фридманом, он подошел и к решению экономических проблем страны.

Однако похоже, что эксперимент министра финансов, с таким блеском удавшийся на его собственном предприятии, потерпел полную неудачу в масштабах страны. Анализ причин этой неудачи выходит за рамки нашей статьи, однако на ее

последствиях, пожалуй, стоит остановиться, ибо без этого нам не понять глубинных причин провала абсорбции, о котором у нас еще речь впереди.

Теперь снова несколько цифр. В 1979 году число безработных составляло в среднем 800 человек в месяц, к марту 1980 года оно возросло до 4500, в июне их было 13 тысяч, а в сентябре — 53 тысячи человек. Согласно прогнозам Центрального статистического бюро на ближайшие пять лет, из общего числа оканчивающих израильские вузы — 55 процентов останется без работы, соответствующей их образованию.

Создавшаяся ситуация привела к резкому увеличению числа лиц, покидающих страну. По данным посла Соединенных Штатов в Израиле Самуэля Льюиса Израиль покидают в среднем 150 человек в день. В 1979 году посольство выдало примерно 90 тысяч выездных виз гражданам страны, в том числе пять тысяч — чиновникам, выезжавшим по служебным делам, тысячу — студентам, двадцать тысяч — частным лицам, в основном, выезжающим по делам своего бизнеса, и, наконец, 60 тысяч — туристам. Вот эта категория, пожалуй, для нас представляет наибольший интерес, ибо больше половины из этих 60 тысяч не возвращается в Израиль. Их средний возраст от 20 до 40 лет, в большинстве своем это люди, отслужившие три года в армии. За сумму, составляющую в среднем 2500 долларов, им устраивают на месте "зеленую карту" — и, таким образом, они делают первый шаг по пути превращения в американцев.

Сам по себе процесс эмиграции из Израиля не новый. Во времена первой алии /1882—1914 годы/ из числа уехавших из Европы 2367 тысяч евреев, до Израиля доехало только 55—60 тысяч человек. Из них свыше 50 процентов уехало из Израиля обратно в Европу, или в Америку, или в Австралию. С 1948 до 1980 года в США уехало примерно 450 тысяч израильтян, т. е. одна седьмая всего населения. А как обстоит дело с иммиграцией в Израиль выходцев из СССР? С 1974 по 1979 год из Советского Союза выехало 215 тысяч человек. 145 тысяч из них поселились в Израиле, 70 тысяч, то есть примерно одна треть, поехали в другие страны. Однако в данном

случае нас не столько интересуют абсолютные цифры, сколько их динамика, то есть какое количество раньше и какое теперь "не доезжает" до Израиля. В 1971 и 1972 годах число "не доехавших" составляло один процент, к 1973 году эта цифра увеличилась до 4 процентов, а за последние три года /1978—1980/ количество "ношрим" и "ердим" колеблется от 70 до 98 процентов. Последние цифры — как это ни прискорбно сознавать — приводят нас к выводу, что для евреев, уезжающих из СССР, Израиль теряет свою привлекательность.

В связи со все возрастающим нежеланием эмигрантов из СССР ехать в Израиль, в 1979 году при Иерусалимском университете была создана исследовательская группа, возглавляемая доктором Эли Лешемом /заведующим отделом планирования и исследования Министерства абсорбции/, которая решила провести опрос общественного мнения среди новых эмигрантов из Советского Союза. Участники группы рассмотрели четыре основных фактора, влияющих на решение советских евреев ехать в Израиль и абсорбироваться в стране. Вот эти факторы:

личные данные иммигранта, то есть демографические данные, его отношение к экономическим, политическим и социальным ценностям, его отношение к иудаизму;

социальное окружение иммигранта в СССР и реакция этого окружения на его решение покинуть Советский Союз и приехать в Израиль или же направиться в какую-то другую капиталистическую страну;

характеристика страны иммиграции, получаемая от родственников, друзей, соседей, уже проживающих в этой стране;

отношение органов абсорбции к новопривывшим, материальные и другие льготы и поощрения, предоставляемые органами абсорбции или общественными организациями, в стране иммиграции.

Исследование проводилось на основе опроса 348 человек, не приехавших в Израиль или покинувших его в течение

первых 6 месяцев своего пребывания в нем, и параллельной группы в 215 человек, оставшихся в Израиле.

Вначале о роли личных данных. Лица мужского пола, от 20 до 50 лет, выехавшие с семьей, состоящие в смешанных браках, люди с высокой или очень высокой научной квалификацией, выходцы из Москвы, Ленинграда, Сибири и Центральные области СССР, не абсорбировались в Израиле. То есть, это люди, более молодые, с сильно выраженной амбицией, стремлением к личному продвижению /экономическому, научному, социальному/, с более высоким образованием, со сплоченной семьей, — все они оказались более приспособленными, чтобы войти в мир свободного соревнования вне Израиля и предпочли использовать возможности, открывающиеся перед ними в этом мире.

Как показал опрос, и первая и вторая группа придавали первостепенное значение будущему своих детей, их экономическому благополучию и созданию для них "равных возможностей" в жизни. Впрочем, здесь выявились и расхождения. Одни считали важным, чтобы дети получили возможность жить еврейской национальной жизнью, для других решающее значение имело равенство экономическое и равные возможности делать карьеру.

Интересно отметить, что приезжающие в Израиль проявляют куда меньшую готовность менять профессию и приспособиться к новому образу жизни на Западе. Так, например, 200 иммигрантов, прибывших в Израиль и имевших законченное высшее образование, в течение 7 месяцев переучивались на бухгалтеров, а после этого не захотели или не смогли устроиться на работу по новой специальности. Суммируя сказанное, следует сделать вывод, что эмигранты, выезжающие в страны Запада, имеют обычно более конкретное представление о том, что их ждет. Избравшие Израиль, приезжают в состоянии эйфории, испытывают разочарование и легко озлобляются, впадая в другую крайность.

А какую роль играет еврейское национальное сознание — соблюдение религиозных обычаев, идиш вместо русского как первый язык, влияние антисемитизма и т. д.? Вопреки

распространенному мнению оказалось, что еврейское сознание не влияет на удачу или неудачу абсорбции. Хотя многие и утверждали, что их еврейское самосознание побудило их оставить Советский Союз, но все это сводилось, в конце концов, к тому, что они страдали от официального или неофициального антисемитизма и что "пятый пункт" мешал их социальному, научному или политическому продвижению. Сионизм как идеологическая основа необходимости жить в Израиле, как показал опрос, практически не влияет на результаты абсорбции. Наоборот, "не доехавшие" до Израиля выражали более сильные сионистские настроения.

О роли общественного мнения в СССР. Исследование показало, что общественное мнение в Советском Союзе — как евреев, так и неевреев, — в большинстве случаев, неофициально, поддерживает решение покинуть СССР. То же общественное мнение, особенно в Одессе, Кишиневе и некоторых районах Прибалтики, поддерживает идею отъезда на Запад, а не в Израиль. Тех, кто старается абсорбироваться, часто называют неудачниками или дураками.

Эмигранты из СССР отдают предпочтение отъезду в ту страну, где уже живут их родственники и друзья, уехавшие до них. Почти не удается абсорбция тех новоприбывших, чьи родственники поселились вне Израиля, даже если они еще и не устроились в новой стране. На выбор страны иммиграции сравнительно большое влияние оказывают "Голос Америки" радио "Свобода", рисующие, как правило, розовую, лубочную картину жизни на Западе. "Голос Израиля" в СССР старательно заглушается, и у потенциальных эмигрантов почти нет объективных сведений об Израиле — ни хороших, ни плохих.

У тех, кто решил не ехать в Израиль, зачастую существует о нем хорошее мнение, но они все-таки стремятся вначале попытаться счастья в другом месте. Израиль, мол, всегда останется "про запас". И наоборот, те, кто приехал в Израиль и хотят здесь абсорбироваться, зачастую на основе американских фильмов, заполняющих экраны израильского кино и телевидения, испытывают острое чувство потери, им кажет-

ся, что их обошли или обманули, они требуют, чтобы Израиль возместил их "жертву". Когда их желания не исполняются, то у них появляется чувство гнева, ненависти к органам и чиновникам абсорбции, да и по отношению к стране и ее жителям в целом.

Широко распространено мнение, что негативные письма, посылаемые новоприбывшими из Израиля, влияют на выбор места эмиграции. При проверке эта посылка оказалась ложной. "Ты, мол, не устроился, так ты вообще нигде никогда не мог устроиться. Я — умнее тебя, у меня все будет иначе...". Мнения других, их удачи или злоключения имеют минимальное влияние на процесс и выбор места эмиграции.

А каково влияние Хиаса и других подобного рода организаций на алию и абсорбцию? Несмотря на то, что правительство Израиля, еврейское агентство /Сохнут/ и сионистские организации готовы во всем винить слишком щедрую помощь Хиаса, еврейских общин и т. д. во всех неудачах абсорбции а главным образом в том, что выходцы из СССР не хотят ехать в Израиль, при проверке оказалось, что 77 процентов, не приехавших в Израиль или покинувших его в течение первых 6 месяцев, еще будучи в СССР, приняли решение направиться на Запад. И только 18 процентов остались бы в Израиле, даже если бы помощь еврейских организаций была сокращена или упразднена. С другой стороны, лишь 9 процентов заявили, что они остались бы в СССР, если бы выбор был — или Советский Союз, или Израиль. Отсюда следует, что никакие действия или, напротив, бездействие израильских органов абсорбции не имеют решающего влияния на выбор места иммиграции.

Как показал опрос, для успешной абсорбции необходимо, чтобы новоприбывший имел в Израиле родственников или друзей, помогающих его устройству, важное значение приобретает сознание того, что Израиль — это единственная в мире страна, где еврей может жить, обладая чувством полного равноправия. Большую роль играет устройство человека на работу в соответствии с его специальностью, квалификацией и его бывшим положением. Лучше всего, если

имеется, или предвидится, или кажется, что имеется возможность продвижения вверх. Чем старше, чем хуже здоровье человека, покидающего СССР, тем больше шансов, что он абсорбируется в Израиле.

Подытожим сказанное и вернемся к началу нашей статьи. Бастующие иммигранты предъявили государственным органам Израиля ряд требований. Сместить министра абсорбции Давида Леви, как человека, не раз выражавшего свою ненависть к выходцам из Советского Союза. Немедленно предоставить работу и жилплощадь всем новоприбывшим. Создать комиссии из представителей Министерства абсорбции, Сохнута, Объединения выходцев из СССР, которые будут решать все вопросы, связанные с устройством новых иммигрантов. Уволить теперешних чиновников Министерства абсорбции и Сохнута, которые не годятся для работы с новыми иммигрантами.

Мы видим в этих требованиях сумятицу, смесь очень важного с малозначительным. Смещение, как и назначение министров, юридически относится к компетенции главы правительства, а практически зависит от игры реальных политических сил в правящей коалиции. Если говорить серьезно, дело не в личности министра и не в плохих чиновниках, а в объективных возможностях страны. Государство Израиль, по-видимому, оказало бы себе и потенциальным иммигрантам хорошую услугу, если бы честно признало, что оно не может абсорбировать людей с высшим образованием, и в первую очередь, это относится к людям с гуманитарным, общественно-экономическим и медицинским образованием. Сегодня 70 процентов врачей купат холим /больничной кассы профсоюзов/ состоят из выходцев из СССР. Это говорит об успешной абсорбции врачей, приехавших из СССР до 1979 года. Но врачей из СССР почти нет в больницах и на кафедрах медицинских факультетов. Да и больничные кассы, будучи в настоящее время полностью укомплектованными, вряд ли могут принять новых врачей. Точно так же обстоит дело и со слишком специализированными инженерами, научно-техническими работниками и людьми целого ряда других профессий.

Надо помнить, что абсорбция зависит от усилий двух сто-

рон — тех, кто приехал в страну, и тех, кто их абсорбирует. Без таких взаимных усилий процесс этот не может увенчаться успехом. В этой связи я бы хотел сказать о некоторых "субъективных" факторах, отрицательно влияющих на устройство новоприбывших. В Израиле больше, чем в какой-либо другой стране, люди боятся конкуренции. С одной стороны потому, что это страна маленькая, а с другой — потому, что это страна иммигрантов. Те, кто прибыл сюда раньше и с огромным трудом добились того, что у них есть сегодня, ни в коем случае не хотят расстаться со своими "завоеваниями". Я уже не говорю о том, что, будучи государством с искаженной социальной пирамидой, с разбухшей сферой обслуживания и острой нехваткой рабочих рук, Израиль объективно не заинтересован в приезде специалистов высокой квалификации. Особенно на фоне боязни конкуренции со стороны многих рядовых израильтян. Парадокс состоит в том, что правительство, исходя из сионистской идеи, не может себе позволить отказаться от алии, а многие рядовые жители, в условиях тяжелого экономического положения страны, выступают против нее, тянут в обратную сторону.

И, наконец, последний фактор — связь иммигрантов с культурой страны их исхода. Во время своего недавнего кратковременного пребывания в Берлине я встретился с "прямыми" и "йордим", которые, прибыв в Германию, по-прежнему тяготеют к русской культуре, к русскому языку, к обществу им подобных. В сентябре 1980 года они создали уже третью ложу Бней-Брит — ради того, чтобы быть среди своих. Встречи эмигрантов из СССР с немцами носят почти только деловой характер. С другой стороны, уроженцы Израиля, уехавшие в Германию, абсорбируются там легко, среди друзей у них много немцев, так как они хотят здесь абсорбироваться, а выходцы из Советского Союза — нет.

Один из моих родственников, иммигрант из России, проживший на Дальнем Востоке 60 лет, ставший миллионером, так и остался человеком, знающим лишь русский язык, он

читал только русские книги, интересовался только русской культурой. То же самое относится к выходцам из Германии, многие из которых прожили в Израиле полвека, но остались верными немецкой культуре. Мне кажется, что выходцы из стран с сильными культурными традициями, хорошо укоренившиеся в своих странах, или не могут быть переселены, или абсорбируются с колоссальным трудом, подобно тому, как трудно бывает пересадить старое, пустившее глубокие корни дерево, на новое место.

Я хочу подчеркнуть, что мои личные заключения, основанные на результатах опроса, не совпадают с рекомендациями группы исследователей. Они предлагают лучшее распространение правдивой информации об Израиле, качественное улучшение жизни в стране и прекращение или хотя бы уменьшение финансовой и юридической помощи тем, кто "ногами голосует" против Израиля. Вдобавок, не хотелось бы создать впечатление, что я разделяю взгляды тех, кто считает Израиль страной, пригодной лишь для неудачников, больных и стариков. Наоборот, опыт показал, что он, Израиль, сумел абсорбировать лучших, наиболее стойких людей, приехавших из России. Он сумел абсорбировать за последние годы прекрасных, высококвалифицированных специалистов. Но возможности маленькой страны объективно ограничены. Только создание новых рабочих мест, позволяющих использовать лучшие качества евреев диаспоры, перестройка экономики страны, которая превратит Израиль в технический, научный и культурный центр западного мира, позволят решить и проблеме абсорбции. Ибо этот новый Израиль сможет обрести притягательную силу для каждого еврея, пребывающего в размышлении, куда ему ехать.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА АРДИС

А Л Ь Б О М Ы :			
АННЕНКОВ, Ю. Портреты.	9.00	КУЗМИН, М. Вожатый.	3.95
ОКУДЖАВА, Б. 65 песен (с нотами)	11.00	Крылья.	4.50
ЦВЕТАЕВА, М.		Форель разбивает лед.	4.00
Биографии в фотографиях.	10.00	ЛИМОНОВ, Э. Русское (стихи).	4.50
		МАНДЕЛЬШТАМ, О. Камень.	2.50
АКСЕНОВ, В.		Тристаня.	3.00
Золотая наша железка.	5.00	Египетская марка.	5.00
АЛЕШКОВСКИЙ, Ю.		Воронежские тетради.	3.50
Николай Николаич.	4.50	МАЯКОВСКИЙ, В. Трагедия.	3.50
АХМАТОВА, А. Четки.	3.00	МЕТРОПОЛЬ. Альманах.	12.50
Белая стая.	3.50	НАБОКОВ, В. Дар.	7.00
Поэма без героя.	3.50	Весна в Фиальте.	7.00
Стихи, переписка.	3.95	Возвращение Чорба.	7.00
БЕЛЫЙ, А. Серебряный голубь.	6.00	Защита Лужина.	7.00
БЕЛОЗЕРСКАЯ-БУЛГАКОВА, О, мед воспоминаний.	4.50	Камера обскура.	7.00
БЕНЕ, С. Тело Джона Брауна.	9.00	Король, дама, валет.	7.00
БИТОВ, А. Пушкинский дом.	8.00	Лолита.	7.00
БРОДСКИЙ, И. Часть речи.	4.50	Машенька.	5.00
Конец прекрасной эпохи.	4.50	Подвиг.	6.00
БУЛГАКОВ, М. Незданное.	5.00	Приглашение на казнь.	7.00
Мастер и Маргарита.	5.50	Стихи.	7.00
ВАГИНОВ, К. Стихи.	2.50	Соглядатай.	7.00
ВАРЛАМОВА, И. Мнимая жизнь.	4.00	ОЛЕША, Ю. Зависть	4.00
ВВЕДЕНСКИЙ, А. Сочинения, т.1	7.50	ПАРНОК, С.	
ВОЙНОВИЧ, В. Иваницада.	3.95	Собрание стихотворений.	5.00
ГАЗДАНОВ, Г. Вечер у Клэр.	4.50	ПАСТЕРНАК, Б. воздушные пути.	4.50
ГИППИУС, З.		ПИЛЬНЯК, Б. Гольй год.	5.00
Письма к Ходасевичу.	3.00	Красное дерево.	3.00
ГЛАГОЛ №№1.2. Альманах.	4.00	ПЛАТОНОВ, А. Шарманка.	3.25
ГУМИЛЕВ, Н. Костер.	2.50	Котлован.	5.00
К синей звезде.	3.00	ПУШКИН, А. Путешествие в Арзрум.	4.00
ДОВЛАТОВ, С. Невидимая книга.	3.50	СОБОЛЬ, А. Любовь на Арбате.	4.25
ЕВРЕИНОВ, Н. Самое главное.	4.50	СОКОЛОВ, С. Школа для дураков	3.00
ЕСЕНИН, С. Избранные стихи.	3.95	Между собакой и волком.	5.00
ЕФИМОВ, И. Металлитика.	5.00	СОЛОГУБ, Ф. Мелкий бес.	6.00
Практическая метафизика.	8.00	СТРЕЛЕЦ. Сборник.	6.00
ЖДАНОВ, А. Доклад о журналах "Звезда" и "Ленинград".	3.00	УФЛЯНД, В. Тексты (стихи).	3.50
ЗАБОЛОЦКИЙ, Н. Столбцы.	3.00	ХЛЕБНИКОВ, В. Зангези.	3.25
ЗАМЯТИН, Е. Островитяне.	4.50	ЦВЕТАЕВА, М. Версты.	3.50
Нечестивые рассказы.	4.50	Проза.	8.50
ЗОЩЕНКО, М. Рассказы.	5.00	Лебединый стан (тв. обл.)	15.00
КАЙЗЕР, Р. Россия: власть и народ	9.50	ЦВЕТКОВ, А.	
КОПЕЛЕВ, Л. Хранить вечно.	9.50	Сборник пьес для жизни соло.	4.00
И сотворил себе кумира.	8.50	ЦЕХ ПОЭТОВ. Сборник.	3.50
КОЭН, С. Бухарин и большевистская революция.	12.50	ЧААДАЕВ, П.	
		Философические письма.	3.50
		ЧУКОВСКИЙ, К. Поэт и палач.	2.50
		ШЕСТОВ, Л. Начала и концы.	6.00
		ШИНГАРЕВ, А. Как это было. (Дневник министра Врем. правительства)	3.50
		ЭРДМАН, Н. Самоубийца.	3.50
		Отметьте нужные Вам книги, добавьте к сумме заказа 1 доллар на пересылку, укажите Ваш адрес, вложите чек и шлите заказ по адр.:	
		ARDIS, 2901 Heatherway	
		Ann Arbor, MI 48104, USA	

ПИСАТЕЛЬ И МИР

Посмотри, как, пенясь,
Течение ручья несется вспять...
Вот в этом-то стремлении
к истокам,
Наперекор всеобщему течению.
Таится дань ручья его истокам.

Роберт Фрост

Георгий БЕН

СТРЕМЛЕНИЕ К ИСТОКАМ

/О некоторых тенденциях в американской литературе и искусстве/

В свое время американский поэт Лонгфелло заявил, что "не текут к своим истокам воды". Если иметь в виду не гидрологию, а литературу и искусство, то мы можем уверенно сказать, что поэт ошибся. В современной американской литературе и искусстве, где не одно десятилетие самодержавно царил авангардизм, за последние годы возникло обратное течение — к доброй старой традиционности.

Возьмем для примера поэзию. В американской поэзии /да и не только в американской/, начиная с 30-х, а то и с 20-х годов, преобладал свободный стих, не связанный ни рифмой, ни размером. Преобладал принцип отказа от упорядоченности в изложении, хаотический синтаксис, логически непоследовательное расположение слов, нередко даже отказ от знаков препинания — и многие другие авангардистские приемы. И вот теперь воды стиха явно начали течь обратно. Ожили, казалось бы, давно покрытые нафталином стихотворные рудименты прошлого: рифма, четкий размер, последовательное изложение мыслей.

Это отнюдь не означает, что в американской поэзии классические формы некогда скончались и лишь теперь, подобно фениксу, возродились из пепла. И в те годы, когда в американской поэзии княжил и владел авангардизм, активно работали многие поэты традиционного плана, восходящие к патриарху американской поэзии Роберту Фросту. Эти поэты всегда пользовались большей или меньшей популярностью. Однако их читателями были, в основном, те, которых принято называть "простыми людьми", не искушенными в тонкостях элитарного искусства.

Фрост был любимым поэтом многих — от фермеров и инженеров до президента Кеннеди, — но высоколобые интеллектуалы считали его старомодным, а элитарная критика свысока журила его за невосприимчивость к новейшим идеям. Так, профессор Питер Майнке, преподаватель литературы в Эккердовском колледже во Флориде, вспоминает: "Десять лет назад, когда я анализировал стихи Фроста на занятиях моего поэтического семинара, молодым поэтам он явно не нравился, и притом по очень специфическим причинам: Фрост был консерватором как в политике, так и в поэзии... Фрост был слишком привержен традиционным поэтическим формам. Его классическое воспитание, его любовь к пасторальной поэзии древнего Рима и к английской поэзии XIX века, его пристрастие к изысканным, игривым рифмам — все это способствовало тому, что поэты, по крайней мере, молодые поэты, считали Фроста безнадежно старомодным".

Итак, положение до последнего времени заключалось в том, что авангардизм в поэзии доминировал. Большинство поэтов словно бы побуждало читателей следовать совету старейшего американского поэта Уильяма Карлоса Уильямса: "Не пытайтесь понять современное стихотворение. Слушайте его. Оно должно быть услышано. Иногда его очень трудно постичь... Не пытайтесь этого добиться". Похоже, было совершенно забыто другое высказывание того же Уильямса: "Если стихотворение не доставляет удовольствия, это не стихотворение. Любое искусство создается для того, чтобы доставлять удовольствие".

Собственно, во всем этом не было бы никакой беды, если бы авангардистская поэзия почти совершенно не вытеснила поэзию традиционного плана. Открыв любой номер престижного журнала "Поэтри"¹, вы страница за страницей продирались сквозь дебри поэтических экспериментов и лишь иногда встречали одно-два стихотворения, в которых были намеки на рифмы. Свободный стих в сочетании с нарочитой бессвязностью стал модой, и редактор нередко с порога отвергал, не читая, любые рифмованные стихи: они представлялись ему диковинными, никому не нужными ископаемыми.

Каким образом американская поэзия дошла до жизни такой? Она двигалась тем же путем, что и современная ей европейская поэзия, но не совсем параллельно ей. Если в первой половине XIX века американские поэты следовали обычно в фарватере поэтов Европы — в первую очередь Англии — то, начиная с Уитмена, американцы вырвались вперед и стали обгонять европейцев в своем авангардизме. Именно Уитмен был первым настоящим новатором в американской поэзии: он если не открыл, то первым в широкой мере использовал свободный стих и дал ему права гражданства — и этим оказал огромное влияние на всю мировую поэзию. Но и после Уитмена американская поэзия еще долго тяготела к традиционности. Толчок к развитию модернистской поэзии дали два европеизированных американца — Томас Стернс Элиот, переселившийся в Англию, и Эзра Паунд, переселившийся в Италию. Это были воистину великие поэты, и они оказали почти всеобъемлющее влияние на всю англоязычную поэзию, да и на поэзию многих других стран. Как пишет профессор Майнке, "все молодые американские поэты 30-х и 40-х годов выросли из Элиота. Поэзия стала иносказательной," трудной, ироничной, отстраненной — короче говоря, модернистской".

Элиот и его последователи доминировали в американской поэзии до начала 50-х годов. А в 50-е годы уже и они стали казаться чересчур традиционными, чересчур академичными, чересчур "буржуазными". В поэзии зазвучали новые лозунги: "Долой красоту!", "Долой последовательность изложе-

ния!", "Даешь непосредственное выражение чувства, как бы хаотично оно ни было!" И стихи стали нарочито некрасивыми — иногда грубыми до вульгарности — и нарочито бессвязными, а посему часто малопонятными. Поэты "разбитого поколения", или "битники", отказались от всех принятых норм и восславили стихийность поэтического языка. Они считали, что стихи нельзя "сочинять", стихи должны "сами изливаться из души", а посему исправлять и отделявать написанное стихотворение — это значит терять "диссоциативность" творческого процесса и, как писал Грегори Корсо, "надевать на поэта маску, которая закрывает его лицо от читателя".

"Битники" в своих стихах делали упор на декламационность — и они действительно начали то ли читать, то ли выкрикивать свои стихи на перекрестках, в ночных клубах, на политических митингах. Под знамя "битников" встали и некоторые поэты старшего поколения — например, Карл Шапиро, который раньше был поэтом вполне традиционным, но вдруг круто повернул руль своего творчества и провозгласил: "Долой стандарты!" Поначалу это казалось свежим ветром. Но если, скажем, Корсо был действительно очень талантлив, то его эпигоны, освобожденные от оков формы и логики, за короткое время создали невероятное количество плохих стихов, абсолютно неотличимых друг от друга и, вдобавок, абсолютно неподвластных никакой критике. По словам Карла Шапиро, рухнули все стандарты и критерии, на нарушение которых можно было бы указать этим поэтам. Стало просто-напросто невозможно определить, какое стихотворение является поэзией, а какое — графоманским бредом.

Но шли годы, уже и "битники" превратились в составную часть эстаблишмента, и надо было идти куда-то дальше вперед. Так возникали еще более авангардистские группы: "исповедальная школа", возглавленная замечательным поэтом Робертом Лоуэллом, "проецирующее направление" во главе с Чарлзом Олсоном, "поэзия глубокого образа", знаменосцем которой стал Роберт Блай.

Остановлюсь для примера на "проецирующих поэтах" — на мой взгляд, наиболее авангардистских из всех. В мани-

фесте этого направления Олсон заявил о необходимости "ритмического несовпадения фраз и даже их частей" и провозгласил, что стихотворение должно быть "панорамой" или "движущейся колонной слов", в которой поэт "проецирует свои мысли в естественном виде, без логической последовательности". По сути дела, это был призыв к тому, чтобы поэзия превратилась в незамутненную передачу "потока сознания", без примеси каких-либо других элементов. Вот, например, как пишет Олсон:

**...и швырнул свои кости —
он тоже был из читателей,
возносил алтари свои выше
крыши /пишущую машинку
на дерево/ — и распластался
на медунице, золотенькой,
муравей, умер**

с сознанием победы... /Перевод А. Сергеева/

Расцвет "исповедальной", "проецирующей" и иной подобной поэзии пришелся на 60-е годы и начало 70-х годов. Но время шло. Лоуэлл безвременно скончался, а прочие бунтари превращались в почтенных мэтров — и их новаторство тоже стало традицией. Что же дальше, маленький человек? Куда шагать вперед?

Конечно, фантазия человеческая неисчерпаема, и много чего еще, наверно, можно было придумать. Однако, ко всеобщему изумлению, поэзия вдруг зашагала не вперед, а назад, обратно к своим истокам. Поэты стали отказываться от "диссоциативности", хаотичности, логической непоследовательности. Им вновь стало доставлять удовольствие облекать свои мысли в изящную, стихотворную форму, и в поэзии вновь стало обретать право гражданства мастерство.

Как в солидных "толстых" журналах, так и в тонких авангардистских вновь ожили такие окаменелые реликты, как сонет, секстина, баллада, виланелла, октава, спенсера строфа, "героическое двестишье". Редактором журнала "Поэтри" — главного рупора американской поэзии — стал недавно Джон Фредерик Нимс, специалист по античной лите-

ратуре и поэт, приверженный таким традиционным жанрам, как эпиграмма, мадригал, стихотворный афоризм. Награды и почетные звания все чаще стали присуждаться поэтам, пишущим в классическом стиле. Новым консультантом по поэзии в Библиотеке Конгресса был назначен Уильям Мередит, который, как правило, пишет рифмованные стихи в строгих размерах.

Пулицеровскую премию по разделу поэзии и одновременно престижную Национальную премию книги за 1978 год получил за сборник "Избранные стихи" Говард Немеров, которого еще недавно считали старомодным и несовременным. Сам Немеров называет своим главным учителем Фроста и говорит, что он равняется на великих английских поэтов прошлого.

Сейчас на соискание этой премии выдвинут сборник стихов детского поэта Дэвида Маккорда "По одному". Маккорд, которому уже за восемьдесят, — автор звонких, кристально ясных, написанных классическими размерами стихов. В недавнем интервью журналу "Гарвард мэгэзин" Маккорд сказал: "Рифма... очень важна потому, что рифмованные стихи лучше запоминаются. А запоминать стихи наизусть — это одна из тех подлинных радостей, которые поэзия приносит и детям и взрослым".

О возврате поэтической реки к истокам традиции свидетельствует и возрождение интереса к поэзии Фроста. А ведь именно Фросту принадлежат презрительные слова о поэтах-авангардистах: "На моем веку было много поэтических экспериментов. Пытались, например, писать стихи без знаков препинания. Их пытались писать без заглавных букв. Писали стихи без образов, если не считать самые внешние наблюдения. Писали стихи без содержания, называя это чистой поэзией. Писали стихи, не умея их писать. Случается, что люди слишком хотят не походить на других. Любопытно, что придает им уверенность, что их непохожесть полноценна и разумна?"

Все это, конечно, не означает, что поэты отказываются от всех достижений авангардизма. Но эти достижения теперь

"загоняются" в строгие рамки традиционных поэтических форм, и это придает стихам дополнительную красоту и силу. Как сказал поэт Ричард Уилбер, "поэзия — это джинн в бутылке: джинн силен именно потому, что он сидит в тесноте бутылки".

При этом поэзия — далеко не единственный джинн, которого раньше выпустили из бутылки, а теперь загоняют обратно. Подобный процесс идет, пожалуй, во всех видах литературы и искусства Соединенных Штатов и Англии.

Возьмем художественную прозу. Еще совсем недавно главными кумирами критиков и читательской элиты были писатели, выросшие из Джойса и Пруста: например, французская "новая волна" или такие американские авторы, как Ральф Эллисон, Джеймс Болдуин, Уильям Бэрроуз. Американский критик Мэлколм Каули несколько лет назад жаловался: "Искусство рассказчика утратило ныне свое привилегированное положение... Каким-то образом распространилось и утвердилось мнение, что искусство рассказчика есть не что иное, как примитивное ремесло, и что писать интересно — значит идти по пути наименьшего сопротивления, а это достойно некоторого презрения, ...это постыдная уступка невзыскательной публике".

Правда надо отдать должное художественной прозе: реалистический роман и рассказ никогда не теряли в ней своих позиций. Но этот жанр пользовался опять же успехом у широкой "неэлитарной" публики, а критики и академические интеллектуалы тяготели к авангардистской прозе. И начинающие авторы, претендующие на художественные достижения, старались нырять в "новые волны".

Но взглянем на наиболее заметные книги молодых американских и английских писателей последних лет. Это почти сплошь то, что мы привыкли называть критическим реализмом. Это можно сказать и о романах самого, пожалуй, популярного сейчас англоязычного писателя В.С. Найпаула (он — индеец, родившийся в Вест-Индии и живущий в Англии), и о таких сугубо традиционных, в стиле Голсуорси или Дю Гара, "семейных" романах, как "Семья" Дэвида Планта,

"Семейный альбом" Дэвида Гэллоуэя и "Семейный трест" Уорда Джаста.

Оба прозаика, получившие Нобелевскую премию по литературе за последние пять лет, — это увлекательные рассказчики Сол Беллоу и Ицхак Башевис-Зингер. Как пишет американский критик Джонатан Ярдли, "возникает впечатление, что вместо литературного экспериментаторства 60-х и начала 70-х годов снова начинают возрождаться прежние формы и прежние темы, ...возрождается древнее искусство рассказывания интересных историй".

А что происходит в других видах искусства? В музыке — то же самое. Автор этих строк помнит, как в 1974 году он был в одном американском городе на концерте превосходной пианистки Жанны Доусон, которая в первом отделении играла Шопена, Листа, Шумана и Брамса, а во втором — произведения современных композиторов-авангардистов /не помню уж, кого именно/. По причине музыкального невежества, все второе отделение я неистово скучал, с тоской и вожделением вспоминая о замечательном первом. Раскрыв наутро газету, я увидел там рецензию на концерт: почти вся она была посвящена второму отделению — и лишь мимоходом было упомянуто, что в первом отделении пианистка исполнила всякую "романтическую чепуху". Таково было веяние времени. Правда, неискушенная публика — та самая, которая читала Фроста и Вука, — валом валила на концерты, где исполнялась тональная музыка, от Баха до Бриттена, но высокобояз критика на самые высокие пьедесталы ставила Шенберга, Веберна или Айвса. Как пишет видный американский музыкальный критик Гарольд Шенберг: "Музыка замкнулась в себе; лишенные публики композиторы удалились в университеты и стали писать музыку только друг для друга... Но сколько времени должно длиться культурное отставание публики? Десять лет? Двадцать пять лет? Сто лет? Львиная доля творческого наследия Арнольда Шенберга не сумела стать постоянной частью исполнительского репертуара. Из всей музыки Альбена Берга завоевало популярность лишь несколько пьес. Возникшая в 50-е годы нашего века

шумная мода на Антона фон Веберна теперь совершенно угасла, и нынешняя публика к нему равнодушна. Так, может быть, виновата сама музыка?"

Может быть, именно так. И вот, в последнее время, критики все чаще пишут о том, что композиторы возвращаются к мелодии и лиризму. Американский композитор Джордж Рохберг — в прошлом щеголявший атональностью и заявлявший, что мелодия не есть выражение нашего века, — этот самый Рохберг недавно написал скрипичный концерт, своими истоками восходящий не к кому иному, как к Брамсу. Появились молодые композиторы, музыка которых, как и творчество молодых поэтов, возвращается к истокам. И их стала баловать своим вниманием критика — и потому они, по словам Гарольда Шенберга, "чувствуют себя гораздо свободнее в своем творчестве и могут спокойно писать по-настоящему мелодичную музыку, не опасаясь, что их назовут ретроградными".

"Ключ к тому явлению, которое столь неожиданно появилось в музыке, могла бы предложить живопись, — пишет Шенберг в газете "Нью-Йорк Таймс". — То ли потому, что любителям живописи абстракционизм в конце концов надоел, то ли потому, что дух времени требовал перемен, ...но так или иначе на холсте сейчас снова заняла важное место человеческая фигура. Возродилось реалистическое искусство".

Действительно, в последнее время молодые художники стали реалистами, а мастера старшего поколения, прославившиеся как беспредметники, вдруг стали возвращаться в лоно предметной живописи. Неожиданно на старости лет прославился американский реалист Рафаэль Сойер, который считает себя последователем "мастеров земных и реальных" — от Рембрандта до Курбе — и называет своим учителем американского реалиста Эдуарда Хоппера. Первая выставка Сойера состоялась в 1928 году, и, несмотря на ее успех, он долго пытался, как выражается критик Элинор Манро, "прорвать покров невидимости", которым окружила его критика. Примечательно, что этот покров сорван именно сейчас.

С другой стороны, интерес к авангардистам стал угасать.

Ярким примером тому является отношение к творчеству Джаспера Джонса, который еще недавно считался "гигантом современного искусства". Если первая выставка Джонса, состоявшаяся в 1958 году в нью-йоркской галерее "Кастелли", стремительно вознесла его к славе, то его последняя ретроспективная выставка в музее Уитни, в октябре прошлого года привлекла довольно мало зрителей. "Оказалось, — писал критик Хилтон Креймер, — что экспозиция творений Джонса отнюдь не пользуется таким успехом, на какой рассчитывали ее устроители... Можно даже сказать, что выставка оказалась довольно скучной".

Конечно, еще нет недостатка в критиках, отстаивающих авангардизм. Но они уже не доминируют, как было недавно, и у реализма появилось немало красноречивых защитников.

Гарольд Шенберг считает, что "ключ к тому явлению, которое неожиданно появилось в музыке, могла бы нам предложить живопись". Ну, а что же считать ключом к этим явлениям во всех видах искусства — ключом к отказу от авангардизма и возвращению к истокам? Мне лично кажется, что ответ на этот вопрос лежит вообще не в сфере литературы и искусства, а в сфере социологии и политики. Отнюдь не случайно, что возрождение тяги к традиции происходит именно тогда, когда в общественной и политической жизни Америки и Западной Европы наблюдается то явление, которое его ненавистники именуют "поправением" или даже "торжеством реакции", а апологеты считают "стремлением к умеренности" и "разочарованием в радикализме".

"Я выхожу из строя!" — гордо заявил заглавием своей автобиографии видный критик и публицист Норман Подгорец, редактор влиятельного американского журнала "Комментари", порвавший со своим левым окружением и бросивший радикальным интеллигентам упрек в лицемерии. Вместе с Подгорецом "выходят из строя" столь многие бывшие радикальные интеллигенты, что можно сказать: они создают уже новый, довольно мощный строй, перед которым начинает отступать левый радикализм.

В прошлом году видный американский историк Мелвин Ласки выпустил книгу "Утопия и революция", в которой он, по его собственным словам, показал "блеск и нищету революционной мысли" — точнее, внешний блеск и внутреннюю нищету. В "революционные" 60-е годы такая книга была бы всеми принята в штыки. А сейчас почти все критики поют ей дифирамбы. Выдающийся английский писатель Чарлз Перси Сноу сказал, что книга Ласки "окажет на наше общество более серьезное влияние, чем подавляющее большинство книг, вышедших в последние годы". Английский социолог Джулиус Голд пишет, что книга Мелвина Ласки — это "большой и увлекательный очерк истории идей", где "мы находим пронизательную, выросшую из обширных познаний мудрость, которая нам насущно необходима".

И подобно тому, как современные мыслители приняли консервативную концепцию Мелвина Ласки, которая еще недавно была бы названа "ретроградной", — точно так же сейчас снова привлекают к себе внимание поэты, возрождающие традиционные поэтические формы, романисты, возрождающие сюжет и реалистическое описание, композиторы, возрождающие мелодию и тональность, художники, возрождающие предметное изображение. Похоже, что все это — явления одного порядка. И общественная мысль, и литература, и музыка, и изобразительное искусство текут к своим истокам. Если все это — случайные совпадения, то не слишком ли много совпадений? Как говорил один из героев Иэна Флеминга: "Один раз — совпадение, два раза — случайность, а три раза — вражеская акция". Однако анализ всех этих "совпадений" — или, как, возможно, считают оставшиеся левые, "вражеских акций" — это уже тема другой статьи. Как сказал Ариосто, "пускай другие споют об этом лучше меня".

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ХРОНИКА"

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ, выпуск 50, 1979 г., цена — 5.00; выпуск 51, 1979 г., цена — 5.00.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ В СССР, выпуск 5, 1979 г., цена — 5.00.

ХРОНИКА ЛИТОВСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, 1979 г., 245 стр., цена — 8.00.

Александр Подрабинек. КАРАТЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНА. 1979 г., 192 стр., цена — 7.00.

Также в продаже

Владимир Буковский. И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕРАН... 1978 г., 384 стр., цена — 12.00.

Александр Некрич. НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ. 1978 г., 170 стр., цена — 7.00.

ПАМЯТЬ. ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК. Выпуск 1. 1978 г., 600 стр., цена — 15.00.

СССР — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ? Составитель В. Чалидзе. 1978 г., 166 стр., цена — 7.00.

Валентин Турчин. ИНЕРЦИЯ СТРАХА. СОЦИАЛИЗМ И ТОТАЛИТАРИЗМ. 1978 г., 296 стр., цена — 10.00.

Заказы направлять по адресу:

KHRONIKA PRESS
505 EIGHTH AVENUE
NEW YORK, NEW YORK 10018

Цены указаны в долларах.

Артур КЕСТЛЕР

ПАРАПСИХОЛОГИЯ В СВЕТЕ НОВОЙ ФИЗИКИ

За последние десятилетия изменилась картина и в области парапсихологии и в области физики. Парапсихологические исследования сделались более строгими, они пользуются статистикой и вычислительными машинами, а теоретическая физика приблизилась к "миру таинственного" и с превеликим удовольствием опрокинула самые святые законы природы. Похоже, сегодня мы уже можем упрекнуть парапсихологию в излишней научности, а квантовую физику в тяготении к сверхъестественным явлениям, таким, например, как отрицательная масса и обратное течение времени. Но явления сверхчувственные, кажущиеся невероятными, все же представляются менее противоречащими логике, чем невероятные высказывания физики.

1

Теперь нет почти государства, где университеты не занимаются парапсихологией, и во главе этого движения стоит Россия.

Можно было думать, что в Советском Союзе парапсихология будет объявлена изменой принципам материализма, но не тут-то было.

Еще в 1916 году Бехтерев, друг Павлова, начал проводить опыты в области сверхчувственных явлений, он называл эти явления "радиобиологическими". Леонид Васильев, профессор психологии Ленинградского университета, ученик Бехтерева, опубликовал результаты опытов в области гипноза на расстоянии. По его словам, успешной оказалась попытка воздействовать на загипнотизированных с помощью сигналов, транслируемых издалека путем телепатии.

В 1958 году в Советском Союзе были опубликованы только две статьи о парапсихологии, в 1967 году — тридцать пять, и уже через два года, в 1969 году, их количество достигло семидесяти.

Доктор Кончи /заведующий биотехнологическими исследованиями Американского института стратосферы/ подтвердил, что и в Америке и в Советском Союзе энергично исследуются явления телепатии, которую он определил как "превращение энергии", или как "психофизиологическую передачу информации".

Телепатия и подобные ей явления тревожат нашу интеллектуальную совесть до боли. Трудно особенно тем, которые должны изменить свое отношение к этим явлениям, к ним принадлежу и я.

2

Одна из основ теории вероятности, так же как и новой физики, — это закон больших чисел. Согласно этому закону, по мере увеличения числа повторений, отношение между правильным и ошибочным результатами приближается к ожидаемому, в соответствии с теорией вероятности — и чем больше повторений, тем меньше шансов для отклонений от него. Если же, вопреки этому, имеют место последовательные отклонения от ожидаемого результата, то возможен единственный вывод: здесь замешан еще один фактор, помимо случайности.

Эксперименты с игральными картами исключали всякую возможность чувственного восприятия искомой карты со стороны лица, над которым производился опыт. Мы вынуждены поэтому допустить, что если имеется большое число правильных ответов, то оно объясняется каким-то сверхчувственным восприятием.

Парадокс теории вероятности заключается в том, что она способна предвидеть с поразительной точностью общий результат процессов, состоящих из большого количества отдельных событий, каждое из которых само по себе невозможно предвидеть. Иными словами, перед нами большое количество "невероятностей" создающих "вероятность", большое количество случайных событий образующих тенденцию, имеющую определенную закономерность.

В термодинамике, например, мы можем безошибочно предвидеть температуру газа при определенном давлении, вопреки тому, что молекулы газа /скорость которых определяет его температуру/ двигаются абсолютно беспорядочно, в разные стороны, сталкиваются и избегают столкновения, как только им угодно.

Археолог, устанавливающий возраст окаменелости с помощью содержащихся в ней радиоактивных изотопов углерода, основывает свои выводы на том, что радиоактивные вещества распадаются в совершенно определенной последовательности /"половина их жизни" — время, необходимое для того, чтобы половина атомов данного радиоактивного вещества превратилась в атомы другого/. И это несмотря на то, что распад атома сам по себе происходит спонтанно и даже не поддается предвидению.

Но дает ли теория вероятности возможность понять ее внутренний механизм.

Почему каждое, отдельно взятое событие, не поддается предвидению, но события, взятые в массе, дают более или менее устойчивый результат?

Откуда собаки Нью-Йорка знают, что они "выполнили" свою каждодневную квоту укусов? Откуда игральная шар рулетки "знает" что ноль должен появиться в среднем, после

проделанных рулеткой тридцати семи кругов. Ведь только при этих условиях казино и может функционировать. Бесконечное количество влияний должно в конце концов "сбалансироваться". Но это объяснение не дает ответа на парадокс, вытекающий из того, что вращение рулетки не связано причинной связью с результатами прежних вращений.

Теория вероятности родилась на стыке парадокса и математики. На ней целиком базируется новая физика, на нее ссылается генетика, ею пользуется археология, однако то, как она функционирует, невозможно объяснить только массовым течением событий. И, когда это течение уклоняется от предполагаемого результата, мы вынуждены согласиться с тем, что здесь присутствует еще один фактор, не связанный с "теорией шансов".

3

Главный источник интеллектуального смятения коренится в том, что сверхчувственные явления противоречат законам физики. Если бы речь шла только о телепатии, можно было бы обойти это препятствие с помощью теории излучений.

Но парапсихология включает не только телепатию. Экспериментаторы обратили внимание на то, что исследуемые "читали" не мысли медиума /в опыте с картами/, а непосредственно сами карты. Это явление было названо способностью "видеть скрытое" — сверхчувственное постижение явлений, в отличие от телепатии, означающей связь с психическим восприятием другого человека.

Профессор Жильберт Мори, имеющий столь же авторитетное имя, что и Бертран Рассел, рассказывает о своих телепатических сеансах: "Я должен был оставить комнату, дверь плотно закрывалась за мной, медиумы оставались в комнате. Один из них выбирал тему, которая быстро записывалась. Тогда я возвращался в комнату, и мои слова тоже записывались". Каковы же были результаты? Из 505 опытов около 60 процентов были определены как успех, и лишь 40 процентов как провал.

Перед нами некоторые примеры. М е д и у м : "Солдаты, воевавшие в Крыму, получают по возвращении знаки отличия от королевы Виктории".

Профессор Мори: "Разве это не король, раздающий крест Виктории, или что-либо подобное? Да, я думаю, что это награждение знаками отличия".

Медиум: Думает о "Луизитании".

Профессор Мори: "Я принял это с тяжелым чувством. Я думаю о морской катастрофе. Я думаю, что речь идет о гибели "Луизитании".

Дочь Мори: "Я думаю о танце с главой голландского министерства иностранных дел в Гааге".

Профессор Мори: "Легкое чувство о твоей прогулке за границей. Я думаю о каком-то официальном приеме, танцы или что-нибудь такое. Я чувствую, что это могло быть в Голландии".

Суммируя свои опыты, профессор Мори говорит: "Попытаемся определить, что мы называем телепатией. Я думаю, что можно согласиться с Бергсоном в том, что это, по-видимому, явление неосознанное в нашей каждодневной жизни, особенно между людьми, близкими друг другу. Все знают, что иногда два человека думают об одном и том же в то же время. Толстой говорит об "инстинктивном чувстве, при помощи которого человек отгадывает мысли другого..."

Дело однако не ограничивается телепатией. В 1934 году профессор психологии Ж. Рейн задался вопросом: "Если человеческий дух может получать информацию обычным путем, то, может быть, он способен и двигать вещами без применения энергии?" Были произведены опыты с кубиками, и снова выяснилось, что на движение кубиков воздействовал добавочный фактор, помимо вероятности.

Был проделан следующий опыт: свыше полумиллиона раз подбрасывали шестигранный кубик с цифрами. Выяснилось, что определенная цифра появлялась значительно большее количество раз, чем можно было ожидать, согласно теории вероятности. Это явление было названо "психокинез" в отличие от сверхчувственного восприятия.

Опыт с кубиками был достаточно примитивен, поэтому на следующем этапе обратились к электронике. Было установлено наблюдение за радиоактивностью кванта на элементарном уровне. Лица, подвергаемые эксперименту, должны были предугадать события, вызванные этой радиоактивностью. Хотя, согласно новейшей физике, теоретически невозможно предвидеть такого рода события, подопытным лицам удалось предугадать ядерные процессы /не поддающиеся предвидению/ десять тысяч миллионов против одного по отношению к возможности, указываемой теорией вероятности.

Последующий опыт был посвящен выяснению вопроса — могут ли исследуемые лица, путем волевого напряжения, повлиять на события, происходящие в атомном мире. Результаты опыта показали, что в случаях, когда не было воздействия на деятельность генератора, создававшего два ряда цифр, образовывалось равное количество положительных и отрицательных рядов. Но когда исследуемые лица воздействовали своим волевым усилием на то, чтобы один из рядов появлялся более часто, — была заметна направленность в ту или иную сторону.

4

Процесс изменения физического мировоззрения начался в конце прошлого века и привел к полному крушению основных положений физики относительно законов природы, а также наших воззрений на космос, время, материю и причинность. Совсем не случайно большое количество физиков занимают почетное место в обществах по исследованиям парапсихологии. Чем глубже физика проникает в микро- и макромир, тем больше укрепляется она в сознании, что строение этих миров парадоксально и противоречит здравому смыслу, и тем больше физик готов считать невозможное возможным. Мир физика, который зиждется на относительности и теории квантов, — это мир невозможного.

Вернер Гейзенберг подчеркивает в своей автобиографии, что "атомы — не вещи. Электроны, составляющие оболочку

атома тоже не вещи в том смысле, как это понимала классическая физика, то есть как вещества, которые можно описать при помощи таких понятий, как месторасположение, скорость, энергия, величина. Когда мы проникаем в атомный мир, не остается места объективно существующему миру в пространстве и времени. Математические символы теоретической физики указывают только на возможности, но не на факты".

В истории Гейзенберг будет отмечен как человек, положивший конец детерминизму в физике /а потому и в философии/ своим принципом неопределенности, за что он и получил Нобелевскую премию в 1931 году.

Поскольку физик может определить место электрона с большой точностью, постолько увеличивается неопределенность его скорости, и, наоборот, когда увеличивается точность определения скорости, место электрона затушевывается. Ядерные частицы, словно двуликий Янус,— выступают в известных условиях как частицы корпускулярные, а в других как волновые.

Бертран Рассел писал в 1927 году: "Я не буду поражен если выяснится, что атом состоит только из излучений, выделяемых им. Нет смысла утверждать, что ничто не способно выделять излучения... Материя — это удобная формула для описания явлений, происходящих там, где ее нет".

Дуализм частицы и волны принадлежит к основам новейшей физики. Нильс Бор назвал это принципом дополненности превратившимся в символ веры Копенгагенской школы.

Гейзенберг сказал, что принцип дополненности дает возможность наблюдать одно и то же явление с точки зрения двух подходов, исключających и дополняющих друг друга. Дополненность Копенгагенской школы соответствует в большой мере дуализму Декарта в философии. Все эти принципы вместе взятые и составляют пост-материалистическую тенденцию в новейшей физике.

Джеймс Джинс суммировал это развитие в следующих словах; "Сегодня имеется почти полное согласие относительно

но того, что поток знания приводит к над или сверх-механической сущности; космос начинает скорее напоминать большую мысль, нежели большую машину".

Нематериальное содержание сознания связано с физиологическими данными, с мозгом, а нематериальные поля физики связаны с материальными аспектами частиц. Этот параллелизм напоминает взаимную "дополнительность" частицы и волны, и он же проистекает из слов, что мир выглядит скорее как мысль, нежели как машина.

Эдингтон суммировал это так: "Материя, из которой состоит мир, это — материя мысли".

Самая удивительная частица из всех элементарных частиц это та, которая напоминает призрак, она называется "нейтрино". Уже в 1930 г. Вольфганг Паули предсказал ее существование, но только в 1956 были открыты нейтрино. Длительное время, которое потребовалось для этого открытия, объясняется тем, что нейтрино, по существу, лишена всяких физических свойств. У нее нет массы, нет электрического заряда или магнетического поля, она не подвергнута влиянию гравитации, электрические и магнетические поля других частиц не притягивают и не отталкивают ее, когда она проносится мимо них.

Нейтрино, движущаяся со скоростью света, способна пронестись через земной шар, как будто он не тело, а пустое пространство. Тот факт, что нейтрино представляет собой почти что абстракцию, вызвал предположение о существовании других частиц, которые заполняют недостающее звено между материей и духом.

Знаменитый астроном В. Пирсов утверждает, что "дух — это универсальная данность или реактивное действие, подобное электричеству или гравитации". Он же предложил назвать "частицами духа" существующие, вероятно, элементарные частицы духовной материи.

В 1931 г. известный физик из Кембриджа Дирак предложил странную теорию, которую можно пытаться понять, если принять во внимание, что большим достижением Дирака стало соединение теории относительности Эйнштейна с волновой механикой Шредингера. Трудности этого сочетания Дирак пытался преодолеть с помощью утверждения, что пространство не представляет собой пустоту, а заполнено бесконечным количеством электронов, обладающих отрицательной массой и отрицательной энергией. Человеческое воображение не может представить себе отрицательную массу, можно только сказать, что такая частица будет двигаться обратно, если ее будут толкать вперед, а если попытаться на нее дуть, то она втянется в легкие того, кто дует.

Согласно этой гипотезе, космос полон электронами, обладающими отрицательной энергией, и поэтому они не участвуют в реакциях и нет внешних признаков их существования. Но если космические лучи заденут такой электрон-призрак и передадут ему свою энергию, тогда этот призрачный электрон превратится в обыкновенный, обладающий положительной энергией и массой. На его же месте останется "дыра". Дирак предсказывал, что эта "дыра" в космическом океане будет "новой частицей", которая неизвестна экспериментальной физике. У этой частицы будет та же масса, что у электрона, и электрический заряд, противоположный тому, что у электрона. Мы можем назвать эту частицу антиэлектроном*. Со времени открытия антиэлектрона физики обнаружили, что есть античастицы, соответствующие известным нам частицам /кроме электрического заряда, магнетического момента и той "странности", что они противоположны/.

*Рассказывают, что русский физик Капица дал Дираку прочесть "Преступление и наказание" Достоевского. Когда Капица спросил его о впечатлении, Дирак ответил: "Хороший рассказ, но в одной главе автор ошибся. Он обрисовал восход солнца два раза в один и тот же день".

Физики искали теорию, которая объяснила бы поведение античастиц, и в 1949 г. американский ученый Фейнман предложил рассматривать позитроны /антиэлектроны/ в качестве электронов,двигающихся в обратном направлении во времени. Модифицированные электроны Фейнмана "живут" в течение очень короткого времени, так как античастицы не способны к длительному существованию в нашем мире.

Течет ли время в туманностях, состоящих из антиматерии, в обратном направлении? На этот вопрос у нас нет ответа. Тем не менее Фейнман был удостоен в 1965 г. Нобелевской премии.

Известный математик и физик А. Добс предложил вслед за теорией Фейнмана два масштаба времени вместо одного. Эдингтон и другие уже обсуждали возможность пяти измерений Вселенной: три измерения пространства и два — времени. Но гипотеза Добса исходит из того, что в физике квантов будущее не предвидимо и даже не вероятно. Стрела времени, движущаяся во втором измерении времени,— устремлена в недетерминированный мир вероятности.

Самое интересное в гипотезе Добса — это его попытка объяснить, с точки зрения физики, телепатию и возможность предвидеть будущее. Вряд ли ее можно понять без основательного знания квантовой физики. Предвидение будущих событий связано с вторым измерением времени, в котором "объективные вероятности" выполняют роль причинных отношений, существующих в классической физике. Они /эти вероятности/ заранее "подготавливают почву для того, что должно произойти известными путями" /Добс/.

Надо подчеркнуть, что Добс пользуется понятием "определение будущего", а не "предвидение будущего", потому что он имеет в виду факторы, действующие в определенной системе и подготавливающие систему к будущему, но не имеет в виду пророчество.

Это определение будущего базируется не на гадании, но и не на рациональных расчетах, ибо невозможно установить наблюдение за "факторами тяготения" данной системы. Информация о них передается воспринимающему посредством

гипотетических посланцев, названных Добсом "нейтронами", действующими во втором измерении времени. Пситроны обладают чрезвычайно странными свойствами, но не более странными, чем те, которые характеризуют нейтрино Паули, электроны с отрицательной массой Дирака или электроны Фейнмана,двигающиеся во времени в обратном направлении. Понятие пситрона Добса основано на сочетании современных представлений теории квантов с исследованиями мозга человека. Пситрон обладает воображаемой массой в математическом смысле, и поэтому может /согласно теории относительности/ двигаться со скоростью, превосходящей до бесконечности скорость света, не теряя при этом своей /воображаемой/ силы движения.

Когда облако пситронов, обладающих воображаемой массой, сталкивается с нейронами в мозгу воспринимающего, то они передают не только знание системы, из которой они выделены, но и "определение будущего" системы, ее возможного будущего, заложенного в ней и отраженного в "данностях", посылаемых ею во все направления вне себя.

По словам Добса, пситроны выполняют назначение, подобное фотонам в обыкновенном зрении, но пситроны, в отличие от фотонов, действуют на мозг, а не на глаз. Если значительная часть сказанного покажется читателю неясной, то он может утешить себя мыслью, что неясность эта — органическое свойство квантовой физики.

6

Вопрос вопросов заключается в том, как могут гипотетические пситроны передавать знание прямо в мозг воспринимающего, оставляя как будто бы в стороне чувственный аппарат? Физиолог Эккелс, получивший в 1963 г. Нобелевскую премию, впервые исследовал переход нервных импульсов через синтетические узлы между клетками мозга. В своей книге "Неврофизиологическая основа ума" Эккелс выдвигает гипотезу о воздействии "воли" на мозговую кору:

"Мы не намерены утверждать, что каждое действие волевое. Подобно дыханию, деятельность мозга во многих случаях автоматическая, но эту деятельность можно контролировать волевым усилием. Малейшее волевое усилие воздействует на отдельный нейрон в мозговой коре и вызывает изменения в деятельности мозга. Можно себе представить эффект этого воздействия, если помнить, что каждый квадратный миллиметр мозговой коры содержит около сорока тысяч нейронов, и каждый нейрон имеет несколько сот узлов связи с другими нейронами."

Эккелс возражает против позитивистского утверждения, согласно которому "мозг" — материален, а "дух" — это призрак, и воля оказывает влияние на деятельность мозга. Он считает, что существует двусторонняя связь между духом и материей, а сверхчувственные явления представляют собой слабые и неупорядоченные проявления принципа, согласно которому духовное, волевое усилие человека воздействует на его материальный мозг, а мозг способен вызывать сознательные переживания.

Сближение между парапсихологией и новейшей физикой представляет собой важный шаг на пути избавления от самого большого человеческого предрассудка — материалистического представления о Вселенной как о механическом аппарате.

Однако есть в парапсихологии явления, которые даже физик самых широких горизонтов не может принять. Я имею в виду психокинез. Во всей парапсихологической литературе мы не найдем даже попытки объяснить, на основе физики, как может духовное усилие повлиять на направление движущегося кубика. Причина проста: область, в которой проявляются сверхчувственные явления, отлична от области психокинеза. Подобно тому, как нельзя приложить жесткие законы механики, действующие в макрокосмосе, к микрофизике, так же невозможно приложить свободу, заключенную в микрофизике, к макрокосмосу.

В пределах неопределенности Гейзенберга атом свободен двигаться так или этак, и речь здесь идет о вероятности и только. Но по закону больших чисел отклонения, суще-

ствующие в макром мире, содержащем триллионы атомов, упраздняют друг друга, и сумма вероятностей превращается в определенность.

Когда знание, источник которого в сверхчувственных явлениях, сталкивается в виде частиц духа с нейроном, находящимся "в состоянии чувствительности", — оно действует на уровне квантовой неопределенности и поистине может творить чудеса. Но этот процесс необратим. Невозможно воздействовать на макротело /например, движущийся кубик/ посредством микрофизических частиц или волн, обладающих воображаемой массой. Вот почему закон больших чисел, подводящий основу для версии о существовании сверхчувственных явлений, становится в то же время главным препятствием для физического объяснения психикинетических явлений.

Синхронистическая теория Юнга—Паули, развитая крупными психологами и физиками, представляет собой самый глубокий прорыв в механистическом мировоззрении современной науки. Предшествовал Юнгу и Паули австрийский биолог Пауль Камерер, "дикий гений", покончивший самоубийством в 1926 г. в возрасте 45 лет, Камерер издал книгу "Закон серии". Когда он говорит в этой книге о повторениях, то может создаться впечатление, что речь идет о причинности. Однако намерение автора было противоположным: случайности и их сочетания представляют собой проявление общего принципа, действующего в природе вне связи с физической причинностью. "Законы рядов событий" доказывают, что сочетание случайностей "руководит" событиями в такой степени, что исчезает само понятие случайности.

Наряду с причинностью действует в космосе другой принцип, непричинности, стремящийся привести все явления к единству. Можно сравнить этот принцип с законом тяготения, который до сих пор не объяснен физиками. Но, в отличие от закона тяготения, действующего на каждую массу без различия, принцип, предлагаемый Камерером, действует селективно, приводя случайности к единству в пространстве и времени, но не путем причинности, а путем опреде-

ленной связи между явлениями. Мы не знаем, каким образом вмешивается "непричинный фактор" в причинную связь событий, поскольку он действует вне известных нам законов физики.

Так приходим мы к мировой мозаике или космическому калейдоскопу, который заботится о сближении сходных событий, несмотря на то, что они непрерывно смешиваются и организовываются сызнова.

Так же, как Камерер и Юнг, Паули верил, что в природе действуют факторы, не имеющие причинной связи. Он писал: "Сегодня есть у нас естественные науки, но не философия науки. С тех пор как был открыт элементарный квант, физика вынуждена была отказаться от гордой веры в то, что есть у нее принципиальная возможность понять мир в целом".

Знаменитый Юнг, пользовавшийся помощью Паули, еще в молодости заявил, что отказывается рассматривать все то, что не может быть объяснено, как обман. В лекции, прочитанной им в 1919 г. в Обществе парапсихологии в Лондоне, он сказал, что не верит в призраков, но год спустя в той же Англии он сам встретил призраков. Свой уик-энд Юнг проводил в поместье, нанятом им в Кингхемшейре, и вот в течение нескольких ночей он слышал голоса, стуки. На пятой неделе он был уверен, что снаружи кто-то стоит и стучит в дом. "У меня было ощущение, пишет он, чьего-то присутствия. Я открыл глаза, и тогда я увидел на подушке, подле моей головы, голову старой женщины. Ее правый глаз был открыт, и взор был устремлен на меня. Вторая половина лица, включая глаз, отсутствовала. Я спрыгнул с кровати и зажег свечу. Голова исчезла". Вскоре Юнг выяснил, что все село знало о существовании призраков в этом доме.

Плодом сотрудничества Паули и Юнга было появление книги, посвященной синхронизации, но надо сказать, что их выводы вызывают разочарование. Несмотря на смелость

порыва, теория так и не была создана. По Юнгу синхронизм — это "одновременное существование двух событий, связанных между собой по их значению, но не связанных причинно". Однако связь между этими событиями равна по своей сути причинности, как объясняющему принципу.

Перед нами почти буквальное повторение закона Камерера, создателя "принципа серий". Повторение событий, одинаковых или схожих, во времени или пространстве, не связанных причинно. Принцип серийности Камерера и идея синхронизма Юнга похожи друг на друга, как пара перчаток, но каждая из них подходит только к одной руке. Камерер ограничил себя физикой и не хотел знать о сверхчувственных явлениях. Юнг ударился в другую крайность и пытался объяснить все необъяснимые явления как проявление подсознания. Он даже дошел до "коллективного подсознания", в котором обретаются воспоминания человечества, не поддающиеся словесному выражению, а только лишь символическому, соответствующему всем мифологиям. Юнг утверждал, что нет никакой связи между душой, сознанием и мозгом.

"Источник синхронических событий, писал Юнг, в совпадении двух разных душевных состояний. Одно из них — это нормальное состояние, поддающееся причинной интерпретации, другое — и в нем заключено главное переживание, — это то, которое не вытекает причинно из первого."

Камерер начал свой путь, будучи убежден, что в космосе действуют непричинные силы, и закончил фальшивыми физическими аналогиями. Юнг, который вышел из той же предпосылки, что и Камерер, закончил путаной идеей о существовании психофизических данностей /психоидов/, "трансдушевной действительности", которая может создавать призраков. Камерер и Юнг попали в одну и ту же ловушку. Они выдвинули принцип непричинности и пытались обосновать его псевдопричинными понятиями.

Как это ни парадоксально, но физику легче, чем психологу, освободиться от шаблонного мышления в категориях причинности. Физик привык видеть мир, воспринимаемый нашими чувствами, как иллюзию. Он создает свой собствен-

ный мир, определяемый математическими уравнениями. Бертран Рассел без малейшей иронии писал: "Физика пользуется языком математики не потому, что мы знаем много о физическом мире, а потому, что мы знаем о нем так мало, что способны обнаружить только его математические свойства". Революционная идея Паули заключалась в попытке перенести принцип ~~непричинных событий~~ из области микрофизической /где он признан правомерным/ в область макрофизическую /где его надо доказать/. Он стремился создать макрофизическую теорию, которая объяснила бы сверхъестественные явления, но этого он так и не достиг, ибо невозможно доказать принцип непричинности неверными объяснениями причинного порядка. Может быть, корень его ошибки в образе мышления, господствовавшем еще в греческой философии, о которой Сидней Кук писал: "Когда Аристотель создал свои категории, представлявшие законы бытия, он, по существу, приложил законы греческой грамматики ко Вселенной".

В последнее время были выдвинуты различные гипотезы относительно сверхъестественных явлений: "параллельные миры", "кривое пространство Эйнштейна", "двухмасштабное время", "туннели сверхпространства".

Фрейд, убедившись в существование телепатии, пришел к выводу, что сверхчувственные явления представляют собой форму коммуникации между людьми, которая исчезла после того, как ее место заняла система связи посредством чувств.

Парадоксы физики квантов позволяют утверждать, что принцип непричинности не менее важен, чем принцип причинности, но мы должны себя спросить: а чего, собственно, хочет добиться этот принцип непричинности? Начиная с древних времен вплоть до XVIII века существовал готовый ответ на этот вопрос. Положение звезд определяло судьбы и характеры людей, все вещи были связаны между собой, не в силу механических причин, а в силу невидимых связей. Пико де Мирандоло определил это так: "Во-первых, есть в вещах единство, посредством которого всякая вещь равна

самой себе, состоит из самой себя и связана сама с собой. Во-вторых, имеется единство, посредством которого каждое существо связано с другими и все части света составляют единый мир".

Кеплер, как и Пико де Мирандоло, считал, что способность человеческой души действовать, как космическое эхо, имеет два аспекта: мистический и причинный. Эта способность подтверждает связь между душой человека и душой мира. Сто лет спустя Лейбниц развил свою философскую систему, в центре которой поставил "монаду". В отличие от атомов Демокрита, монады представляли собой не материальные, а духовные данности, каждая из которых — это микрокосм, в котором отражается универсум. Связь между монадами существует благодаря установленной гармонии.

Только в XVIII веке, в результате Ньютоновской революции, была возведена на престол причинность, как фактор, единственно господствующий в мире материи и духа, чтобы быть низвергнутой в начале XX века в результате революции в физике. Однако в середине XIX века одинокий великан мысли Шопенгауэр провозгласил, что причинность физики — это только одна из господствующих сил в мире, другая сила — это мистическая данность.

"Случайность, писал Шопенгауэр, это одновременное совпадение событий, между которыми нет причинной связи... Если мы представим себе, что всякая причинная цепь представлена во времени, как длинная линия, протянутая вдоль земного шара, то мы сможем вообразить события, происходящие одновременно, как параллельные круги, создающие широтные линии... Все переживания человека и события в его жизни, в соответствии с этим, будут связаны двумя, совершенно различными, способами: во-первых, объективной, причинной связью естественного процесса, и, во-вторых, субъективной связью, существующей только в отношении лица, ощущающего переживание, которое субъективно также, как и сны этого лица. Тот факт, что две формы связи осуществляются в одно и то же время и что одно и то же событие находится в обеих формах связи, так что судьба одного

лица совпадает с судьбой других, а так же и то, что каждый является главным героем своей и в то же время чужой драмы,— все это находится вне нашего понимания, и это можно понять только благодаря удивительной гармонии, установленной заранее... Это благородный сон, в котором снится единственная данность: воля к жизни, но так, что все ее образы участвуют в нем. Все связано между собой и соответствует друг другу".

8

Двуликий Янус господствует и в мертвой природе. Принцип дополнительности квантовой физики представляет двойственную природу микрочастиц: они, как мы уже говорили, проявляют некоторые свойства корпускул и одновременно некоторые свойства воли.

Во Вселенной поддерживается стабильность путем равновесия между противоположными силами. Часть и целое космической иерархии проявляют тенденции к постоянству и обладают относительной самостоятельностью. Два лица Януса: одно — это гордое лицо целого, отстаивающего самого себя, другое — скромное лицо части.

Человек — представляя собой часть целого — также выступает в облике двуликого Януса. Когда он смотрит внутрь, он видит себя, как независимое и единое целое, когда он смотрит во вне, он видит себя как часть естественной и общественной среды.

Полярность эта находит свое отражение в поведении человека. Самоутверждение выражается в амбициозности, в стремлении к состязанию, в агрессивности. Способность человека включаться в целое находит свое выражение в его стремлении идентифицировать себя с семьей, общиной, или другой общественной группой, или даже с тем, что возвышается над обществом, с Богом, природой, или, скажем, кантатой Баха. Назовем эти тенденции сверхличностными чувствами, — преданность, тяга к идентификации или гипнотическое тяготение. Если мы сделаем шаг вперед, то мы сможем вклю-

чить сюда и состояние транса, мистического экстаза, спонтанные, аномальные переживания.

Фрейд и другие подчеркивали тот факт, что ребенок не видит различия между собственным "ego" и между средой, он еще не осознает себя как самостоятельное существо. Он живет еще в состоянии симбиоза с миром, находящимся вне его — эта жизнь есть продолжение биологического симбиоза в чреве матери. Универсум целиком вмещается в нем, а его "я" — в универсуме. Возможно, именно здесь — источник того "океанского /вселенского/ чувства", которого хотят достигнуть художник или мистик на более высоком уровне. Ощущение симбиоза никогда не исчезает совершенно, оно лишь может уйти "под почву". В философских системах Востока сохранилась выраженная в следующей форме идея: "Я это ты, и ты это я".

"Океанское чувство" мистика выше, чем у только что родившегося ребенка, последний еще не достиг самостоятельности ощущения своего "я". Мистик же находится по ту сторону этого сознания.

Если мы будем таким образом рассматривать все явления, то сверхчувственное предстанет перед нами как высшая ступень человеческой способности включиться в космическую целостность.

Впрочем, если все сказанное нами в области физики базируется на твердой научной почве, то это высказывание выглядит не иначе, чем спекуляцией, и на большее не рассчитывает.

Если же мы будем рассматривать тенденцию к включению как универсальный принцип, охватывающий и явления непричинные, то общая картина станет яснее, хотя и тогда останется по ту сторону нашего понимания. До второй половины XIX в. гипноз рассматривали как явление мистическое, теперь оно настолько привычно, что мы забываем: ведь по существу, ему нет никакого объяснения. Невозможно объяснить почему, скажем, гипнотическое воздействие может изменить химическую реакцию ткани на микроскопическом уровне.

Сверхъестественные явления неожиданны, редки и капризны. Чем это объясняется? Одна из причин в том, что мы не способны контролировать подсознательные процессы, лежащие в их основе. Очень возможно, что многие из наших мыслей и чувств имеют своим источником телепатию, но мы этого не осознаем, потому что до того, как они пересекают порог сознания, они извращаются другими душевными состояниями. По-видимому, здесь действует принцип *процесс и в а н и я*, когда наши органы чувств воспринимают только в малых масштабах электромагнитные волны. Жизнь стала бы невозможной, если бы мы воспринимали миллионы раздражителей, воздействующих на наши органы чувств.

9

В заключение я должен остановиться на неodarвинистской теории, согласно которой наследственное вещество в половых клетках защищено от внешних влияний почти непроницаемым барьером. Если мы говорим "почти", то это потому, что космические лучи или химические реагенты могут все же проникнуть в них и вызвать мутации в генах. В большинстве случаев это мутации вредные, но бывают и полезные. Они с помощью естественного отбора форсируют общее развитие. Помимо этих случаев, упомянутый выше барьер делает невозможным превращение благоприятных признаков в наследственные. Ламаркизм не имеет под собой никаких научных оснований — утверждает теория неodarвинизма. Тем не менее, ряд явлений указывают на существование "ламаркистского" фактора развития. В чем-то приверженцы Ламарка оказались в таком же положении, что и сторонники парапсихологии: они не могут указать на эксперимент, который можно повторить.

Многие биологи отмежевываются от неodarвинизма, представляющего, по их мнению, лишь часть картины. Эволюция видов является результатом воздействия массы причинных факторов, многие из которых остаются неизвестными.

Возможно, и наследственность, согласно теории Дарвина, и теория Ламарка в исправленном виде, — эти два фактора, находящиеся на противоположных полюсах, — приложимы только в ограниченной области. Наследственность благоприобретенных признаков, согласно Ламарку, наблюдается чрезвычайно редко по той же причине, что и сверхчувственные явления. По-видимому, перед нами — действие защитного аппарата процеживания.

И еще одно слово о физике. Эйнштейн установил, что инерция есть не что иное, как добавочное проявление гравитации, и ее вызывают не планеты сами по себе, а их движение. Но как вызывает круговое движение планет, скажем, инерцию моей пепельницы? На это нет удовлетворительного ответа. Инерция представляет собой наиболее привычное явление. Мы сталкиваемся с ней даже тогда, когда передвигаем в своем доме мебель. И вот, оказывается, что "сопротивление" мебели, когда мы ее передвигаем, вытекает из того, что она окружена массой нашей Вселенной. Несмотря на свою поддержку теории Эйнштейна, Бертран Рассел счел необходимым заявить: "Некоторые считают, что вместо абсолютного мы можем говорить лишь об относительном круговом движении определенных планет. С формальной точки зрения это верно. Однако от этого влияния, предписываемого планетам, отдает духом астрологии и с точки зрения научной оно не выдерживает критики".

Каким-то образом оказывается /этого не объяснили ни Мах, ни Эйнштейн — на основе причинности/, что инерция моей пепельницы связана с общей массой Вселенной, окружающей ее. Можно ее назвать пепельницей Мирандоло, если вспомнить его, уже цитированные, слова: "Во-первых, есть в вещах единство, посредством которого каждая вещь равна самой себе, состоит из самой себя и связана сама с собой. Во-вторых, имеется единство, посредством которого каждое существо связано с другими и все части света составляют единый мир".

Биологические ограничения обрекают нас на то, что мы оказываемся способными лишь заглядывать в замочную скважину вечности. Давайте же удалим, по крайней мере, из скважины замка заслон, скрывающий от нашего взгляда то небольшое, что мы можем увидеть.

Настоящая публикация подготовлена на основе отрывков, взятых из книги Артура Кестлера The Roots of Coincidence.

Фаина БААЗОВА

ПРОКАЖЕННЫЕ

Вышла в свет книга Фаины Баазовой. Автор — юрист и публицист, в прошлом видный советский адвокат, рассказывает о трагической судьбе, постигшей ее семью, семью основателя сионистского движения Грузии и одного из лидеров русского сионизма раввина Давида Баазова. Действие разворачивается в Москве, Ленинграде и Тбилиси. Фаина Баазова пишет о трагической гибели в сталинских застенках своего брата, замечательного еврейско-грузинского писателя Герцеля Баазова, о своем жестоком поединке с советским "правосудием" в Москве и Тбилиси для отмены смертного приговора, вынесенного ее отцу Давиду Баазову. Документальный, взволнованный рассказ Фаины Баазовой о ее хождениях по мукам приобретает еще особый интерес потому, что это уникальные в своем роде мемуары знакомят читателя с неизвестными фактами из жизни Советской Грузии в трагические годы сталинских пятилеток.

Стоимость книги — 4 доллара /или соответственно курсу в лирах/. Книгу можно заказать и чеки высылать по адресу: Хулон, ул. Аронович, 47/36 /Фаина Баазова/, тел. /03/84-98-53.

ОТ АВТОРА

Как автор я прорезался только на 29 номере журнала "Время и мы". До этого моя литературная деятельность не выходила за рамки писания счетов на причитавшиеся мне скромные гонорары за художественное оформление.

Однажды в редакции я невзначай брякнул по поводу какой-то рукописи: "И я бы, пожалуй, так смог...". Знай, каким боком обернется для меня это безответственное заявление, я бы хорошенько подумал прежде, чем это сказать. Но редактор журнала Виктор Перельман тут же поймал меня не слове /я думаю, что не выдам редакционную тайну, если скажу, что портфель редакции не был набит рукописями до отказа/. "Дерзай, Ларский, Семен Бабаевский тоже дерзал", — бодро поддержал меня редактор.

Первое дерзание обошлось мне в два месяца бессонных ночей плюс первое серьезное предупреждение со стороны супруги. Но редактор, просмотрев рукопись, бросил ее в корзину, заметив при этом: "Прекрасно, но не смешно!"

Второе дерзание обошлось мне еще в месяц бессонных ночей плюс второе серьезное предупреждение со стороны супруги. Редактор, прочитав рукопись, снова бросил ее в корзину: "У нас, знаешь ли, дорогой, не журнал "Круг"!

Лишь после третьего захода редактор, кисло улыбнувшись, изрек: "Добро! Давай редактировать..."

И мы редактировали, иногда ночами, когда не хватало дня, иногда слегка ссорились, но до мордобоя, слава Богу, ни разу не доходило.

О том, как рождался "Ротный придурок", можно написать книгу, в тыщу раз смешней моих мемуаров. Скажу коротко: родовые схватки длились пять месяцев. Причем, в промежутках я трижды побывал в больницах: с инфарктом, с камнями в желчном пузыре и еще неизвестно с чем.

"Ты вот что, Ларский, не смей копыта откидывать, пока не дожмем", — предупредил меня в одной из больниц редактор.

Пришлось вставать со смертного одра и дожимать. И дожали. И появились на свет "Мемуары ротного придурка", продолжение которых я и предлагаю читателю.

Лев ЛАРСКИЙ

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Лев ЛАРСКИЙ

ПАРТИЯ — НАШ РУЛЕВОЙ

Из мемуаров ротного придурка

Честно говоря, возвращение мое домой мало походило на триумфальное шествие воина-победителя.

Не было у меня захваченного в боях трофейного имущества, да и вообще никакого имущества не было, даже шинели, а стояла поздняя осень. Вместо парадного мундира, на мне красовалась замызганная телогрейка "б/у" с дырой во всю спину. От Мукачева до Москвы я ехал на крыше "500-веселого экспресса" и, когда наш товарняк проезжал туннель, телогрейка на мне загорелась от паровозной искры, а сам я, наглотавшись дыма, чуть не свалился под колеса.

Спас меня от гибели мой кореш Петька Курицын, с которым мы вместе демобилизовались. Он меня успел задержать, хотя у него руки на нервной почве едва действовали. Благодаря его рукам мы с ним счастливо отделались, когда на наш эшелон, набитый до отказа демобилизованными и их трофеями, напала в горах банда Кости-полковника, состоявшая — как утверждали — из одних демобилизованных офицеров.

Люди Кости-полковника стали стрелять в воздух из пулеметов, а когда машинист дал тормоз, с возгласами "За Родину, за Сталина!" отцепили половину теплушек.

Мы оказались как раз в отцепленной половине, но Петьку офицеры отпустили, как инвалида, даже трофеи ему оставили. Поскольку я числился Петькиным сопровождающим и продаттестат у нас был на двоих, меня тоже отпустили и даже разрешили взять вещмешок. Там был единственный мой "трофей", который я вез в подарок папе, и состоял он из шахмат ручной работы, купленных на ужгородском базаре.

От Петькиных трофеев я сам чуть не остался без рук — мне ведь приходилось их таскать с места на место. Я думал, что его самодельные фанерные чемоданы набиты золотом. Слезая с теплушки на Львовском вокзале, я один чемодан не удержал. Он разбился вдребезги, но вместо золота оттуда посыпались... ржавые скобы, дверные пружины и ручки! Он вез все это чуть не через всю Россию в свою Саратовскую область.

Во Львове я пошел на продпункт, а когда вернулся с харчами, не обнаружил ни Петьки с его ржавыми "трофеями", ни своих вещей...

Внешний вид мой был настолько не парадный, что я предпочитал, чтоб соседи по квартире меня вообще не узнали. Крадучись, как вор, я вошел в свой подъезд и с замиранием сердца постучал в дверь нашей квартиры.

Решив сделать папе сюрприз, я не написал ему о своей демобилизации. Хотя папа за годы войны стал видеть еще хуже, он сразу догадался, кто эта личность, от которой несло паровозным чадом и сивухой. Как и полагалось твердокаменному большевику /а таковым он оставался и без партбилета, восстановили его в партии лишь после XX съезда/, папа встретил меня без особых сантиментов и, не доверяя своим слабым глазам, стал меня проверять наощупь.

— Я был уверен, что ты хоть до майора дослужишься! — разочарованно сказал папа, ощупав мои девственно-солдатские погоны. — Я в твоём возрасте почти генералом был...

"Эх, папа, папа... А знаешь ли ты, что хороший штабной придурок стоит плохого генерала?" — подумал я.

— И наград не густо... Раз, два и обчелся, — никак не мог успокоиться папа, перещупав мои солдатские "железки".

Я уж было решил, что официальная часть встречи окончена и хотел обнять папу, но он сурово отстранил мои объятия. Рука его протянулась к моему левому нагрудному карману, карман оказался пуст. /Отправляясь в путь, я зашил документы в складке кальсон — предосторожность оказалась не излишней./

— Насколько я понимаю, ты не комсомолец? — теперь уже грозно спросил папа. — Отказали в приеме? Или ты, может, и не вступал?

Я понял, как тяжело было папе, одному из организаторов комсомола и делегату исторического III Съезда, на котором выступал Ильич, задавать мне этот вопрос.

Но тут-то и был у меня припасен для папы /а также и для читателей/ некий сюрприз. Как ни в чем не бывало, не торопясь, расстегнул я брючной ремень и с некоторым усилием извлек из потайного "кармана" красную книжечку.

— Комсомольский билет! — радостно воскликнул папа. Он весь преобразился, просветлел...

— Нет, это мой партбилет, — эдак небрежно обронил я, как будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Чего-чего, но такого папа не ожидал. Он схватил партбилет и долго его ощупывал и обнюхивал. Он так разнервничался, что мне пришлось даже срочно дать ему валерьянку. Думаю, когда спустя десять лет ему самому вернули его партбилет, он так не переживал.

— Спасибо, Лев! Я знал — ты меня не подведешь, — сказал папа, и скупая слеза выкатилась из-под его толстенных очков.

Затем папа стал меня расспрашивать о том, как я в партию вступал, кто мне давал рекомендации, как проходил прием, — все это его интересовало куда больше, чем война.

Всю жизнь я знал, что партия для папы — это все. И в тот момент, когда у папы из-под очков выкатилась скупая слеза,

я вспомнил, каким страшным ударом судьбы явилось для меня, юного пионера, исключение папы из партии. Хотите знать, как это было? Было это вот как.

В этот черный день моей жизни, забежав в школьный сортир, я оказался там один на один со старшекласником Сафоновым, который одно время был в нашем отряде вожатым.

— Эй, жид! — ни с того, ни с его сказал мне он, застегивая ширинку. Я подумал, что Сафонов, несмотря на его комсомольский значок, является отсталой личностью, обремененной пережитками прошлого. Но все-таки он был нашим вожатым, и я позволил себе поэтому вступить с ним в дискуссию. Как обычно в подобных случаях, я прибег к помощи своего Друга детства и Покровителя.

— А вы знаете, что сам Карл Маркс, наш Главный Вождь, был евреем? — спросил я, полагая, что сразил Сафонова наповал.

— Ну и что? И Карл Маркс жид! — невозмутимо ухмыльнулся Сафонов, застегнув на ширинке последнюю пуговицу.

Я просто оторопел: такого я еще не слышал!

— Что вы сказали?! Вы знаете, что вам за это будет? — решительно пошел я на него.

— А ты меня не пугай, ты первый в уборной про Карла Маркса стал говорить. За это дело, знаешь?.. — отпарировал "вожатый".

Как уже знает читатель, я никогда не дрался, но назвать моего Друга детства и Покровителя жидом? Это, знаете, было слишком. Я так заехал Сафонову по скуле, что он от неожиданности отлетел к стенке. Однако сгоряча я не заметил, что в сортире мы с ним не одни! сзади меня, оказывается, сидел на унитазах верзила Стародворцев из его класса. Он развернулся и прямо с унитаза со всего маха врезал мне в глаз...

Меня повезли в глазную больницу на улице Горького, а после больницы папа повел меня, всего перевязанного, в милицию составлять протокол. Он хотел отдать хулиганов под суд.

Но ни папе, ни милиционеру я не рассказал из-за чего произошла драка. Подумал: "А вдруг и вправду про вождей в уборной нельзя говорить? Вдруг Сафонов расскажет про это, если я скажу, как он обозвал нас с Карлом Марксом?"

— Кто первый ударил? — спросил дежурный по отделению.

— Я! — признался я.

— Значит, сам и виноват! — сказал дежурный.

Папа стал с ним спорить.

— А вы кто такой? Где работаете? — спросил его милиционер.

— Я временно не работаю, — тихо ответил папа.

Это было для меня новостью, я был уверен, что папа работает в своем Институте и еще в Военной академии.

— Почему в военной форме ходите? — пристал к нему милиционер. — Вы член партии?

— Я исключен, я подал апелляцию, — извиняющимся голосом сказал папа, но слова его ударили меня посильнее, чем кулак Стародворцева. Представить себе папу без партбилета я просто не мог. У меня это не укладывалось в голове. От боли и от обиды я потерял сознание и грохнулся на пол.

ФОРМА НОМЕР СЕМЬ

Пусть читатель не удивляется, что я все о детстве и о прошлом. Не постигнув нашего с папой прекрасного прошлого, читатель просто не поймет, что же привело меня в ряды организации, по достоинству оцененной как ум, честь и совесть нашей эпохи.

...Так вот, спустя десять лет, папа держит в руках мой партбилет. Он потрясен тем, что я был принят в партию по-смертно. И даже не столько этим, сколько тем, что я был принят без кандидатского стажа. Такого еще не случалось за все годы его пребывания в партии. Тогда я в общих чертах доложил о своем партийном "деле" своему строгому папе, разу-

меется, опустив кое-какие подробности. Зачем портить человеку настроение? А дело было так.

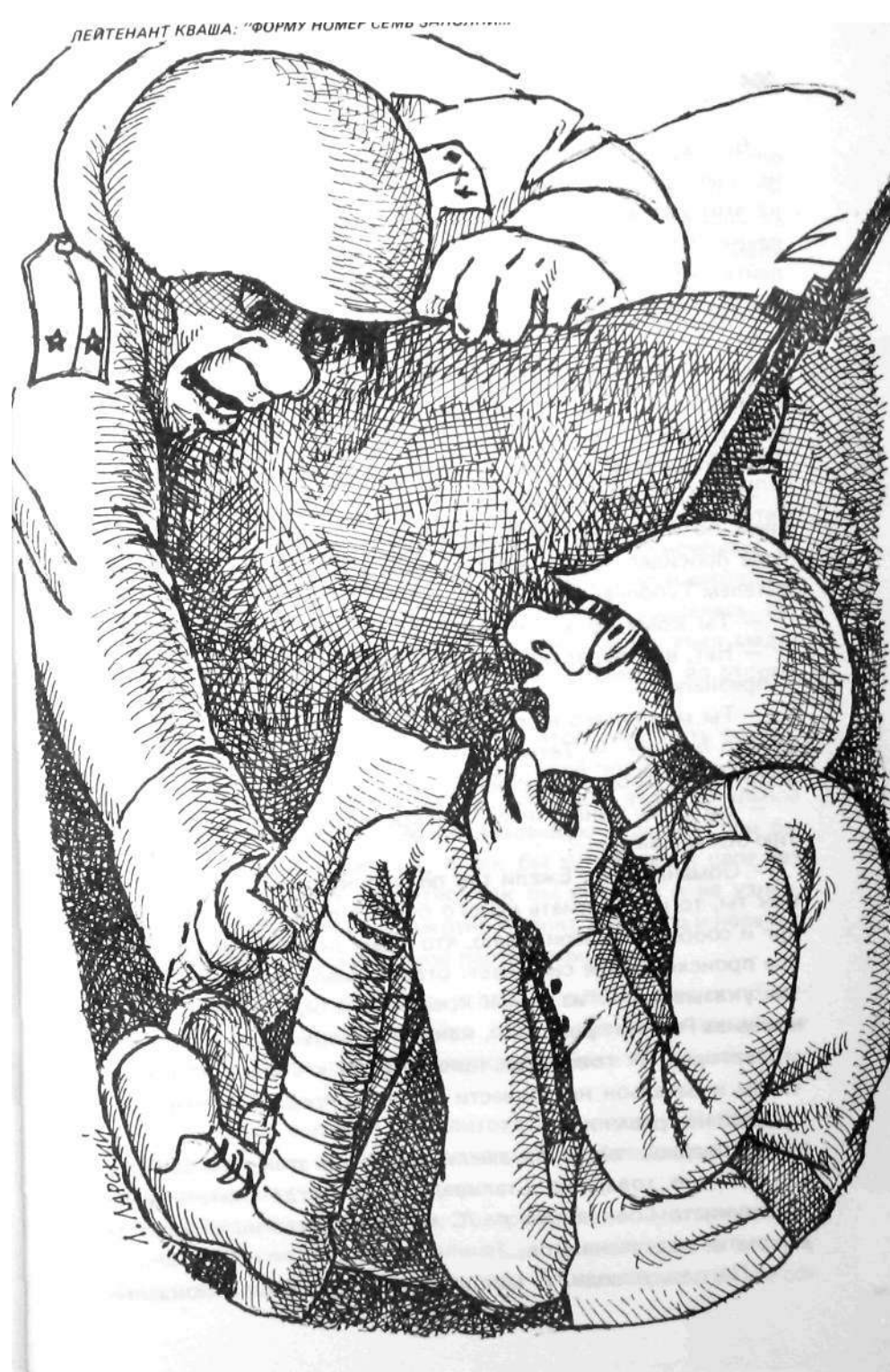
В последний день моего пребывания на фронте, когда я находился в стрелковой роте вместе с венбольными, на передовую неожиданно приполз наш батальонный парторг лейтенант Кваша, изрядно хлебнувший для храбрости. Я долго не понимал, что ему от меня надо?

— Форму номер семь заполни, тебе говорят! — твердил он, суя мне какие-то бумажки и огрызок химического карандаша.

У меня и мысли не было, что он прибыл в партию меня оформлять! О партбилете я тогда и мечтать не мог — не говоря уж о репрессированных родственниках, существование которых я скрывал, за мной числились и другие проступки: из-за "кражи" злополучного пулемета батальонный опер Забрудный целое "дело" на меня состряпал, и только нехватка на передовой "штыков" спасла меня от трибунала. Поэтому я был уверен, что парторг меня спьяну с кем-то спутал. А тот не отставал: "Боец Ларский, форму номер семь заполни, тебе говорят! Заявление приложим, а автобиографию опосля"...

— Товарищ лейтенант, это ошибка, я в настоящий момент не достоин... Вчера меня в штрафную хотели, а сегодня в партию? В нашей роте имеются более достойные кандидатуры... Ефрейтор Рождественский, к примеру, кавалер ордена Славы, — доказывал я ему.

— Ларский, тебе русским языком говорят: политотдел приказал перед форсированием Одера в каждом подразделении произвести прием... Усек? А в вашей 1-й роте все сплошь сифилисные, кроме одного тебя. Ефрейтор Рождественский вдобавок к сифилису триппер еще подцепил. Так что давай мне форму номер семь, не подводи батальон! — пристал парторг как с ножом к горлу. И начал мне объяснять, что-де с триппером в партию еще можно оформить, а "дела" сифилитиков политотдел категорически не утверждает. Как, к примеру, прием ефрейтора Рождественского не утвердят, так батальонные показатели... тютю!

Вот в какой ситуации я неожиданно для себя оказался, не зная, радоваться или наоборот... Подведешь батальон — на этот раз уже и начальство не простит: "Наркомзем" обеспечен. В партию вступать — страшно. Батальонный опер лейтенант Забрудный такой хай может поднять: "Я ихнего брата знаю! Их под трибунал, а они "ейн-цвей" — и в партию!" Как начнет копать, чего доброго, и до моих репрессированных родственников докопается...

При этой мысли у меня мурашки по спине забегали. Я решил, что терять все равно уже нечего и, нарушив строжайший запрет тети, сказал парторгу начистоту:

— Товарищ лейтенант, я всей душой с нашей родной партией, но я не достоин в ее рядах находиться. Мой папа два года просидел за троцкизм, а дядя арестован за связь с предателем Туполевым.

— Ты кому об этом говорил? — тут же спросил парторг.

— Нет, вам первому. Мне тетя запретила это рассказывать, — признался я.

— Ты мне ничего не говорил, я ничего не слышал, понял? — сказал парторг. — Тетин приказ выполняй, война спишет. В анкете мне чтобы о родственниках ни-ни!

— Вы чему меня учите? — искренне возмутился я. — Партию обманывать!

— Обманывать?! Ежели так по-бюрократически подходить, как ты, то и принимать некого будет в ряды, — ответил парторг и сообщил доверительно, что и сам он тоже свое социальное происхождение скрывает: отец держал лавку, а он в анкетах указывает — "из семьи крестьянина-бедняка". — Когда кровь за Родину проливаем, какие тут формальности! Понял?

Парторг, как говорится, прижал меня к стенке, но все же, чтобы и батальон не подвести и себя, я предложил ему компромиссное решение.

— Товарищ лейтенант, ежели погибну в этом бою за Родину и лично товарища Сталина, прошу тогда считать меня коммунистом, — заявил я. /С мертвого ведь не спросят за сокрытие родственников.../

— Погоди, погоди. А как не погибнешь, что я с показате-

лями буду делать? Давай по всей форме, — заартачился было парторг и, чтоб от него отвязаться, я ему форму номер семь заполнил, но в заявлении так и написал: "Если погибну за Родину и лично товарища Сталина, прошу считать меня членом Коммунистической партии".

Завещание это я хотел спрятать у себя на груди, однако парторг решительно возразил:

— А как в тебя снаряд прямым попаданием ударит? Тю-тю, ищи-свищи завещание, а мне отчитываться.

Не подозревал я тогда, что батальонный парторг лейтенант Кваша такой б...ю окажется! Поскольку я в этом бою попал не в "Наркомзем", а в "Наркомздрав", я решил, что тем самым эпизод с моим оформлением в партию исчерпан и, откровенно говоря, о нем позабыл. Все мысли мои вертелись вокруг демобилизации, которая так досадно сорвалась. Но я все же добился направления к окулисту и получил медицинское заключение, чтобы гарнизонная комиссия во второй раз не посчитала меня симулянтом.

В ожидании повторной комиссии, чтоб скоротать время, я пристроился "богомазом" при полковой политчасти. Откуда я мог знать, что в моей жизни произошло знаменательное событие, определившее мою послевоенную судьбу? Если бы демобилизация не сорвалась, я так бы и приехал к папе без партбилета и, вполне вероятно, так бы никогда и не узнал, что в день Победы был посмертно принят в партию и навечно зачислен в списки дивизионной парторганизации.

Но фамилия моя оказалась в списке симулянтов, и политотдельские придурки случайно обнаружили, что симулянт Ларский числится также в списке геройски погибших коммунистов.

Когда меня вызвали в политотдел дивизии /"Небось лозунги писать", — решил я/, начподив подполковник Борин огорошил меня с места в карьер.

— Во-первых, поздравляю, товарищ рядовой, с принятием в ряды Партии Ленина—Сталина! — произнес он с видом, ничего хорошего не предвещавшим, — а во-вторых, где же со-

весть ваша партийная? Почему своевременно не доложили в политчасть, что ошибочно погибли за родину?

— Товарищ подполковник, это недоразумение! Почему меня приняли, я ведь жив?! — закричал я.

— Исключить мы вас из партии не можем, хотя ведете вы себя не достойно погибшего за родину коммуниста. Взять хотя бы позорный факт симуляции. Уставом партии исключение посмертно принятых не предусмотрено, — заявил подполковник.

— Товарищ подполковник, это недоразумение! Я не симулянт, я получил заключение гарнизонного окулиста, — возразил я.

Но начальник политодола не захотел даже взглянуть на мои бумаги.

— Что-то слишком много у вас "недоразумений", рядовой Ларский! Учитывая это, мы решили не принимать решения по вашему делу, а еще разок проверить ваш патриотизм и преданность делу Ленина—Сталина, — сказал подполковник. И добавил многозначительно: — В боевой обстановке...

— Товарищ подполковник, я ведь демобилизоваться должен как непригодный к военной службе! — оторопел я, а в голове промелькнуло: "С Японией война закончилась, неужели в Грецию хотят послать?!"

— Пока ваш вопрос политорганы не решат, вы все равно демобилизоваться не сможете! — оборвал меня подполковник. — А решение этого вопроса будет зависеть от того, как вы себя проявите на новом месте службы.

Мне стало совершенно ясно: политотдельские придурки решили перепихнуть меня, вместе с моим не предусмотренным Уставом партии "делом", в какую-нибудь чужую часть — пусть тамошние придурки ломают себе голову, как со мной быть. Но "боевая обстановка"?

Подполковник все разъяснил.

— Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин поставил перед Прикарпатским военным округом, в состав которого входит и Закарпатье, где стоят части нашего корпуса, боевую задачу: ликвидиро-

вать бандогруппы так называемых "бандеровцев", буржуазных украинских националистов, еще действующих на территории Западной Украины...

Я аж похолодел: неужели на бендеровцев бросят? Хорошенькую свинью подложил мне лейтенант Кваша, живьем в партию оформил вместо погибшего за родину, чтоб смухлевать на своих показателях. Ему что! Он дембельнутся успел, а мне расхлебывать, — невесело подумал я.

— У нас в Закарпатье обстановка относительно спокойная, за исключением северного участка и района перевалов, — продолжал подполковник. — Но на Станиславщине, где стоят части нашей 38-й армии, наблюдается повышенная активность противника...

Я с замиранием сердца ждал, чем же подполковник кончит.

— В частях нашего корпуса развернулся почин патриотов-добровольцев, желающих принять участие в ликвидации бендеровских банд. Товарищ Ларский, политотдел рекомендует также и вашу кандидатуру. Надеемся, вы вернете доверие партии,— закруглился подполковник.

— Служу Советскому Союзу, — рывкнул я. Что мне еще оставалось делать?

Так, вместо демобилизации и гражданской жизни я снова загремел на фронт, после того, как смолкли пушки и наступил, наконец, долгожданный мир.

"ПАРТИЯ И ЛЕНИН ЖИВЫ!"

Боюсь, как бы после моего рассказа у читателя не сложилось впечатление, что я в коммунистической партии очутился случайно, исключительно благодаря "мухляжу" батальонного парторга лейтенанта Кваши. Но в том-то и дело, дорогой читатель, что это не так. Путь в партию был предначертан мне с самого рождения и даже до него — умею я говорить в материнской утробе, я заявил бы во всеуслышание: "Если рожусь, прошу считать коммунистом!". Так же, как спустя

двадцать лет заявил на передовой: "Если умру, прошу считать коммунистом!"

Итак, подобно гоголевскому Акакию Акакиевичу, родившемуся титулярным советником, я появился на свет Божий коммунистом. Читатель знаком с обстоятельствами моего рождения, я не буду повторяться и возвращаюсь к детству лишь для того, чтобы рассказать о моем коммунистическом воспитании, каковое, так или иначе, все равно привело бы меня к заветному партбилету. Кстати, в своих мемуарах я не упомянул о том, что, согласно семейному преданию, первым словом, которое я произнес, было "коминтерн" /после чего я и был признан вундеркиндом/.

— Он будет вторым Бухариным! — в один голос заявили окружающие. Однако этот прогноз оказался неверным. Последующее мое пребывание в буржуазно-феодальном Китае, где я подпал под тлетворное влияние свергнутой императорской династии — в лице моей няни — привело к тому, что я слово "коминтерн" начисто забыл. /Зато, с помощью няни, выучил множество ругательств на всех языках./ Когда мы приехали из Китая, папа, к своему ужасу, обнаружил, что я не могу определенно сказать, кто такой Ленин/?!/, не имею понятия о том, что такое партия!/. Не говоря уже о пятилетке, промфинплане, пролетариате, нэпе, Днепрогэсе...

...Первый урок политграмоты, который я буду помнить до конца жизни, начался с посещения Мавзолея Ленина. Я еще продолжал все мерить китайскими мерками, поэтому Мавзолей — невзрачное деревянное сооружение /тогда он был временным/, немного смахивавшее на древнюю пагоду эпохи Мин, на меня впечатления не произвел. Куда ему было до гробниц китайских императоров! Разумеется, лежащего под стеклом Ленина я принял за китайца — он ведь, и вправду, похож*, а недвижно стоявших на часах красноар-

* Китайцы в Москве вовсе не были в диковинку. На улицах они торговали бумажными игрушками и леденцами, показывали фокусы, занимались стиркой белья. Не все, возможно, знают, что в центре столицы стояла Китайская стена, а район, прилегающий к Красной площади,

мейцев — за восковые куклы, которые видел в императорских гробницах.

Папа мне уже объяснил, что Ленин — Вождь всех трудящихся, или бедных, и что он умер, когда я родился.

Но вот, что такое "партия", я никак не мог себе представить. Папа долго со мной мучился, но оказался не в состоянии это объяснить. Тогда он сказал словами Маяковского: "Партия и Ленин — близнецы-братья..." Понимаешь? "Мы говорим партия — подразумеваем Ленин, мы говорим Ленин — подразумеваем партия". В общем партия и Ленин — это одно и то же.

— Значит, партия тоже лежит в гробе и ее сторожат куклы с ружьями? — спросил я, но вместо ответа неожиданно получил затрещину.

— Заруби себе на носу — Ленин жив и партия жива! А ну, повтори три раза: "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!" — закричал папа.

— Неправда, Ленин умер, ты сам сказал! — заупрямился я и тут же получил вторую затрещину... /Должен сказать, что до этого папа никогда меня не бил./

— Не смей мучить ребенка! — накинулась на папу мама.

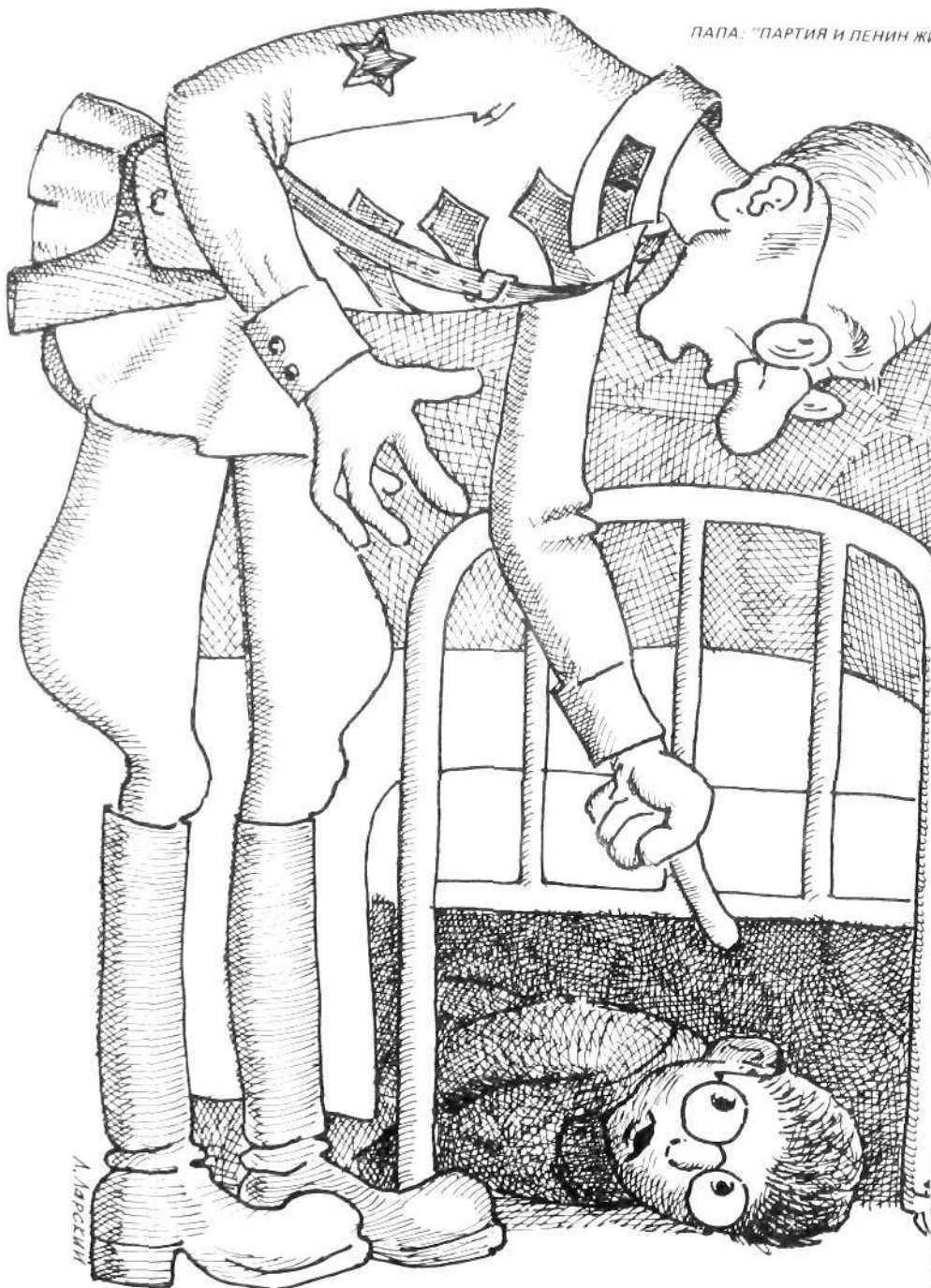
— Это твое воспитание! Я никому не позволю в семье большевика антипартийную линию тянуть! — разбушевался папа. Он велел мне залезть под кровать и пригрозил, что я буду там валяться до тех пор, пока не скажу три раза "Ленин жив и партия жива". Но я уперся, как осел:

— Почему Ленин жив, если он умер, когда я родился? Я его сам видел под стеклом.

— А ну, говори: "Ленин жив и партия жива!" — кричал мне папа под кровать.

— Почему я должен говорить неправду?.. — рыдал я в темноту.

назывался Китай-городом и ЦК нашей партии находился на "китайской" территории. Кстати, там же в те времена находился и ЦК китайской компартии во главе с товарищем Ван Мином, предшественником Великого друга советского народа Мао Цзе-Дуна.

— Давай без "почему"! Так надо, понял? Раз надо, значит надо! — настаивал папа.

— Левушка, скажи скорей, я тогда куплю тебе чижика в клетке! — упрашивала меня мама.

Я долго не сдавался. Под кроватью оказалась моя китайская черепаха Синь, потом к нам примкнул будущий "враг народа" Вундеркац, тогда еще котенок. Сколотив подпольную "антипартийную группку", я не особенно скучал, пока не почувствовал, что мне надо в уборную. Я терпел-терпел, но... раз надо, значит надо. Пришлось прокричать трижды: "Ленин жив! И партия жива!"

— Вот так. Битие определяет сознание, — сказал мне в назидание папа, перефразировав известное утверждение будущего Друга моего детства и Покровителя Карла Маркса.

Таким образом, еще в дошкольном возрасте я сделался сознательным, понял, что Ленин и партия неразрывно связаны и зарубил себе на носу главный постулат демократического централизма: раз надо, значит надо /без всяких "почему"/. После папиного урока политграмоты, по крайней мере тридцать лет слово "н а д о" производило на меня гипнотическое действие. Когда партия говорила "н а д о", я не спрашивал "почему?". Значит, надо и точка.

К примеру, нам секретарь первичной парторганизации говорил: "Товарищ Ларский, на картошку надо", или "товарищ Ларский, У Ну встретить надо", я знал, что вопросы задавать бесполезно /а н а д о заполучить какую-нибудь справку от врача/. Раз надо, значит надо.

Честно признаюсь: обычно получалось у меня не так, как н а д о . И в партийном строю я не обучился ходить, как положено по Уставу, хотя изо всех сил старался.

Зато в идейном отношении я со школьных лет шел впереди, как и подобало сыну ученого-марксиста. Поскольку папа не мог уделить мне времени, я доходил до истин своим умом.

С первого же класса я глубоко проникся главным принципом коммунизма: "От каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Дело в том, что способностями

я тогда отнюдь не блистал, а при таких невыдающихся способностях потребности у меня были большими*.

— Значит, при коммунизме даже круглый идиот может требовать, чтобы учитель ставил ему только "пятерки"? — сообразил я. И сделав это открытие, принялся с нетерпением ждать, когда же, наконец, наступит Светлое Будущее. За Коммунизм я готов был и в огонь и в воду!

А в пятом классе я буквально потряс "Юлия Цезаря" /так мы прозвали нашего историка М. И. Хухалова**/своим толкованием ленинского определения свободы как "осознанной необходимости".

— Кто осознал необходимость, тот свободен! — заявил я. — Если закованный в цепи раб осознал, что так ему и надо — значит он совершенно свободный. Раз надо, значит надо.

— Содом и геморрой! — закричал "Юлий Цезарь" /это было его любимое выражение/ — Ларский, повтори!

Он записал мой пример в огромную тетрадь с надписью "Амбарная книга" и приводил его на всех уроках.

Папа, можно сказать, служил мне в детстве наглядным образцом твердокаменного большевика, каким я сам мечтал стать, когда вырасту. Не с дяди Феди же мне было брать пример, с нашего соседа, который вступил в партию, но говорил лишь о получке, о новых галошах и о засолке огурцов. А папа никаких огурцов не признавал, он исключительно говорил о марксизме-ленинизме.

Маму же мне заменил Отец Народов Великий Сталин.

Я полюбил товарища Сталина больше, чем папу и почти

* Я тогда еще не знал, что подобный случай закономерен и у большинства людей потребности и способности находятся в обратно пропорциональной зависимости /чем способности меньше, тем потребности больше, и наоборот/. Всем известны к примеру, потребности Леонида Ильича Брежнева, увешанного шестьюдесятью орденами. А Карл Маркс даже паршивой медали не имел, даже Ленин схватил один-единственный орденишко.

** Того самого, уже упомянутого мной в "Мемуарах" Хухалова, который обычно говорил, что "Историю делают не всякие там Людовики-мудовики, а трудящие и служащие".

так же, как бабушку. Даже учительницу по физкультуре, в которую был тайно влюблен, я, наверно, любил не так сильно, как родного товарища Сталина.

Надеюсь, читателю теперь ясно, что коммунистом я стал еще в пионерском возрасте, миновав комсомольскую стадию развития — подобно тому, как ныне целые страны совершают скачки из стадии первобытного коммунизма в коммунизм советский, минуя промежуточные формации.

Меня могут спросить: неужели ты продолжал радоваться под сталинской улыбкой в Период Нарушения Ленинских Норм??! Почему ты не прозрел, когда в 37-м вскрылось — ни более ни менее — что ты брал за образец презренных "врагов народа"?

Да, дорогой читатель, я тогда не прозрел, ничего не могу сказать в свое оправдание. Конечно, я мог бы утверждать, что я, да, прозрел или, что именно тогда и начался процесс моего прозревания, который... и т. д. Кто это может проверить? Но я обещал — по мере возможности — не врать в своих мемуарах.

Даже папа, твердокаменный большевик, и тот не прозрел, хотя его самого сажали. Когда арестовывали других, он говорил: "Так надо. Партия не ошибается", однако когда его забрали на Лубянку, он заявил; "Произошла ошибка!" — и ничто его не смогло сломить, как ему ни вдалбливали, что "органы не ошибаются".

— Да здравствует партия, да здравствует Хозяин! — сказал папа, когда его спустя два года из тюремной больницы перевели в 1-ю Градскую, где он еще целый год проболел.

Во время папиного отсутствия я, конечно, не радовался, но тем не менее материнская улыбка товарища Сталина, портрет которого висел над моей кроваткой, по-прежнему продолжала меня греть.

— Как же так? Ты рос в Период Нарушения Ленинских Норм, когда — как мы теперь знаем — в тюрьмах и лагерях погибали миллионы невинных людей. Неужели ты ничего не подозревал? — могут меня спросить.

Дорогой читатель, я клянусь тебе: о Периоде Нарушения

Ленинских Норм я впервые услышал спустя двадцать лет, уже взрослым дяденькой. Конечно, если бы я об этом Периоде знал еще в детстве, я бы сразу прозрел!

Но в том-то и дело, дорогой читатель, что рос я не в Период Нарушения Ленинских Норм /ПНЛН/, а в Период Развернутого Строительства Социализма в одной отдельно взятой стране /ПРССВООВС/. И если тогда упоминалось о "нарушении ленинских норм", то только "врагами народа", которых — именно за эти нарушения — славные чекисты ликвидировали.

Разумеется, в любой работе возможен брак, и у славных чекистов без этого не обошлось — мой папа служил тому наглядным примером.

— Лес рубят — щепки летят! — сказал по этому поводу товарищ Сталин с присущей ему мудростью. Так было в Период Развернутого Строительства Социализма в одной отдельно взятой стране, который по праву можно еще называть и Периодом Перевыполнения Ленинских Норм. Даже Друг моего детства и Покровитель Карл Маркс и тот до XX Съезда партии не подозревал, что все обстояло как раз наоборот:

а/ "враги народа" оказались не врагами, а своими в доску /за исключением Иудушки Троцкого и прочих/;

б/ Ленинские Нормы нарушали не они, а партия и лично товарищ Сталин;

в/ славные чекисты выдавали "на гора" сплошной брак — 99,99% арестованных были не виновны ни в чем.

Могу определенно сказать: в Период Нарушения /или Перевыполнения/ Ленинских Норм я сделался еще идейней, несмотря на все неприятности. Однако Светлое Будущее, с которым у меня были связаны воистину грандиозные планы, сильно подводило.

Я, ТОВАРИЩ ВИЛЬНЕР И ВАХТЕР ЧУХРОВ

Почему-то бытует мнение, будто члену единственно правящей в лагере мира и демократии коммунистической партии живется легко и привольно. В то же время жизнь коммуниста в стане империалистических поджигателей войны совершенно невыносима и обязательно чревата тюремным заключением. Это не совсем так. Жизнь рядового члена первичной парторганизации КПСС — тоже не сахар.

Помню, как в шестидесятые годы на партсобрании одного из московских издательств, где я, будучи внештатным художником, состоял на партийном учете, обсуждался вопрос о борьбе зарубежных компартий за мир. Когда докладчик сообщил, что в странах капитала цинизм тюремщиков дошел до того, что товарища Куньялу, Генсека Португальской компартии, лишили туалетной бумаги, — в зале наступило некоторое замешательство. /Наша промышленность в то время еще не освоила производство туалетной бумаги для нужд населения, и поэтому она распределялась по закрытым лимитам./

В порядке ведения собрания, боец взвода охраны, ударник коммунистического труда Чухров задал докладчику вопрос: — Насчет той самой бумаги, как понимать? Курева, что ли, суки заграничные, коммунистов лишают?

На что редактор индийской редакции Рухимович заметил:

— А что, интересно, наши советские газеты хуже их туалетной бумаги?

В словах Рухимовича был известный резон. Я, к примеру, все 28 лет своего пребывания в партии пользовался исключительно "Правдой" и в результате этого установил, что даже и без туалетной бумаги членство в КПСС и в советских условиях приводит в некотором роде к лишению свободы. Так что пусть иностранные товарищи не так уж завидуют рядовому советскому коммунисту.

Интереса ради, я как-то подсчитал, что, будучи ротным придурком в Советской Армии, я за четыре года отсидел на "губе" в общей сложности 17 суток. А вот за 28 лет пребы-

СТРЕЛОК ОХРАНЫ ЧУХРОВ: "НАСЧЕТ ТОЙ САМОЙ БУМАГИ
КАК ПОНИМАТЬ?"

вания в КПСС в качестве "первичного придурка" /члена первичной парторганизации/ я почти без сна отсидел 165 суток — на партсобраниях и занятиях в сети партпросвещения! И еще 170 суток отбыл — в порядке партпоручений — на принудработах: в колхозах, на плодоовощных базах, на демонстрациях, встречах зарубежных делегаций и т. д. Таким образом, путем простого подсчета, я, к своему изумлению, установил, что мой 28-летний партстаж в КПСС автоматически обошелся мне почти в год строгого заключения.

Когда же, перелистав партбилет, я уточнил еще и финансовые отношения с родной партией, то у меня даже давление подскочило. Оказалось, что за 28 лет я внес в партийную кассу около четырех тысяч рублей. Поскольку эта сумма примерно равнялась моему полугодовому заработку художника-графика, то к указанному выше году заключения нужно прибавить еще и 6 месяцев принудработ с удержанием 100 процентов заработка.

Но я совсем не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто для "первичных придурков" пребывание в партии — сушая каторга, будто они, подобно галерным рабам, прикованным цепями к веслам, только и знают, что на собраниях махают по команде партбилетами. Нет, были у нашего брата и свои, пусть недолгие, но светлые минуты, помогавшие с успехом преодолеть все трудности, связанные с борьбой за утверждение зрелого социализма в одной отдельно взятой стране. Я подсчитал, что за 165 суток, отсиженных на партсобраниях и занятиях в сети партпросвещения, сыграл в общей сложности не менее двух тысяч партий в крестики-нолики и морской бой, решил около восьмисот кроссвордов и чайнвордов, прослушал не менее семи тысяч пятисот анекдотов. Ох, как жаль, что я их не записывал — вполне мог бы, по образному выражению Маяковского, поднять как большевистский партбилет все сто томов партийных анекдотов.

Однако не на каждом партсобрании на повестке дня стояли решения Пленумов ЦК по сельскому хозяйству или идеологическим вопросам, когда члены парторганизаций, в ожидании

принятия резолюций, коротали время, как могли. Стояли вопросы, при обсуждении которых активность коммунистов настолько повышалась, что было уже не до крестиков-ноликов. Страсти иногда достигали такого накала, какой бывал лишь в самые критические моменты истории партии — к примеру, на II съезде РСДРП, когда произошел исторический раскол на большевиков и меньшевиков, или когда Ленин в Смольном произнес пророческие слова: "Есть такая партия!"

Накал страстей на историческом II съезде казался легким обменом колкостей по сравнению с тем, что поднялось на нашем партсобрании, когда обсуждалось аморальное поведение кандидата филологических наук Быкова /заведующего испанской редакцией, а в прошлом — первого секретаря советского посольства в Аргентине/, сожительствовавшего почти со всем техническим персоналом своей редакции. Учитывая долгую и безупречную службу Быкова в органах, партбюро предложило ограничиться вынесением ему выговора без занесения в личное дело. Страсти разыгрались после того, как выступил стрелок охраны Чухров и заявил, что Быков — еврей. Как помнится, собрание продолжалось до часа ночи и кончилось тем, что Быков был исключен из партии за сионистскую деятельность.

К слову, расскажу и о своем последнем собрании, на котором меня исключили из партии в связи с выездом в государство Израиль. К тому времени я состоял в придурках не при какой-нибудь там заскорузлой батальонной политчасти / во главе с замполитом Дубиной/, а, можно сказать, при целой идеологической дивизии, которую многие годы возглавлял генерал Чувиков, подчинявшийся непосредственно идеологическому отделу ЦК. Это было издательство, выпускавшее литературу на иностранных языках для зарубежных стран, то есть действовавшее на переднем крае идеологической борьбы с империализмом и сионизмом.

Ничего хорошего, как понимает читатель, мое намерение выехать на историческую родину мне сулить не могло. Правда, в моем распоряжении была "Инструкция для коммунистов, отъезжающих на постоянное место жительства в госу-

дарство Израиль", составленная зав. секцией игрушек университета "Детский мир" Розалией Гершович, членом КПСС с 1972 года. Основной частью Инструкции был "Примерный план поведения исключаемого" и 14 типовых вопросов к нему. Главным из них был: "С какой целью вы покидаете свою родину и уезжаете во враждебное государство Израиль?" На этот скользкий вопрос рекомендовался следующий ответ: "Выезжаю в государство Израиль с целью вступления в ряды братской компартии, руководимый верным ленинцем товарищем Вильнером".

Поскольку мое исключение переносилось с собрания на собрание, в моем распоряжении оказалось два месяца, которые я использовал для тщательной репетиции своих ответов в домашнем кругу.

Наконец, настал роковой день.

За все 28 лет подобного собрания я не помнил — оно продолжалось с небольшим перерывом шесть с половиной часов. И если я уцелел, то обязан этим лишь двум лицам: Председателю Мао и нашему стрелку охраны Чухрову. Первому за то, что благодаря ему и всему презренному руководству Коммунистической партии Китая, продавшемуся империалистам, собрание обсуждало закрытое письмо ЦК КПСС по китайскому вопросу в течение шести часов. Таким образом, удар, предназначавшийся мне, приняли на себя презренные маоисты, за спинами которых мне и удалось укрыться. А второму — за то, что свою неизменно бухую реплику он подал слишком поздно, поскольку еще с двумя коммунистами задержался в туалете, где они давили последнюю поллитровку. Когда он вернулся в зал, народ почти уже кинулся к выходу, хотя председательствующий объявил, что вторым вопросом в повестке дня стоит персональное дело коммуниста Ларского.

Председательствующий зачитал мое заявление с просьбой об исключении в связи с выездом на постоянное жительство в государство Израиль.

— Вопросы будут?

Тут, конечно, вскочил Вайнштейн из периодики:

— А с какой, собственно, целью вы покидаете нашу родину и едете к сионистам?

Я был готов к этому на все сто:

— С целью продолжения борьбы за мир во всем мире в рядах компартии, руководимой товарищем Вильнером. С товарищем Вильнером я сразу же по приезде свяжусь...

— Не муди! Этот номер тебе не пройдет! — подал реплику подоспевший из туалета стрелок охраны Чухров.

Но на этот раз реплика Чухрова повисла в воздухе: часы показывали без пяти час ночи. Все бросились к выходу, спеша на последний автобус.

Вот так бесславно закончилась моя карьера "первичного придурка" в рядах родной коммунистической партии.

В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "ВРЕМЯ И МЫ"

Писатель Виктор Некрасов обратился с просьбой освободить его от обязанностей члена редколлегии журнала "Время и мы" в связи с отдаленностью его от журнала и невозможностью активно участвовать в работе редакции. Редколлегия удовлетворила просьбу Виктора Платоновича Некрасова, надеясь, что и в дальнейшем он останется активным автором журнала.

В состав редколлегии журнала "Время и мы" вошел главный редактор американского издательства "Ардис" профессор Карл Проффер.

Илья СУСЛОВ

МОИ АВТОГРАФЫ

Что увозили мы с собой в эмиграцию? Мебель. Тряпки. Мыло туалетное и хозяйственное. Стиральный порошок. Пасту зубную. Колготки.. Хохлому. Палех. Хрустальную вазу. Скатерти льняные. Пододеяльники. Книги.

Книги. Мы любили книги. Мы выстаивали за ними в очереди, мы платили за них все деньги, оставшиеся до получки. Мы хвастались своими подписными изданиями и книгами по искусству, тяжелыми и красивыми. Мы вывезли зачитанную до дыр "Библиотеку зарубежной новеллы" и двухсоттомную "Библиотеку мировой литературы".

Почему Россия так любит книгу? За то, что она — источник знаний? Как бы не так! Книга в России — это опиум для народа. Когда хочется уйти от паршивой советской действительности, берут в руки "Трех мушкетеров". Когда нет своей жизни, интересуются чужой. Мы такие интеллигентные и начитанные потому, что у нас не было своей жизни. Была серая, монотонная, спланированная с начала до конца тоска и скука. Вот мы и жили Мопассаном, потому что наши любовные приключения проходили в подъездах, на лавочках парков культуры и в коммуналках с фанерными стенками. И мы любили молча, молча, стискивая зубы, чтобы не услышала тетя Глаша из соседнего подъезда. Вот мы и жили Туром Хейердалом, потому что знали, что никогда нам не пересечь Атлантику на "Кон-Тики". Вот мы и увлекались "за-

рубежным детективным романом”, потому что знали, что сыщик Тим Холт нисколько не напоминает нашего участкового, лейтенанта Колю. Мы нанюхивались литературой, как наркотиком, потому что она уводила нас в другую, разноцветную и прекрасную жизнь. Ах, Ремарк! Хемингуэй! Конан-Дойль!..

И потащили за собой наши книги. С ними нельзя было расстаться, мы, как наркоманы, уже были не в силах избавиться от этой привычки — читать! Ну как же не взять собрание сочинений Толстого? И Алексея тоже! Я не тронусь с этого места, пока ты не упакуешь Тургенева!

— Зачем тебе там Тургенев?

— Ах, ты ничего не понимаешь! Ты холодный, равнодушный, некультурный человек!

Плывут через океаны книги на русском языке. Уникальное явление. Сотни тысяч книг из прошлой жизни перевезено в Америку и Израиль, в Канаду и Европу. За них заплачены чудовищные деньги. Каждый томик — на вес золота. Посмотрите на наши квартиры. Как странно они напоминают наши старые квартиры. Полки, уставленные книгами. Сокровищницы человеческого гения. Когда вы последний раз вытирали пыль с некогда любимых томов? Как часто за все это время вы подходили к своим книжным полкам? И что вы читали /или перечитали/ из своих любимых авторов? Ах, Ремарк! Хемингуэй! Конан-Дойль! Сиротливо ждут они на полках, когда же к ним прикоснутся некогда ласковые пальцы, когда они снова зашуршат страницами, а в воображении читателя начнут мелькать шпаги Д’Артаньяна, трубки Шерлока Холмса, бутылки скотча на столиках, за которыми расположились лаконичные герои Хемингуэя. Да ничего подобного! Наш некогда запойный читатель почему-то охладел. Он зажил своей жизнью! И теперь, если ему надо развлечься, он вместо Шерлока Холмса включает на всю катушку “Чарли с Энджелс”, а вместо Д’Артаньяна — “Баретту”.

Прощай, еще одна старая любовь!

Я был такой же. Я тоже вывез мою библиотеку. Я тоже построил книжные полки в моей фэмили-рум и поставил на них моих старых друзей. Правда, одна полка у меня в постоянном употреблении. Нет, не подумайте, что я такой уж странный, нет, я читаю то, что при советской власти мне читать было не положено: эмигрантскую литературу.

И вот вчера я полез наверх и нашел там книги моих друзей. Это были сборники поэзии, книжечки, вышедшие в издательстве “Огонек”, книги тех, кого я впервые опубликовал на 16-й странице “Литературной газеты”, тех, с кем дружил и просто встречался. Писатели дарили мне свои книжки и писали на них свои автографы. Смешные и не очень, вежливые и саркастические, с ошибками и без. А меня обижало: я как бы снова погрузился в ту, старую, такую уже далекую жизнь. Я видел лица моих друзей, я вспоминал их строчки. И мне за-

хотелось о них написать. Конечно, это были “наши” люди. В России, как известно, интеллигенты разбиты на “левых” и “правых”. Мне уже приходилось писать на эту тему. “Правые” не дарили своих книжек “левым”. И наоборот. Но сегодня для меня никакие они не “правые” и не “левые”. Они для меня — несчастные люди, обреченные на то, чтобы писать с оглядкой, с внутренним цензором, молча, стиснув зубы, чтоб не услышала тата Груша. Но каждому свое. Некоторые уже ушли от нас. Вечная им память. Некоторые добились известности и даже славы. А других никто и не помнит. Но для меня они все — живые. И каждый был по-своему дорог.

Я не буду здесь выступать как критик или литературовед. Просто я вспомню что-нибудь в каждом, кого вспомню. Ведь я не видел их очень давно. Очень давно...

Илюхе, которого я очень люблю, а он, дурак, ко мне не ходит.

Юрий Ряшенцев

С Юрой Ряшенцевым я дружил многие годы. Он был чертовски талантливый поэт и переводчик. Всю жизнь я просил его:

— Юра, займись гражданской поэзией! С твоей техникой и пониманием поэзии ты заткнешь за пояс и Евтушенко, и Вознесенского!

— Нет, — отвечал он, — это не мое. Я просто поэт. Не бывает гражданских поэтов. Бывает гражданская смерть. Гражданская война бывает.

— Но ведь я хочу тебе славы!

— Не морочь мне голову, — говорил Юра. — Слава приходит не к гражданам, а к мастерам. Если я стану мастером, я и добьюсь того, что ты суетно называешь славой. И никакие тенденциозные стихи в этом не помогут.

Мы вели эти разговоры в его квартире, за столом, за которым, по некоторым предположениям, убили Распутина. Стол этот стоял в его квартире с незапамятных времен, когда В. И. Ленин разрешил именитым чекистам реквизировать для своих нужд мебель из дворцов. Отец Юры, старый чекист, ведший, по слухам, дело поэта Гумилева, взял себе мебель из

дворца князя Юсупова. Юриному папе это не помогло, потому что его тоже ликвидировали в тридцатых годах. Юра представлял собой ярчайшую иллюстрацию конфликта поколений: Гумилев был одним из его любимых поэтов...

Я помню пыльную Анапу, куда мы однажды отправились с Юркой летом. Мы были молоды и пили белое крестьянское вино. На каком-то столбе висела вывеска, которую мы никак не могли прочесть. Вывеска висела высоко, и мы никак не могли составить буквы. "Не в... не вло... не влю...", черт его знает! Юра рассердился и полез на столб. Он сорвал с верхотуры эту ржавую железку и спустился вниз, как акробат. Там было написано: "Не влезай, убьет!"

Я сберег эту прелесть и привез в Москву. Она висела над моей кроватью долгие годы моего холостячества к смущению подруг, иногда приходивших ко мне "навести уют", как они говорили. Жаль, не взял ее с собой в Америку. Да теперь уж что!.. Старый, женатый... Как там у Гумилева? "Женаты мы, любовь нас не волнует..."

Первый сборник стихов Ряшенцева вышел в 1967 году. Он назывался "Очаг". Там было, между прочим, и стихотворение, посвященное мне:

ПРАЗДНИК, ТАНЦЫ НА ПЛОЩАДИ

Илье Суслову

Как мы кружимся — и я, и он, и все!

Вместо солнца — просто белка в колесе.

**Над толпою — как мембрана — медный бас,
он проигрывает, проигрывает нас,
как пластинку, как пластинку, как тогда —
в патефонные далекие года.**

Площадь круга... Площадь круга... Два пи эр...

— Где вы служите, подруга?

— В АПН.

— Вам не кажется, что мы сейчас в Гель-Гью?

— Вы банальны, друг мой, Грина не терплю...

Грины, Грэмы и Эльмары — все потом!

Солнце машет нам оранжевым хвостом.

Где часы и где минуты, где века?

Лишь полоска на руке от ремешка...

— Вам не кажется, что все идет кругом?

— Мы сейчас столкнемся...

— С другом иль с врагом? —

**Все мы кружимся — Господь нас пронеси, —
все немножечко вокруг своей оси.**

**На большом на барабанае целый час,
как на лобном месте, распинают вальс.**

— Загорел на вашей ручке ремешок...

**Что со мной? Во мне проснулся пастушок,
и гусар, который слит во мне давно,
и кому еще проснуться суждено.**

— Вам не кажется, что мне пора домой?

**— О, конечно! Но нельзя же по прямой,
а вращенье в этой солнечной гульбе —
лучший способ возвращения к себе.**

У этого стихотворения своя история, связанная с другим литературным именем, пародистом Александром Ивановым...

Я уважаю Суслова И. П.

Интеллигента, гада и т. п.

Ал. Иванов

Саша Иванов был длинный и язвительный пародист. Он обладал способностью вытаскивать у поэта самую слабую строчку и с ее помощью не оставить от ее автора камня на камне. Вот что он сделал с Юрой Ряшенцевым по поводу стихотворения, опубликованного выше:

Юрий РЯШЕНЦЕВ

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Площадь круга... Площадь круга... Два пи эр.

— Где вы служите, подруга?

— В АПН.

Говорит моя подруга, чуть дыша:

— Где учился ты, голуба, в ЦПШ?*

* Церковноприходская школа.

Чашу знаний осушил ты не до дна,
 Два пи эр — не площадь круга, а длина,
 И не круга, а окружности притом;
 Учат в классе это, кажется, в шестом.

Ну поэты! Удивительный народ!
 И наука их, как видно, не берет.
 Их в банальности никак не упрекнешь,
 Никаким ключом их тайн не отомкнешь.

Все б развиваться им, голубчикам, дерзать.
 Образованность все хочут показать...

Тов. Илюше с уважением.

Ал. Безыменский

Вошел старый неряшливый человек — поэт Александр Безыменский. Еще в самом начале мы в "Клубе 12 стульев" решили, что "старая гвардия" сатириков, насмерть запуганных Сталиным и умеющих лишь прославлять режим, критикуя только то, что неугодно этому режиму, не будет заполнять своими "позитивными" творениями нашу страницу. Мы полагали, что с них достаточно "Крокодила". Некоторым из "стариков" все-таки нравилось то, что мы делаем, и они старались перестроиться и писать в нашем стиле. Лучше всех это удавалось В. Лифшицу, В. Бахнову, В. Массу, В. Полякову, Я. Зискиндю. Ленчу это никогда не удавалось, но мы его все-таки иногда печатали: он был влиятельным, а нам не хотелось неприятностей. Приходил старик Рыклин, добрый и вялый. Он рассказывал истории про времена большой чистки, и мы удивлялись, что он сумел выжить тогда. Но Безыменский знал, что в "Клубе 12 стульев" ему делать нечего, и никогда не заходил.

Я встречал его раньше в Доме литераторов. Репутация у него была неважная. Он был очень знаменит в двадцатых и тридцатых годах, он тогда был из самых оголтелых. Его агитки, крикливо и небрежно написанные, очень нравились начальству. Его напускали на самых талантливых писателей тех лет, и он писал в стихах и прозе письма в правительство, требуя "расстрелять, как бешеных собак кровавую фашистскую

троцкистско-зиновьевскую банду". Мне довелось как-то взять в руки "Литературку" тридцатых годов, где печатались эти письма, и я увидел под ними подписи многих уважаемых ныне литераторов, которые не знаю как бы себя чувствовали сегодня, покажи им эти кликушества. Безыменский старался больше всех. Он был старый комсомолец, и на лацкане его задрипанного пиджака всегда висел комсомольский значок. Он принес стишок. Я прочел:

**Зал озирая хмурым взглядом,
 Был председатель зол и хмур:
 "Пять человек избрать нам надо..."
 Назвали пять кандидатур.**

Дальше я не очень помню, но потом кто-то из зала крикнул, что пора подвести черту... И вдруг стихотворение кончилось так:

**От демократии черта
 Не оставляет ни черта!**

Я посмотрел на него. Он безучастно смотрел в окно. Старый, много переживший человек.

— Что с вами, Александр Ильич? — спросил я. — Не идут ли эти замечательные стихи вразрез с вашими убеждениями?

— Нет, я так сейчас думаю, — сказал он.

— Я сделаю все, чтобы это напечатать, — сказал я. — Только вот не знаю, пропустит ли это Чаковский. Эта штучка посильнее, чем фауст-патрон.

Он усмехнулся. Я пошел вниз, к начальству. Начальство прочитало.

— Не надо нам этого, — сказала оно. — Это не для нас.

— Да? — сказал я. — Вы уверены? Знаменитый рупор партии, Александр Безыменский, приносит стишок, призывающий к восстановлению ленинской демократии в низовых организациях, а вы считаете, что это не для нас? В первый раз есть возможность напечатать истинно партийные агитационные стихи, написанные истинно советским мастером, а вы считаете, что это не для нас? Это как понять? Много ли в последние

годы я приносил вам по-партийному поставленных вещей, в духе Демьяна Бедного и позднего Маяковского? И вам этого не надо? Да Безыменский просто напишет жалобу в ЦК, а вы знаете, чем обычно кончались его жалобы!

Начальство задумалось.

— А если это будет понято как процедура выборов в Политбюро? — спросило оно.

— Это кому же в голову придет так подумать? — Я, например, так не подумал. А вы подумали?

— Не морочьте голову, Илья Петрович, — сказала начальство. — С другой стороны, Безыменский... На него так не подумают. Уж очень он был верноподанный.

— Вот видите. Печатаем?

— Пожалуй.

Я вернулся к себе и сказал Безыменскому:

— Завтра вы проснетесь другим человеком. Вы написали замечательный стишок. Вам будут звонить люди, которые не разговаривали с вами тридцать лет. Что стоило вам раньше писать честные стихи?

— Я думал, что я пишу честные стихи, — недоверчиво сказал он.

Наутро стихи появились в газете. Он позвонил мне в три часа дня и сказал:

— Что вы со мной сделали? У меня с утра разрывается телефон. Все поздравляют. В чем же дело? Из-за малюсенького стихотворения...

— Александр Ильич, иногда люди остаются в истории одной строчкой...

— Я так рад, так рад... Я вам принесу еще.

Он принес еще одно стихотворение. Оно было похуже, там не было столь афористичного конца, но не менее острое.

Я пошел к начальству. Начальство сказала "нет". Я убеждал. Начальство было непреклонно. Я орал. Начальство тоже. Я вернулся ни с чем.

— Не пойдет, — сказал я Безыменскому.

Он сразу потух, съезился, постарел.

— Видите, что вы наделали в свои двадцатые-тридцатые! —

безжалостно сказал я. — Ведь это вы лично и ваши соратники все так устроили. А теперь цензура бьет по своим. Как аукнется...

— Кто же мог знать? — пробормотал он.

— Надо было знать.

Он был очень похож в эту минуту на свою эпиграмму. Ходили по Москве ненапечатанные злые эпиграммы на разных поэтов и писателей. Я не знаю, кто их автор. Фольклор. Про Безыменского была такая:

**Волосы дыбом, зубы торчком,
Старый дурак
С комсомольским значком.**

Жестокая, злая шутка. Но где-то правдивая. Я смотрел на старого, проигравшего свою жизнь поэта, который не остался ни в чьей памяти, и повторял его строчку:

**От демократии черта
Не оставляет ни черта...**

*Илье без слов, потому что
слова он может сам.*

Фазиль

Фазиль Искандер начинал как поэт. И очень хороший. Сейчас, после огромного успеха его прозы, мало кто это помнит. У него было открытое улыбочное лицо, он умел слушать. Он был мастером перевоплощения. Вот только что, это уставший, средних лет писатель, и тут же — удивленный ребенок, понятия не имеющий, о чем его спрашивают. Наивные удивленные глаза, детские вопросы, восхищение умом собеседника /"Правда? Не может быть! Кто бы мог подумать!"/. Разговариваешь с ним и думаешь, а отдает ли он себе отчет в том, что он написал? Однажды он пришел ко мне в комнату в журнале "Юность" и сказал:

— Вот получился стих. Хочешь послушать?

**Орало радио на площадях,
глашатай двадцатого века.**

У входа в рай стоял морфинист
 под вывескою "Аптека".
 Гипнотизеры средней руки
 на государственной службе.
 Читали доклады штурмовики
 О христианской дружбе.
 И равно летели потом под откос,
 слушая мерные звуки,
 И те, кого усыпил гипноз,
 и те, что спали от скуки.
 А скука такая царила в стране,
 такое затманье рассудка,
 Что если шутка могла развлечь —
 только кровавая шутка.
 Молчали надгробья усопших домов,
 молчали могилы и морги.
 И сын пошел доносить на отца,
 немея в холодном восторге,
 Орало радио на площадях,
 глашатай двадцатого века,
 Пока на осталось среди людей
 ни одного человека.
 А дни проходили своей чередой,
 земля по орбите вращалась,
 Но совесть, потерянная страной,
 долго не возвращалась.

Мы помолчали.

— О чем это, Фазиль?

— Как о чем? Обо всем.

— И ты собираешься это напечатать?

— Конечно. Что ты так испуганно смотришь?

— И кто тебя с этим напечатает?

Лицо его сразу приняло детское выражение.

— А что тут такого?

— Фазиль, не валяй дурака! Это самые обличительные стихи, которые мне приходилось слышать.

— Обличительные? Кого я обличаю?

— Советскую власть.

— Правда?

Он взялся за рукопись и углубился в чтение, как будто никогда не видел этого стихотворения.

— Я ничего этого не вижу, — сказал он. — Ну где тут про советскую власть?

— Ну а что это, по-твоему? "Сын пошел доносить на отца...", "скука такая стояла в стране... затмение рассудка...", "совесть, потерянная страной..."

— Причем тут мы? — возмущенно крикнул он. — У нас разве так?

— Фазиль...

— Тут надо что-то делать, — сказал он. — А то и впрямь какой-нибудь псих, вроде тебя, так подумает. А если мы назовем это стихотворение так: "Германия 1934 года", а? Не переделывать ведь стихотворение из-за того, что у кого-то мозги набекрень?

— Это хорошее название. Может и пройти.

— Вот видишь, — обрадовался он совсем по-детски. — И никому в голову не придут всякие глупости.

Он ушел к редактору Полевому, потом вернулся, сунул голову в дверь и сказал:

— Спасибо за заголовок.

Илье, которого я люблю и надеюсь, что он отвечает мне взаимностью.

Гр. Горин

Гриша Горин был литературным вундеркиндом. Он начал писать в семнадцать лет. Кончил медицинский институт и некоторое время работал на скорой помощи. Но призвание взяло свое, и вскоре он стал профессиональным писателем. Мы шутили по этому поводу, что не знаем, что от этого приобрела литература, но то, что медицина ничего не потеряла, — это было ясно! Многие годы Гриша Горин писал в соавторстве с Аркадием Аркановым, тоже врачом по профессии. Собственно это были их псевдонимы. Настоящая фамилия Горина была Офштейн, а Арканова — Штейнбок. Под такими фамилиями им выступать было не совсем, что ли, ловко, начальство не очень-то любило Штейнов, Эйнштейнов и Офштейнов. Гриша стал Гориним. Мы читали его псевдоним как аббревиату-

ру: Гриша Офштейн Решил Изменить Национальность — ГОРИН.

Однажды Горин и Арканов поехали в Одессу — писать программу для Эдди Рознера. Они сидели в душном номере гостиницы и вымучивали репризы для конференсье. Настроение было противное, вентилятор не работал, у Арканова раскалывалась голова после вчерашнего... Аркадий вышел на балкон. Внизу спешили по своим делам одесситы.

— Товарищи! — мрачно крикнул в толпу Арканов. — Идите и возьмите почту, телефон и телеграф!

Толпа внизу, задрав головы, слушала призыв. Горин похолодел.

Надо добавить, что он немного шепелявил, что доставляло ему немало страданий.

— Ты отюмел, Аркан! — сказал он. — Ты тронулся! Ну ты дделал? Тичас придет милития! Нас твядут и посадят! Как ты мог, дудак такой!

— Ты так думаешь? — задумчиво сказал Аркан. Он вышел на балкон и крикнул:

— Товарищи!

Одесситы задрали головы.

— Товарищи! Вы уже взяли почту, телефон и телеграф? Отдайте это им обратно.

Горин рассказывал мне эту историю грустно-грустно, сетуя на неосторожность Аркана и его легкомыслие.

— Вот почему я такой вялый, — тихо сказал он.

— Какой ты?

— Вялый, вялый я...

— Не слышу!

— Вялый я, вялый! — заорал Гриша, и всем стало ясно, какой он молодой и здоровый. Он всегда был моложе других. Многие завидовали его успеху. А надо было завидовать его таланту.

Илье Суслову с пламенным бандитским приветом.

Вас. Аксенов

С Василием Аксеновым я всегда влипал в историю. Я был редактором, а он — очень трудно проходившим писателем. Нам всегда хотелось его напечатать на 16-й полосе "Литгазеты", а начальство ни за что не хотело его пропускать и привязывалось к каждой мелочи. Поскольку речь идет о газете, то все материалы должны были быть сданы по часовому графику. График был составлен так, чтобы все изменения в тексте происходили без ведома автора. Такие изменения чаще всего сводились к выбросу тех кусков, ради которых и была написана та или иная статья. И наутро взбешенный писатель видел в газете что-то совершенно противоположное тому, что он написал. Кто был виноват? Литсотрудник, готовивший материал. На него, невинного, чаще всего и обрушивался справедливый гнев "отредактированного" автора.

Так всегда было с Аксеновым. Он прислал нам прекрасный рассказ об интеллектуальном боксере. Рассказ был набран и поставлен в номер. Во вторник /перед печатью тиража/ его прочел Маковский.

— Суслов — к Чаку!

— Слушаю, Александр Борисович.

Чак любил кричать, все думали, что он просто разорвется, когда он, дымя своей толстой сигарой, начинал кричать. Но мы-то знали, что он кричит горлом, а внутри — он совершенно спокоен. Он кричит, чтобы не было возражений. Это такая форма приказа.

— Что вы мне подсовываете со своим Аксеновым? — кричал Чак.

— А что там? Смешной, отлично написанный фарс.

— Фарс? Фарс? И эти глупые уколы — тоже фарс?

— Какие уколы?

— Вы видите фамилию героя этого рассказа?

— Да. Его зовут Мамлакатов.

— Мамлакатов! Немедленно снимите этот рассказ! Где у вас глаза?

— Что плохого в фамилии Мамлакатов?

— Вы что, смеетесь? Ребенку видно, что Аксенов над нами издевается. Мамлакатов — от М а м л а к а т!

— Мамлакат — чудная девочка, которую Сталин любил до войны носить на ручках. Она собрала столько хлопка до войны, что мы до сих пор ходим в ее телогрейках.

— И вы туде же! Зачем эти экивоки? Кого мы хотим удивить? — кричал Чаковский. — Идите! Никаких Аксеновых, никаких Мамлакатовых!

— А если изменить фамилию героя?

— Уже нет времени. Я запускаю машины.

— Александр Борисович, будет еще один скандал...

— Ну, давайте фамилию. Только здесь же.

— Мабукин! — сказал я. — Пусть будет боксер Мабукин.

— Что такое Мабукин? — подозрительно спросил Чак.

— Мабукин — это среднеарифметическое имя советского спортсмена, — сказал я. — Знаете, есть такие футболисты — Мамыкин, Бубукин... Это будет Мабукин...

И Чак всюду поменял Мамлакатова на Мабукина.

Я, конечно, обманул Чаковского. Фамилия Мабукин возникла из анекдота, только что рассказанного кем-то в моей комнате. Анекдот был такой:

"В какую-то только что освободившуюся африканскую страну приезжает советский посол. Все племя сидит у костра. Здесь и новый президент с женами и копьями, и совет министров с набедренными повязками. Президент говорит:

— А теперь послушаем, что нам скажет гость из великой северной страны.

Встает посол в шляпе до ушей, в костюме с галстуком,

— Весь советский народ, — говорит он, — с охромным воодушевлением...

— На мабуку! — кричит племя, потрясая копьями.

— И мы, как и весь рабочий класс и трудящее крестьянство, — продолжает посол...

— На мабуку! — кричит племя.

— И сисисическое общество! — заканчивает посол.

— На мабуку! — кричит племя.

Тут вождь /прошу прощения, президент/ говорит:

— А теперь по старинному обычаю нашего народа мы должны погасить этот костер нашей дружбы.

Все встают и начинают заливать костер натуральным, так сказать, способом. Наш посол тоже расстегивает ширинку и присоединяется к племени. Общий ропот.

— Что они говорят? — спрашивает посол у вождя.

— Они говорят, — отвечает вождь, — такой большой гость, из такой большой страны — и с такой маленькой мабукой!*

Вот откуда и появился боксер Мабукин.

Конечно, Вася Аксенов был в ярости. Но он ничего мне тогда не сказал, потому что несмотря на это изменение, рассказ был напечатан и имел огромный успех.

Но в другой раз он принес мне главу из ненапечатанного романа.

Она была набрана и заверстана в полосу. Но во вторник /как я ненавидел эти цензурные вторники!/ страницу перелицевали, и у Аксенова появился "хвост" примерно в семьдесят строк, который нужно было сократить.

Как поступают в нормальных изданиях? Снимают из номера рассказ, отсылают его автору и просят произвести необходимые поправки и изменения. Но то — в нормальных. Здесь же надо все делать как можно скорее, потому что на следующей неделе будет иной ведущий редактор, который снимет не только эти семьдесят строк, а весь рассказ. Надо спешить! И я "убил" эти строчки сам, чтобы рассказ влез в газету и вышел, черт возьми! И ничего не сказал автору.

На следующий день мы столкнулись в Доме литераторов. Аксенов был взбешен. Я никогда не видел добрейшего Васю в таком состоянии, он был готов меня убить!

— Ну какое право ты имеешь лезть в мой текст? — спросил он.

— Газета... сроки... — бормотал я.

— Плевать мне на вашу газету и ваши сроки! — жестко сказал он. — Не нравится — верните автору. Ну что ты меня искалечил?

— Вася, я просто хотел тебя напечатать, — оправдывался

я, но чувствовал себя препогано. Действительно, какое я имею право? Он мастер. Он сам знает, как быть и что ему сокращать. Если он того пожелает.

Вмешался друг Аксенова Толя Гладилин. Он хотел смягчить Васин гнев.

— Понимаешь, — сказал Гладилин, — когда нас режут враги, то для этого они и поставлены. Но мы же свои. Нехорошо.

Я и сам чувствовал, что нехорошо. Но что было делать? Выбросить весь рассказ?

Я до сих пор не знаю, перестал ли Аксенов сердиться на меня. Я хочу, чтобы перестал. Ведь мы знакомы больше двадцати лет.

Илье Петровичу Суслову — сердечный привет! Рад преподнести Вам, дорогой товарищ по жанру, мою новую книжку.

Г. Рыклин

Это были его мемуары "Если память мне не изменяет". Рыклин был уже очень стар. Его довоенные и послевоенные фельетоны в "Известиях" и "Крокодиле" имели большой успех. Он в них всегда был на стороне сильного: он защищал диктатуру от народа. И был очень известным, потому что печатали его часто. Но в нем еще жил другой человек, добрый и мягкий. Судя по его писаниям, он был высоким, арийского типа спортсменом, любимцем молодежи и хозяйственников с толстыми кожаными потертыми портфелями. А в жизни Григорий Ефимович Рыклин был тихий, милый старичок, сильно картавящий и бесконечно далекий от классовых боев, в которых ему пришлось размахивать прямо-таки буденовской шашкой. Он рассказывал мне:

— И вот пришла очередь до меня. Всех вокруг уже арестовали, а меня все щадили: говорили, что меня любил читать Сталин. Но я чувствовал, что уже близко. И чем больше я их прославлял, тем больше чувствовал, что вот-вот меня заберут. И вот меня вызывают. Я попрощался с женой и пошел в этот... как их?.. комитет. Я был тогда редактором "Крокодила". Что вам сказать? В ту пору он был очень воинствен-

ный. Он просто карал. Если про тебя напечатали в "Крокодиле" — пиши пропало! Тебя уже нет. И вот пришла моя очередь.

Все это рассказывалось тихим голосом, с ужасающим еврейским акцентом, с тем типичным местечковым произношением, при котором буквы "р" как бы не существует, и вместо "Кремль" произносится "Кхемл", а вместо "карал" — "кахал". Мне люб этот акцент, потому что я умею его пародировать, он напоминает мне о моих родных, о моих близких, бежавших, как и Рыклин, из черты оседлости царской России. Это тот акцент, который так ненавидят антисемиты и неумело пользуются им, рассказывая еврейские анекдоты: "Однажды Абрам пришел домой..."

— У меня всегда было очень плохое произношение, — продолжал Рыклин. — И я никогда не смог его исправить. Так вот я пришел к ним на комиссию. Моя песенка была спета. Ой, как они кричали! Они так кричали, а я так боялся! Когда они кричат, надо молчать. Я молчал. А потом один встал и предложил объявить мне последний выговор с занесением. И я вышел от них живой. Я вышел и сказал секретарше, которая сидела у дверей:

— У меня плохое произношение, но зато хороший выговор!

И до сих пор в ушах моих стоит это сочное, старательно и вкусно произнесенное "виговох!".

Илье от Жени

Я сдал документы в ОВИР и поехал в Коктебель, проститься с морем. Там было и грустно и весело. Под навесами пляжа Дома творчества Союза писателей отдыхали члены и нечлены этой организации и их домочадцы. Я развлекался тем, что на пляже вслух читал газеты "Правда" и "Красная звезда". Если вслух читать то, что там написано, это дико смешно. Надо только читать с полной серьезностью. Под навесами пляжа стоял хохот. Все кричали только одно: "Не может быть!"

— Ну почему же не может быть? — спрашивал я. — Это последний раз показывает, товарищи, что вы никогда не читали наших газет. Вот почему вам полезна моя политинформация.

Слушайте, это новость с первой страницы: "Кемерово, 20. Корр. "Правды" А. Богачук. Успешно выполняет свои обязательства в честь 100-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина коллектив Томь-Усинской автобазы производственного объединения "Кемеровоуголь". Еще в начале пятилетки по инициативе передовых водителей В. Дубенца и М. Яковлева развернулось соревнование за экономию топлива. Начинание передовиков поддержали более четырехсот работников предприятия. Коллектив автобазы внес в копилку пятилетки более четырех тысяч тонн дизельного топлива и 760 тонн бензина сверх плана".

— Ну не может быть! — выли писатели. — Ну о чем это?

— Что они сделали-то, эти водители? Сколько они сэкономили?

— Как что! — возмущался я. — Они дали в копилку сверх плана.

— Ну и что?

— Дураки вы, — говорил я. — Ничем вас не прошибешь. А люди успешно выполняют сверх и в честь. У них развернулось. У них начинание. А вы тут животы греете. Позор!

Евтушенко сказал:

— Мне, кажется, дадут журнал. Будет называться "Лестница". Журнал творческих поисков.

— Не дадут тебе журнал, Женя, — сказал я. — Ты ненадежный. Ты сегодня "за", а завтра "против".

— Не знаешь ты, — сказал Женя, — уже почти есть решение.

— Тогда, — сказал я, — слушай состав редколлегии, которая будет тебе помогать: по прозе — Кочетов, по поэзии — Фирсов, по критике — Идашкин, по публицистике — Юрий Жуков, ответственный секретарь — Василий Журавлев, для солидности — Шолохов, для равновесия — Гамзатов.

— А тебя я возьму членом редколлегии по пессимистическим прогнозам, — зло сказал Евтушенко. — Вот всегда вы такие, леваки, вам бы все отрицать. А что взамен? Где выход-то?

— Помнишь, что сказал польский мудрец Станислав Ежи

Лец? Он сказал, что выход чаще всего там, где был вход. Выход, Женя, это капитализм, — сказал я ему на ухо.

Он отшатнулся. Этого говорить было не принято. Это было неприлично. Это было дико. "Социализм с человеческим лицом" — это куда ни шло. Но капитализм...

Поэт резко повернулся и ушел, не попрощавшись.

Чаковский однажды сказал о нем:

— Евгений Александрович хочет сосать от двух маток. Это не по правилам. Он футболист, забивающий голы и в чужие, и в свои ворота.

Так журнал ему и не дали.

А мне было жаль его. Он идеалист. Ранний Фидель. Дядюшка Хо. Дедушка Ленин.

Илюше Суслову с сердечной дружбой от автора.

Арк. Адамов

Аркадий Адамов хотел быть советским Конан-Дойлем. Он писал повести о доблестных советских сыщиках. Они ловили преступников и являли собой пример человека будущего, "смелых рыцарей правосудия", как о них писали в газетах и рецензиях.

На фоне полной серятины, заполняющей полки книжных магазинов, его книжки, где были хоть какие-то погони, приключения и события, были маленькой отдушиной: подростки читали Адамова, он был желанный гость на страницах журнала "Юность".

Но я не о том. Я хочу рассказать, как я визировал его повесть "Личный досмотр". Когда она прошла всю редакторскую и цензурную правку, меня вызвал редактор "Юности" Б. Н. Полевой и попросил съездить в КГБ и завизировать будущую повесть в отделе литературы этого учреждения.

— ?!

— Не удивляйтесь, такой порядок. Все, что написано о милиции, уголовном розыске и разведчиках, должно пройти цензуру КГБ. Зайдите на Лубянку и отдайте повесть Адамова полковнику Н. /забыл его фамилию, пусть будет Наумов. — И. С./

Я созвонился с этим полковником и на следующий день утром уже стоял в проходной Комитета государственной безопасности, держа под мышкой детектив Адамова.

В проходной стояли двое военных в форме. Я показал мое редакционное удостоверение и сказал, что меня ждет полковник Н.

Военный взял мое удостоверение, внимательно его прочитал, перевел глаза на мое лицо и быстро сравнил его с фотографией на удостоверении. Потом он ушел в будку и позвонил куда-то.

— Подождите вот здесь, — сказал он. — Полковник сейчас к вам спуститься.

В КГБ начался рабочий день. Через проходную шел поток людей на работу. Пока я ждал цензора, мимо меня прошли сотни людей. Они доставали свои служебные удостоверения и показывали их военному при входе. И тот же внимательный взгляд с фотографии на лицо, сухое "пожалуйста", и человек поднимался по лестнице вверх, на свое рабочее место: обычное начало рабочего дня в обычном учреждении.

Но меня поразило одно: эти сотни людей, торопящихся на работу, ничем не отличались от тех, что заполняют любое советское учреждение — тетки с кошелками, мужчины, похожие на рабочих, подростки с длинными волосами, похожие на студентов, старушки с приятными лицами, какие-то летчики, таксисты, спортсмены, девушки с танцплощадки...

Было такое впечатление, что покупатели из "Гастронома" напротив, закончив покупки, устремились на улицу. Толпа. И лица из толпы. Но каждый доставал удостоверение КГБ и показывал его вахтеру.

Через минут пятнадцать по широкой лестнице, ведущей куда-то наверх, спустился невысокий упитанный мужчина в хорошем английском костюме и подошел ко мне.

— Я полковник Наумов, — сказал он любезно.

— Я Суслов из "Юности", — поклонился я.

— Я Наумов, — улыбнувшись, сказал он.

— Суслов я, — повторил я не очень уверенно.

— Я Наумов, — почему-то снова сказал он.

Я хлопнул себя по лбу и вынул редакционное удостоверение. Он внимательно его прочитал, метнул взгляд с фотографии на мое лицо, точно, как вахтер при входе, и отдал мне удостоверение.

— Очень, очень приятно, — сказал он. — Ну что ж, снова Аркадий Адамов хочет порадовать нас своим интересным произведением. Не вижу никаких причин для задержки. Адамов знает, что можно, а чего нельзя. Очень опытный писатель. Вам нравится?

— Читателям нравится. Молодым.

— Ну вот видите. Через пять дней милости просим, вернем вам Адамова с визой. Герои у него, как живые. Прямые, знаете, без скептицизма, не рефлектируют... Правильный он писатель. Верно на вещи смотрит. И в этой вещи, надеюсь, верен себе. Кстати, продлите ваше удостоверение. Оно у вас просрочено.

Через пять дней он вернул завизированную рукопись. Без всяких поправок. Аркадий всегда знал своего читателя. С Лубянки. И не подводил. Вот почему он и не стал Конан-Дойлем.

Илюша! Спасибо тебе за все мое сочиненное.

С уважением Борис

И опять не могу назвать его фамилию. Он был смешной и способный. Пробовал себя во многих жанрах и остановился на кино, выпустив несколько книжек, в том числе детских.

Меня поразила одна маленькая история, связанная с ним.

Я гостил у своих родных в Лос-Анджелесе. Мы сидели у их приятелей и выпивали. Раздался звонок.

— Из Москвы! — сказал хозяин дома и взял трубку. Он долго говорил с кем-то, а потом сказал ему:

— Тут у меня один человек. Он с тобой хочет поговорить.

— Кто это? — спросил я.

— Боря.

Я взял трубку и сказал:

— Але...

— Илюха, ты? — сказал Боря.

Я просто опешил.

— Боря, — сказал я. — Мы не виделись с тобой семь лет. Ты знаешь, что я живу в Вашингтоне, и ты звонишь человеку в Лос-Анджелес, с которым я раньше не был знаком. Ты и представить себе не можешь, что я окажусь у него в гостях, да еще в третьем часу ночи. Ну как же ты можешь меня узнать по коротенькому "але"?

— Чудак ты, — сказал Боря, — а о чем мы здесь, по-твоему, разговариваем с утра до ночи?

И мне стало страшно! Мы здесь, в эмиграции, живем худо ли, бедно — будущим. А они там живут только нами. Они все в прошлом. Они помнят голоса, которые не слышали годами. Они живут нами, а не собой! Какая это трагедия — жить в стране с остановленным временем!

"ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ"

Общественно-политический ежеквартальный журнал,
издающийся в Мюнхене

В журнале даются анализы марксизма, коммунистической системы, стратегии мирового коммунизма. Обсуждаются также духовные и политические проблемы, возникшие в эмиграции, ведутся дискуссии по разным вопросам.

Журнал содержит обзоры зарубежной печати, рецензии. В нем есть отдел писем читателей.

В журнале сотрудничают авторы из первой, второй и третьей эмиграции.

В журнале печатаются: В. Пирожкова, Д. Штурман, А. Федосеев, И. Мацкевич, Н. Нефедов, В. Писарев, В. Кобылин, В. Рудинский и многие другие.

Адрес редакции: Dr. Vera Piroshkov, Ginsteinstrasse 104/111, D-8000 München, 80, Federative Deutsch Bundesrepublik.

В 1981 году редакция планирует публикацию лучших произведений самиздата и наиболее талантливых писателей всех трех эмиграции. В ближайших номерах журнала предполагается опубликовать повести и рассказы: "Пропавшие письма" Милана Кундеры, новые рассказы Александра Тучкова, прозу Виктора Некрасова, Бориса Хазанова, Аркадия Львова и других. Мы напечатаем статьи и эссе Доры Штурман, Льва Копелева, Ефима Эткинда, Фаины Баазовой. Предполагается опубликовать цикл статей и эссе на тему "Израиль в современном мире". Мы продолжим цикл статей под рубрикой "Наука XX века", который открывается напечатанным в этом номере эссе Артура Кестлера "Парапсихология в свете новой физики".

УСТАНОВЛЕНА СЛЕДУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.

Стоимость годовой подписки — 39 долларов, с целью экономической поддержки журнала — 50 долларов. Заказы и чеки высылать по временному адресу главной редакции: USA, 594 Chestnut Ridge, Road Orange, Conn. 06477, или путем перечисления на счет редакции: Bank of commerce New York, 56 East, 42 nd str, New York, 10007, "Time end We" Inc. Acc. 40 13681 7.

Стоимость подписки в Израиле 260 шкалим, с целью экономической поддержки журнала — 280 шкалим. Заказы и чеки высылать на адрес израильского отделения журнала "Время и мы": Иерусалим, Талпиот мизрах, 422/6 /зав. отделением Дора Штурман-Тиктина/.

Стоимость подписки во Франции 200 Ф.Фр., с целью экономической поддержки журнала — 220 Ф. Фр. Подписка осуществляется по адресу главной редакции в США /или путем перечисления на ее счет в Нью-Йорке/, а также во французском отделении журнала "Время и мы".

Стоимость подписки в Германии — 89 нем. марок, с целью экономической поддержки журнала — ПО нем. марок. Подписка осуществляется по адресу главной редакции в США /или путем перечисления на ее счет в Нью-Йорке/ а также у представителя журнала в Германии.

Во всех других странах подписка осуществляется по адресу главной редакции или путем перечисления на ее счет в Нью-Йорке, а также у представителей редакции.

ВЕРНИСАЖ
"ВРЕМЯ И МЫ"

О Борисе Зеленом как о живописце, вероятно, можно было бы написать книгу. Может быть, самое важное его качество в том, что он сумел увидеть и, главное, передать совершенно особый колорит, свойственный израильской природе, и особенно природе Иерусалима, в чем эти особенности? В чем своеобразие мастерства Бориса Зеленого? Ясность видения? Особая художническая задушевность? Особый колорит? Наверное, и то, и другое, и третье. Цветовая гамма его работ отличается сложнейшими сочетаниями красок, оттенков и реф-Ки лексов. И на какую из его работ вы ни бросите взгляд, вас не по-дает ощущение, что работа эта написана мастером. Есть картины, над которыми художник работает годы, и отставляет их в сторону, и снова над ними работает. Он говорит: "Пределов совершенству нет, так же, как нет пределов совершенству природы. Тема эта, вероятно, существует столько, сколько существует сама живопись. Так что говорить о моей задаче как художника — в самом высоком смысле этого слова — она, вероятно, в том, чтобы увидеть не увиденное другими. Всегда ли мне это удается? Не думаю. Если бы всегда удавалось, то я просто не знал бы, зачем дальше жить".

В. ПЕТРОВСКИЙ

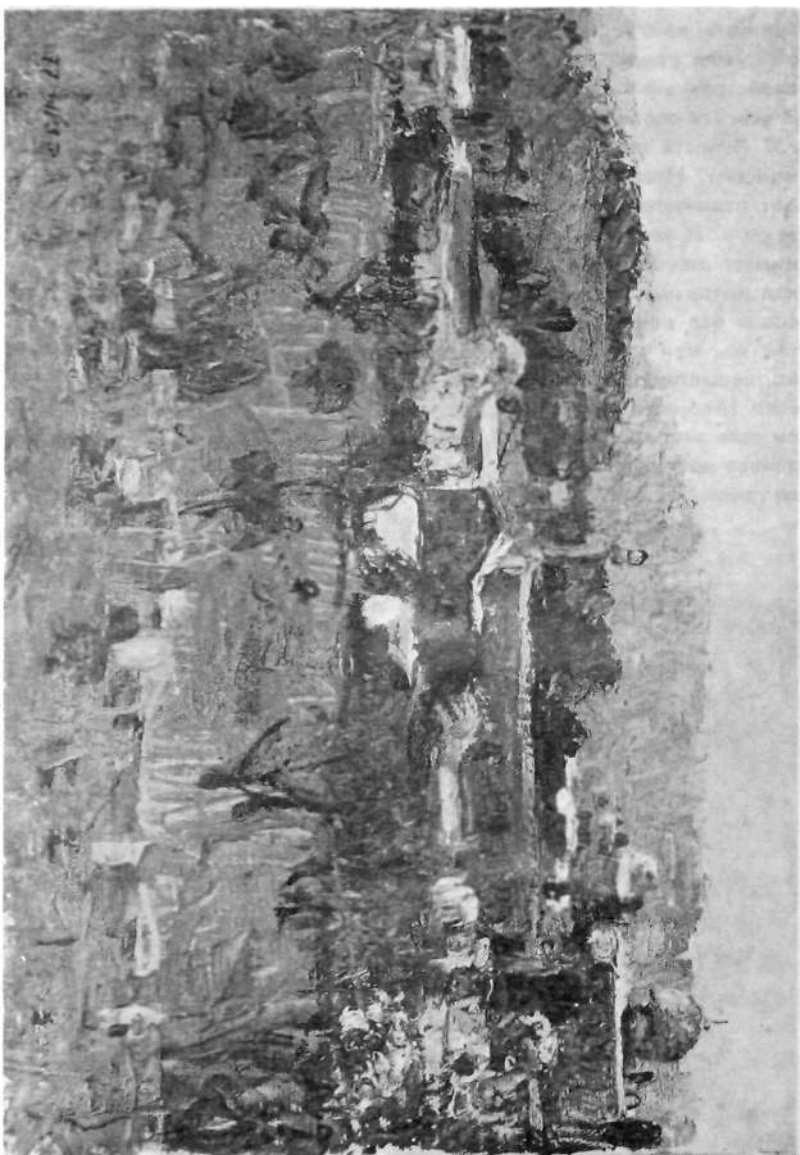
ИЕРУСАЛИМ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

Художник Борис Зеленый вот уже полвека — из шестидесяти пяти лет жизни — работает в живописи. По его собственным словам, первая его работа "Голова девушки на пленере" привлекла к себе внимание выходящего в 30-х годах на Украине искусствоведческого журнала "Живопись и скульптура" и экспонировалась на выставке лучших студенческих работ в Киеве. Это было в 1936 году, Борису Зеленому исполнилось тогда 19 лет. Затем учеба в Институте имени Сурикова в Москве, затем армия и война, и после войны — непрерывная, тяжелая, подчас мучительная, сопряженная с упорными поисками, работа живописца, и участие в 12 крупнейших выставках московских художников.

На вопрос, какая тема притягивала художника более всего в России, он отвечает: "Поймите, там далеко не всегда удавалось писать то, что я хотел, — договора, нескончаемые заказы "сверху" делали свое дело. Может быть, поэтому не очень и хочется вспоминать тот, российский период. В чем-то здесь, в Израиле, началась моя вторая жизнь как художника".

Окраины Иерусалима. 35 x 52 см.

Иерусалим весной. 31 x 44.

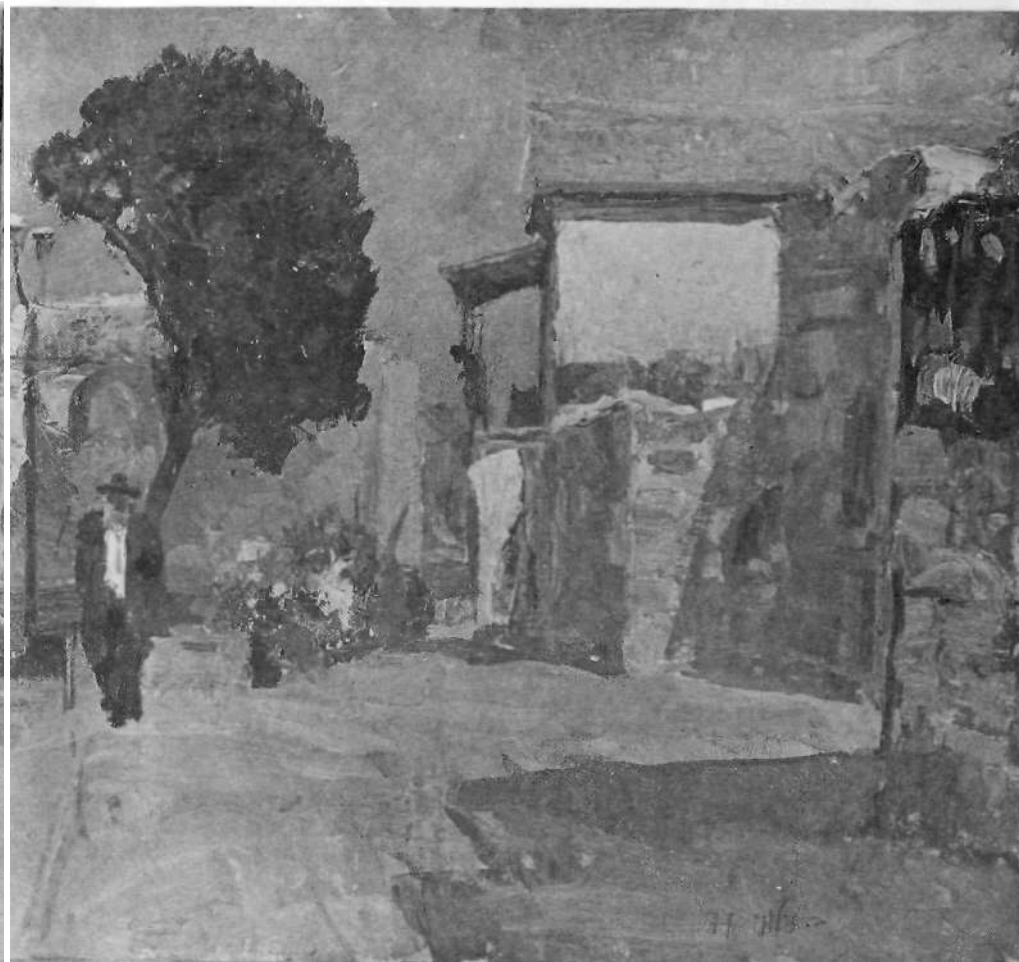

Иерусалим. 31,5 x 55,5.

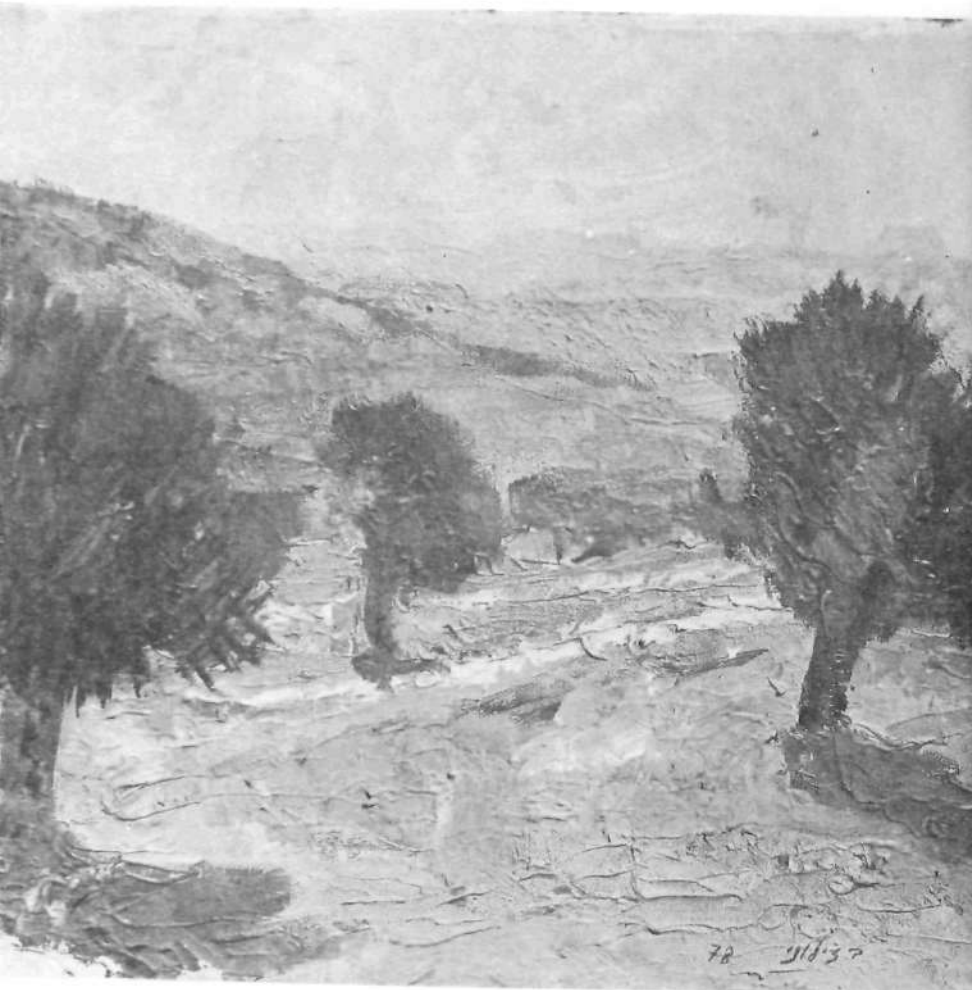
Цфат. 47 x 53 см.

Цфат. 47 x 53.

Цфат.

Иудейские горы. 38 x 46 см.

Портрет писательницы Ривки Губер. 40,5 x 30,5.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Феликс РОЗИНЕР. Писатель, поэт, музыкальный критик. Родился в Москве в 1936 году. Окончил Полиграфический институт, учился в консерватории, был на инженерной работе. В начале 60-х годов выступает в печати как поэт. Профессиональный литератор с 1967 года. В Советском Союзе опубликовал шесть книг, в том числе беллетризованные биографии Э. Грига, С. Прокофьева, литовского художника и композитора Чюрлениса. Постоянно сотрудничал в музыкальной журналистике. Много из написанного в Советском Союзе, в том числе и роман, отрывок из которого мы публикуем в этом номере, осталось неопубликованным и теперь готовится к печати. В Израиле — с конца 1978 года. Рассказы и повести Феликса Розинера публиковались в журналах "Время и мы", "22" и других.

Александр ТУЧКОВ. См. журнал № 55.

Фридрих Горенштейн. См. журнал № 55.

Александр ВЕРНИК. Родился в Харькове в 1947 году. Учился в радиотехникуме и на филологическом факультете университета. Работал техником, корректором, патентоведом. В СССР не печатался. В Израиле с июля 1978 года. На Западе публиковался в журналах "Время и мы", "Континент" и др.

Татьяна ФИЛАНОВСКАЯ. По образованию инженер. Несколько лет тому назад выехала в Канаду. На Западе публиковалась в журнале "Время и мы", в газете "Новое Русское Слово" и других изданиях. Автор многих публицистических статей и эссе-

Леонид ТЫКОЦКИЙ. Родился в 1929 году в Витебске. В 1952 году окончил статистический факультет Ленинградского планового института, а в 1967 — аспирантуру по специальности "политическая экономия" при Институте экономики АН Литовской ССР /г. Вильнюс/. Работал в Центральном статистическом управлении Литовской ССР /начальником сводного отдела/, после окончания аспирантуры — в упомянутом институте экономики /старшим научным сотрудником/. Кандидат экономических наук, автор книги "Производительный труд и услуги. Вопросы теории", а также ряда статей, опубликованных в СССР. С 1978 года живет в США.

Г. НИЛОВ. Рукопись статьи Нилова пришла по каналам самиздата, и биографические данные автора неизвестны.

Вольфганг Зеев РУБИНЗОН. Родился в Берлине 22 января 1922 года. Эмигрировал с семьей в Харбин в 1939 году. Не был допущен советскими властями в Харбине к экзамену на аттестат зрелости как "не имеющий подданства". Приехав в Израиль, вступил в киббуц "Мишмар Газмек". Работал чернорабочим, шофером грузовика, трактористом. Только в 26 лет сдал экзамен на аттестат зрелости. Окончил Иерусалимский университет и получил звание бакалавра по европей-

ской и всеобщей истории, затем — магистра по классической истории и филологии. Автор многочисленных работ по социально-экономической истории античного мира. С 1966 года преподает всеобщую историю в Тель-Авивском университете. Преподавал древнюю историю в Берлинском Свободном университете. В соавторстве с профессором Цви Явицем написал книгу "Восстание рабов древнего мира". Доктор философии по древней истории.

Георгий БЕН. Родился в 1934 году в Ленинграде, окончил Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, преподавал английский язык и зарубежную литературу в высших учебных заведениях Ленинграда, Петрозаводска, Новгорода, Ижевска. С 1958 года публиковал свои переводы стихов и прозы зарубежных авторов /Лонгфелло, Байрон, Скотт, По, Киплинг, Хьюз, Моэм, африканские и индийские писатели и др./. Кроме того, опубликовал ряд статей по английской и американской литературе и выпустил /в соавторстве/ "Антологию английской и американской поэзии" /на английском языке/. В 1973 году приехал в Израиль, где опубликовал ряд переводов /"Мои прославленные братья" Фаста, "Тьма в полдень" Кестлера, "Счастливый новый мир" Хаксли, "Это мой Бог" Вука, "Помощник" Маламуда, "Путешествие по малой планете" Э. Литвинова и др./. Публикует статьи и очерки в израильской русскоязычной прессе.

Артур КЕСТЛЕР. Писатель. Родился в 1905 году в Будапеште. В двадцатые годы эмигрировал из хортистской Венгрии и в качестве корреспондента западных газет побывал во многих странах. Участвовал в гражданской войне в Испании. С конца тридцатых годов навсегда поселился в Англии. Кестлеру принадлежат книги "Испанское завещание", "Подонки общества", "Ночные воров", "Девушки по вызову" и другие. Он автор ряда широко известных работ по социологии, психологии и антропологии. Всемирную известность писателю принес роман "Тьма в полдень", переведенный на многие языки мира и впервые опубликованный на русском языке в первом и втором номерах журнала "Время и мы". В нашем журнале опубликован и ряд публицистических статей Артура Кестлера.

Лев ЛАРСКИЙ. Родился в 1924 году в Москве. С 1941 по 1945 год участвовал в Отечественной войне. В 1952 году окончил Московский полиграфический институт, художественно-оформительское отделение, и работал художником в различных московских издательствах. В Израиль приехал в 1973 году. Автор впервые опубликованных в нашем журнале и получивших широкую известность "Мемуаров ротного придурка". Член редколлегии журнала "Время и мы".

Илья СУСЛОВ. См. журнал № 57.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК

Издательство MAX HUEBER VERLAG для студентов и учащихся, изучающих русский язык, активно владеющих основами русской грамматики и имеющих определенный словарный запас, выпустило следующие пособия:

1. *Зоя Кестер, Елена Ром* СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК. ТЕКСТЫ И УПРАЖНЕНИЯ.

Пособие состоит из 14 уроков.

В качестве материала использованы неадаптированные юмористические и сатирические тексты из "Литературной газеты", журналов "Юность", "Крокодил".

В пояснениях к текстам объяснены слова и словосочетания, относящиеся к разговорной или просторечной лексике, а также слова и словосочетания, являющиеся специфическими для жизни в современной России.

В каждом из 14 уроков объяснена одна из лексических тем /многозначность слов, омонимы, синонимы, антонимы и т. д./ и даны упражнения на эту тему, правильность выполнения которых может быть проверена по "Ключу к упражнению".

Объем 224 стр., цена 32 нем. марки /заказы присылать под №4441/.

2. ЧЕТЫРЕ КНИГИ ИЗ СЕРИИ "СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ" /ТЕКСТЫ И УПРАЖНЕНИЯ/. ВАСИЛИЙ ШУКШИН, НАТАЛЬЯ БАРАНСКАЯ, ВАЛЕНТИН РАСПУТИН, ВИКТОР АСТАФЬЕВ.

К текстам даны пояснения слов и словосочетаний, относящихся к разговорной или просторечной лексике, многие из которых еще не вошли в словари или имеют другое толкование. *Составители Зоя Кестер, Елена Ром.*

Цена каждой книги — 15,3 нем. марок.

Заказы под №№ 4442, 4443, 4444, 4445 направлять по адресу: MAX HUEBER VERLAG. KRAUS str. 30, 8045 ISMANING, MUNHEN, WEST GERMANY.

Я ПОКАЗАЛ ЙОХЕ НАГЕЛЬ, СОТРУДНИЦЕ БАНКА, В КОТОРОМ У МЕНЯ ОТКРЫТ СЧЕТ, "ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ", ПОЛУЧЕННОЕ МНОЙ ОТ "ХЕВРАТ ХАШМАЛ". ОНА ПОСОВЕТОВАЛА МНЕ ДАТЬ ПОСТОЯННОЕ ПОРУЧЕНИЕ БАНКУ НА ОПЛАТУ СЧЕТОВ ЗА ТЕЛЕФОН И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. Я ПОСЛЕДОВАЛ ЕЕ СОВЕТУ, И У МЕНЯ НЕТ БОЛЬШЕ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ СО СВОЕВРЕМЕННОЙ ОПЛАТОЙ СЧЕТОВ ЗА ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И ТЕЛЕФОН.

בנק לאומי הבנק שלי.

בנק לאומי

Отвергнутые рукописи не возвращаются, и по их поводу редакция в переписку не вступает.

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

**Главная редакция журнала "Время и мы": /временный адрес/:
594 Chestnut Ridge, Road Orange, Conn. 06477. USA**

Типография "Дерби", Улица Амаедипь, 6, Т.—А.

Художник Лев Ларский
Корректор и литературный редактор Эвелина Браверман
Технический редактор Наталья Рубина

OCR и вычитка - Давид Титиевский, ноябрь 2010 г.
Библиотека Александра Белоусенко

На последней странице обложки: Б. Зеленый. Иерусалим. Ейн Керем.

